

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Анатолий БАУЭР
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Артём ГОРОХОВ

проза

ИГРА В ОТКРЫТУЮ

Фантастический роман

– Но я не понял насчет вируса. Кто его создал?
– Тот же, кто ранее создал и вирус СПИДа, тот же, кто создал ИГИЛ, кто развязывал войны.
– Политики?
– Скажем более широко – власть. Только и всего. Это и причина, и цель, и средство. Правда я не знаю достоверно, было ли целью пандемии глобальное господство или просто обуздание чересчур умного населения. Вирус был создан для этого. Только вот вырвался он наружу слишком рано, когда вакцины от него еще не было. Он смешал все карты.

Елена КАМИНСКАЯ

литературоведение.
литературная критика

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Две картины художника в структуре повествования – две системы координат. На первой картине изображен человек, который выходит из леса, держа на цепи обезьяну. Человек молод, его жизнь только начинается. Его взгляд устремлен вперед, в будущее. На другой картине человек идет в обратную сторону. Только теперь он не ведущий, а ведомый. Обезьяна ведет старика на поводке. Жалкое зрелище: старик сгорблен, удручен безнадежностью и бесповоротностью ситуации. Молодость – старость, начало жизни и ее конец, восход солнца и его закат.

Турсун АЛИ

переводы

Небо так похоже на сердце моё...

Из цикла «Каракалпакские пейзажи»

Песок.
День высок.
Путь далек.
То здесь,
то там –
струятся муравьи,
ёж высунется, черепаха.
Внезапно
со дна веков
руины крепости – сердце засаднит,
как океан, качнутся мир и время,
и родина шумит, как океан.

Перевод с узбекского Сухбата Афлатуни.

НОВЫЕ ИМЕНА

Адель САВИНОВА

Лето, верни солнышко в душу!

Он молил, и услышан был.
Оглянулся, а тут она!
Как замёрзшему – солнца пыл...
Словно в мраке ночном Луна...

Вот ЛЮБОВЬ! Сможешь ее сберечь
От измены и от разлук?
Не предай и не изувечь!
Верность – это не просто звук...

проза

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

ПОЙМАННЫЙ СОН

А вечером вернулся домой с цветами, и ночью, когда сын уснул, Сидоровы мирились так страстно, что на сновидения уже и сил не осталось.

Иван Петрович, соскальзывая в сон, вдруг подумал о том, как хорошо, что они с женой столь молоды душой и желаниями, и порадовался случаю, открывшему ему незнакомые грани его, казалось бы, изученной и даже наскучившей супруги. А еще он отметил себе впредь уделять жене больше внимания, чтобы из ее подсознания в благой сон не лезли всякие там... любители сладкого...

С тем и уснул в объятьях горячих.

ПОЭЗИЯ

Инна ЛЮЛЬКО

Я люблю сейчас...

Любить сейчас

Каждый умирает в одиночку.
Не кричи, что это всё неправда.
Каждый сам в свой миг последней точки
Пьёт из чаши собственного ада.

Этот труд безмерного сиротства
Разделить с тобой никто не может.
Власть любви, или единородства,
Умолкает в час смертельной дрожи.

Нас влечёт удел в силки разлуки:
Жившим вместе – уходить нам рОзно!
Потому тебя в сердечной муке
Я люблю сейчас. Пока не поздно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Джасур ИСХАКОВ. «Душно-то как!» Рассказ.5
Артём ГОРОХОВ. Игра в открытую. Фантастический роман.10
Даниэль ВАСИЛЬЕВ. Пойманный сон. Рассказ.61

ПОЭЗИЯ

- Инна ЛЮЛЬКО. Я люблю сейчас... ..52
Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Бессонная звездная ночь. ..84

ПЕРЕВОДЫ

- Турсун АЛИ. Небо так похоже на сердце моё... Перевод с узбекского Сухбата Афлатуни.58
Нарзулло БАТИРОВ. Шарофат. Повесть. Перевод с узбекского Галины Рахматулаевой.96

НОВЫЕ ИМЕНА

- Адель САВИНОВА. Лето, верни солнышко в душу!78
Султанбек ИБРАГИМОВ. Непримиримые друзья.87

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Окилхон ИБРАГИМОВ. Великий ученый и учитель. ...81

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Владимир КАРАСЁВ. Третий мир Юсифа Гусейнова. ..55
Татьяна СЕДЫХ. Философия поэзии джаза.140

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Бозор ИЛЁСОВ. Переводческая концепция поэтического текста.128
Шахноза БЕРДИЕВА. Специфика «образа автора» и авторской позиции в литературе nonfiction.134
Мустафа БАЙЭШАНОВ. Узбекский период в творчестве А. Ахматовой.143
Наргиза ИСМАТУЛЛАЕВА. Элиминирование фразеологических лакун в художественном переводе.145
Елена КАМИНСКАЯ. Живописный экфрасис в структуре повествования.148

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины известного художника Юсифа Гусейнова.

Звезда Востока

2020 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

тел. (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1200 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Урзабаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе,
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

Copyright © «Звезда Востока»

«ДУШНО-ТО КАК!»

Рассказ

Джасур ИСХАКОВ

В уютной столовой слышались негромкий говор, звяканье ложек и вилок, тихий смех. Я пил компот, когда к столу подошла заведующая столовой Маргарита Степановна со скуластым парнем и сказала:

– Вот, опоздавший товариш. Ваш сосед, не против?

– Нет конечно.

– Что будете? – держа наготове огрызок карандаша и блокнотик, спросила новичка официантка.

– Что дадите... – пожал плечами Сергей.

– Все бы так, – женщина занесла в блокнотик какие-то каракули и, довольная, ушла на кухню.

Дом творчества кинематографистов в подмосковном Болшево славился своей домашней обстановкой, хорошей столовой, больше похожей на ресторан, чистыми номерами, прекрасным старым парком. Как и во всех подобных заведениях, здесь были свои завсегдатаи, жившие месяцами, а то и более. Убеленные благородными сединами, получившие в своё время все мыслимые награды и несправедливые наказания, обласканные и униженные вождями разных эпох. Кому позволяло здоровье, стучали шарами в бильярдной, другие с серьезными лицами играли в фойе в преферанс или очко на мелочь. Третьи неистово стучали в своих комнатках на машинках статьи о кино, синопсисы или сценарии. Некоторые бродили часами по аллеям парка, о чем-то размышляя или вспоминая. Встречаясь, они чинно кланялись друг другу, забыв о прежних распрях на всяческих хуцсоветах и коллегиях, на бесконечных заседаниях гильдий и бурных съездах.

Двухэтажное здание с колоннами было построено на месте богатой помещичьей усадьбы уже в советское время. Но каким-то странным образом дух барства и одновременно фамильярности obsługi переселился в эти комнаты, особенно в столовую.

– Варенька, милая, ну что же суп сегодня такой пресный? – восклицал известный сценарист.

Джасур ИСХАКОВ. Писатель, сценарист, театральный драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Член Союза кинематографистов, лауреат Государственной премии Узбекистана и нескольких литературных премий международных конкурсов, лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон».

– Солонка на столе... – носясь по залу, отвечала Варенька, женщина лет шестидесяти.

– А вот дерзить не надо!

Жена знаменитого режиссера, попробовав холодца с хреном, выговаривала официантке:

– Люся, хрен у вас какой-то... выдохся, что ли?

– Ну конечно! – хохотала молоденькая Люся. – Вам бы остренького да крепенького! А ведь у вас диабет...

Обычно на столах завсегдатаев стояли початые бутылки с армянским коньяком или пузатый графинчик с водкой. Пили так, для аппетита.

Между первым и вторым блюдами можно было услышать самые последние московские сплетни: кто с кем развелся, кто завел молодого любовника, чей фильм «положили на полку» и кого прочтут в министры.

Я и раньше бывал в этом теплом, ухоженном мирке. Но всё равно я был здесь чужаком. Впрочем, как и ещё двенадцать участников Всесоюзного семинара молодых сценаристов. Шел семьдесят пятый год. Именно тогда на самом высоком уровне вышел указ «О работе с творческой молодёжью». Хороший указ, как всегда, превратился в бурную кампанию. По всем городам и весям страны спешно создавались клубы творческой молодежи, литобъединения, музыкальные ансамбли, молодежные театры. Организовывались выставки молодых художников и архитекторов, издавались книги начинающих. И наш семинар был небольшой частью той шумной кампании. Семинаристы – начинающие писатели, поэты, драматурги, журналисты – съехались из разных уголков необъятной страны.

С Сергеем мы сблизились с первого дня. Он работал редактором многотиражки какого-то номерного градообразующего предприятия на Урале. Профессия, да и секретный городок, откуда он приехал, наложили отпечаток на его характер и внешность. Серьезный, всегда напряженный, он был похож на сорокапятилетнего мужчину, хотя разница у нас была незначительной – всего-то один год. В первый же день он подарил мне книгу с расплавленным металлом в ковше и надписью «Повелители огня» на обложке.

Был свободный день, наш руководитель сценарист Эдуард Михайлович Г. уехал по делам в Москву, наказав нам двоим срочно написать заявку или расширенный синопсис.

Вместо этого мы двинулись на Первомайку – в рабочий посёлок неподалеку от Дома творчества. В шумной, темной от табачного дыма пивной пили пиво с сухой воблой и солеными сухариками.

Эдуард приехал на следующий день. Сам он был из провинции, но за десять лет проживания в Москве успел написать две пьесы, детектив для Рижской киностудии, музыкальную комедию для «Таджикфильма», сценарий фильма-концерта для Одесской студии и много чего ещё. В Болшево он был как рыба в воде. Все завсегдатаи знали его, и он знал всех. Официантки называли его за глаза Живчиком, но побаивались, потому что знали, что он мог пожаловаться директору Дома, и тот оставил бы провинившуюся без премии. Во время ужина Живчик перебегал от одного столика к другому, кому-то рассказывая свежий анекдотец про Чапаева или – шепотком – про Бровеносца Ильича, кому-то радостно сообщая, что актер такой-то вконец спился и сошел с катушек, а кого-то прося замолвить словечко главному

редактору «Мосфильма» за его новый сценарий.

За время семинара он раз пять повторил одну и ту же фразу: «Запомните, нигде не платят так, как в кино! Сто рублей за одну страницу машинописного текста!»

Эдуард прочитал мою заявку и снисходительно похлопал меня по плечу.

– Сносно, – произнес он, – но слишком уж серьезно... Один стройбатовец, спасая другого солдатика, погибает в огне... Скучно. Всё из пальца высосано...

– Почему? Это было в семьдесят втором году, когда под Москвой горели торфяники. Они пытались спасти трактор, – попытался возразить я.

– Послушай, дружище! – перебил меня «педагог», – я был там у вас... Ты же из Душанбе?

– Нет, из Ташкента.

– Какая разница, – зевнув, произнес он, – там у вас очень любят индийские фильмы. Сам видел, народ валом валит. Вот и ты напиши что-нибудь такое лёгкое, с песнями, танцами – ляка-така-тум! И чтоб была несчастная любовь. Чтобы слезы, силуэты на закатах и так далее. Народ пойдет, вот увидишь! И будут потиражные. Сто процентов от гонорара!

С Сергеем у Живчика отношения не сложились с первой же нашей беседы. Небрежно листая книжку Сергея, он брезгливо морщился:

– «Река расплавленного металла...» Газетный штамп! И вы думаете, что из этого можно сварганить сценарий?

Сергей молчал. Но желваки, буграми поднимавшиеся под скулами, выдавали его.

Вечером в забитом до отказа зальчике в подвале смотрели нескончаемый шведский фильм.

Часа через два Сергей встал и, стараясь не шуметь, двинулся к выходу, задевая колени зрителей. На него недовольно зашикали. А одна дама сказала:

– Откуда понаехали? Сидели бы на своих завалинках!

Утром после завтрака к Сергею подошел Эдуард.

– Зря ты фильм не досмотрел... Это же классика, – закурив, произнес он, – Ингмар Бергман! «Сцены из супружеской жизни»! Пора уж приобшиться.

– Но мне не нравится такое кино, – сказал Сергей.

– А что тебе нравится? Какой-нибудь «Человек-амфибия» или «Кубанские казаки»?

– И они тоже... – начиная заводиться, сказал Сергей. – Вы же сами заснули вчера! Храпели даже.

– Не имеет значения. Я просто устал, – и, резко сменив тему, Эдуард добавил: – Так, завтра принесите ваши заявки, синопсисы... Время поджимает.

На следующий день Сергей предложил ему прочитать рукописный рассказ.

– Под Шукшина косишь? – криво усмехнулся Эдуард, пробежав рассказ по диагонали. – Нет уж Василия Макарыча... Почил в бозе великий писатель земли русской.

– Он и в самом деле великий русский писатель. И не надо ёрничать... –

негромко произнёс Сергей. – Я никому не подражаю. Я пишу о том, что знаю.

В этот момент в комнату вошел грузный человек и, вытирая пот, воскликнул:

– Уф! Наконец-то! Я тебя обыскался!

И, словно не замечая нас, плюхнулся в кресло.

– Слушай, Эдик, тут один сценарий нарисовался про героических кэ-гэбэшников... Генерал какой-то написал, под псевдонимом... – он вытащил из портфеля папку. – Вот... Девяносто страниц. Полный бред. А снимать надо. Срочно. Возьмешься?

– Конечно!

– Почему? Ведь ты их не любишь!

– Любишь, не любишь! Что за ромашка? Пятьдесят процентов – и все дела... Согласится твой сапог?

– Договоримся, Эдик! – они хлопнули по рукам.

– Но без аванса писать не буду... – сказал Эдуард.

– Как же ты любишь деньги! – вздохнул толстяк. Он вытащил из портфеля пачку денег, послунял пальцы и стал ловко и быстро отсчитывать красные хрустящие десятирублевки.

– Смотри-ка, новые...

– Прямо из Гознака. В конторе других не держат, – сказал человек. – Здесь тысяча пятьсот. Пока хватит. Но учти: двадцатого худсовет.

– Заметано, Гиви... – пряча деньги, сказал Эдуард.

Гиви ушёл, и мы остались втроем.

– Так на чем мы остановились? – Эдуард стал рассеянно перелистывать рукопись Сергея. – Ну что же... – примирительно произнес он, – рассказик в общем ничего... Но героиня твоя... как её там... Анна. Такая вся правильная, как с плаката. А от этого вся история становится пресной. Она должна изменить Георгию...

– С чего вдруг? – хмуро спросил Сергей.

– Для обострения... Понимаешь, перчика не хватает. Она, может, и любит Георгия, но тут просто физиология... Гормоны играют!

– Аня никогда и никому не изменит... – тихо сказал Сергей, глядя в пол. – Она другая.

– Да ладно! – махнул рукой Эдуард. – Все они одним миром мазаны!

Сергей поднялся. Шариковая ручка с хрустом сломалась в его руке. Обстановка накалялась. Эдуард тоже встал. Увидел сжатые добела кулаки.

– Может, ты меня и ударишь? – он улыбнулся, но дрожащий голос выдал его страх.

– Гнида ты, Живчик, – сказал Сергей и вышел из комнаты отдыха, где мы «беседовали».

На обед Сергей не явился. Я нашел его в пивной на Первомайке. Он пил «ершистое» пиво, чересчур оживленно беседуя с завсегдатаями. Увидев меня, Сергей искренне обрадовался:

– О-о-о! Пацаны, это мой друг из Ташкента! – закричал он. – Причаливай к нам! – По его лицу было видно, что он сильно пьян.

...Мы шли в сторону Дома творчества. Я придерживал Сергея, потому что его покачивало, и он мог поскользнуться. Воздух был упоительно чист.

Вдруг Сергей остановился. Распахнул полы пальто.

– Как душно... – произнес он.

Я удивленно посмотрел на него.

Он вдруг улыбнулся и трезвыми голосом сказал:

– Я не в том смысле. Воздух сегодня – замечательный! Вот здесь душно... – он постучал себя по груди. Голубые глаза его блестели от выступивших слёз.

Он уехал первой электричкой, когда все ещё спали.

...Наступили новые времена. Последнее десятилетие уходящего тысячелетия. Девяностые. Кому-то «лихие», кому-то горестные и мучительные, кому-то радостные и жирные.

Романы с пестрыми обложками Эдуарда Г. раскупались в тысячах книжных лавках огромной страны. Одни названия чего стоили! «Антология самых громких убийств», «Исповедь проститутки», «Бордели Москвы», «Проституция в годы социализма», «Кровавые истории советской мафии» и так далее и тому подобное. И полупорнографические фильмы по его сценариям крутились во всех расплодившихся видеосалонах разорванной страны.

Однажды, году в девяносто шестом, я остановился перед экраном телевизора как вкопанный. С фотографии на меня смотрел Сергей К., поседевший, уставший.

Звучал равнодушной голос накрашенной дикторши:

– Вчера было найдено тело известного писателя, автора романов «На изломе», «Духота», многих повестей и рассказов, Сергея К. Следствие утверждает, что «смертельная рана нанесена в результате неосторожного обращения с оружием». Но, по сведениям из надёжных источников, Сергей К. в последнее время, тяжело переживая гибель сына, злоупотреблял спиртным, вёл себя неадекватно и покончил жизнь самоубийством.

...Память опрокинула меня в семьдесят пятый год, на заснеженную дорогу в Болшево от Первомайки до Дома творчества. В тот день ярко светило солнце. Пахло хвоей, болотистой водой незамерзшей Клязьмы.

Вспомнилось карканье ворон в чистом воздухе, хриплый и тихий вскрик Сергея, больше похожий на всхлип: «Как душно! Душно-то как!!!»

А голос теледикторши бодро продолжал:

– А теперь сообщение Центрального банка. Курс рубля по отношению к доллару...

Я выключил телевизор.

Артём ГОРОХОВ

ИГРА В ОТКРЫТУЮ*

Фантастический роман

Око Саурана

Прошло три дня, как уехал хиппи. Мизантроп вновь занялся «любимым делом», я – своим: ел, пил дорогой алкоголь и смотрел оскароносные картины на огромном плазменном телевизоре.

Глаза уже слипались перед телевизором, когда в дверь кто-то с остервенением принялся молотить кулаком.

– Антивирус! Ан-ти-ви-рус! – кричал Мизантроп снаружи. – Ты дома?

Я открыл дверь и посмотрел на Мизантропа, стараясь вложить во взгляд все свои эмоции.

– Я думал, ты сегодня приедешь. Думал, с тобой уже стало чего, – заговорил он возбужденно.

– С чего это? – удивился я, не сходя с порога.

– А то, что мы уже не одни! – отрезал Мизантроп, выпучив глаза.

Я спустился с крыльца. На заброшенные дома спускался густой туман. Мизантроп указывал в сторону центра.

Мои глаза округлились, когда в черном-пречерном небе предстало Око Саурана!

Над центром города завис, пульсируя, огромный алый шар, от него расходились красноватые лучи. Впечатляющее зрелище.

Мизантроп заташил меня в дом и стал метаться по комнатам, выключая свет. Когда остался гореть только небольшой ночник, он зашептал, словно нас может кто-то услышать:

– Это прожектор на крыше Хай-Тауэр. Оттуда весь город как на ладони. Нужно закрывать окна, чтобы нас не заметили.

– Чего ты боишься? – раздраженно спросил я. Мне начало передаваться его беспокойство.

– А то, что, кроме нас и этого Крысиного Короля, тут наверняка никого! Неизвестно, что пришло в голову этому придурку, раз он снова решил вернуться.

Артём ГОРОХОВ. Родился в 1986 году в Чирчике. Окончил юридический факультет НУУз, работал в различных государственных органах. Публиковался в газетах «Свой», «Чирчик», «Даракчи», в журнале «Звезда Востока».

* Журнальный вариант. Начало в журнале «Звезда Востока» №5, 2020 г.

Мизантроп прав. Кому мог понадобиться самый высокий небоскреб, кроме как Сэму? Но могли быть еще выжившие, которые хотят привлечь внимание. Я сказал об этом Мизантропу, он задумался.

– Есть такой вариант, но в любом случае лучше поостеречься и прежде разведать. Согласен?

То, что Мизантроп заинтересовался моим мнением, было приятно.

* * *

На следующее утро мы поехали в Хай-Тауэр. Перед отъездом я рассматривал башню в бинокль, но ничего не увидел. Возникло неприятное чувство, что оттуда на меня тоже кто-то смотрит.

Оба мы были с пистолетами.

В бизнес-центре отсутствие людей было не так заметно. И машин на улице единицы. Все скрывали подземные гаражи.

В Хай-Тауэре располагались офисы крупных компаний, банков, конференц-залы. Мне доводилось бывать здесь.

У подъезда стоял пыльный и грязный армейский пикап. Мизантроп остановился и несколько раз посигналил. Тишина. Проверив, на месте ли пистолет, Мизантроп пошел к вращающимся дверям, я – следом.

Внезапно тишину прорезал хлопок, разлетелось на миллион сверкающих осколков-бриллиантов одно из стекол на первом этаже.

Мизантроп упал как подкошенный, сжав обеими руками левое бедро.

Раздался еще выстрел. Я оцепенело смотрел, как багровеют от крови джинсы Мизантропа.

– Пистолет! Пистолет! – шипел он сквозь плотно стиснутые зубы.

Застежка на моей кобуре не поддавалась. Морщась от боли, Мизантроп все-таки вынул пистолет и стал стрелять по разбитому окну.

Я поволок его, схватив за воротник, в надежде укрыться за машиной.

Мизантроп, учащенно дыша, сунул мне пистолет и вытащил одним движением ремень из брюк, перетянув им бедро выше раны.

Пальба прекратилась. Достав пистолет, я выглянул из-за машины и несколько раз выстрелил. Пули попали в стекла.

– Вам не уйти, твари! – послышался изнутри сдавленный крик. – Король Сэм не пощадит тех, кто посягнул на его добро и нападает на его людей!

Мы переглянулись. Внутри был человек Сэма, но не он сам.

– Скоты-ы-ы! Вам не уйти! Я уже передал ему, что на склад напали.

Потом снова прогремело три выстрела. На этот раз что-то разлетелось в здании, затем все стихло.

– Антивирус, надо сматываться, – процедил Мизантроп сквозь зубы.

Я снял с шеи бинокль и распластался на асфальте. На полу холла лежал, качая согнутой в колене ногой, человек и, вертикально держа винтовку, нажимал на курок, но выстрелов уже не было, и он отбросил винтовку.

– Пойду посмотрю, – сказал я Мизантропу.

Выставив пистолет, я подбежал к разбитому окну, присел и осмотрелся. В холле среди осколков стекла в луже крови лежал мужчина лет сорока в камуфляже.

– Не двигайся! – приказал я.

Подбежав к нему, я отшвырнул ногой винтовку. Однако он и не смог бы двинуться – силы стремительно покидали его.

За спиной послышался хруст стекла. Ко мне пробирался Мизантроп,

опираясь на какой-то зонтик.

– За это, – хрипел умирающий, – он вас повесит на фонарных столбах!

Мизантроп осмотрел ранения незнакомца. Одна пуля попала ему в грудь, другая – в низ живота. Мизантроп покачал головой и угрюмо сказал:

– Пристрели его.

Я вытаращился на него, не в силах произнести ни слова.

– Ему не помочь уже! Стреляй в голову, чтоб не мучился!

– Сам стреляй! – испуганно проговорил я, протягивая пистолет.

– Я не могу, – твердо ответил он. – Тогда пошли. Он и так уже отходит.

Мизантроп направился к машине. Я побежал за раненым товарищем.

Колеса нашей машины были пробиты, и мы запрыгнули в армейский пикап Короля Сэма.

Уже через несколько минут мы были в офисе Красного Креста. Я помог Мизантропу вылезти. Обхватив мою шею рукой, он поскакал в дом. В комнате для медосмотра плюхнулся на койку и прохрипел:

– Инструменты и аптечку!

Из шкафчика со стеклянными дверями я выхватил сверкающий бикс, чемоданчик с лекарствами и передал Мизантропу.

Разрезав штанину и обколов рану обезболивающим, Мизантроп нацепил резиновые перчатки и обработал рану чем-то пахучим. Когда лекарство подействовало, он взял какую-то палочку и шипцы, сделал несколько глубоких вдохов и, помогая себе палочкой, стал орудовать шипцами в ране. Я побледнел. С протяжным стоном хирург вынул окровавленную пулю. Затем, поморщившись, сильно прижал рану валиком из бинта.

– Давай нить, Антивирус! В кармашке сбоку, – подсказал он.

Я нашел пакетик со скрученной в кольцо полупрозрачной нитью. На одном конце – металлический крючок, похожий на половинку рыболовного.

Мизантроп взял крючок шипчиками и стал прокалывать им кожу.

* * *

Очнулся я, когда доктор уже заканчивал перевязку.

– Ты чего это, Антивирус? – спросил Мизантроп бодро. – Слабенький какой! Так, готово! – прыгнув на пол, он охнул. – Теперь надо антибиотик.

Мизантроп захромал в другую комнату, чтобы сделать укол.

– Что за черт?! – прокричал он. – Антивирус, иди сюда!

На полу перед Мизантропом стоял на коленях старичок, невнятно что-то лепечущий.

– Ты кто? – строго спросил Мизантроп.

– Гос.. гос... господин! – заикался старик от страха. – Не убивайте! Я спрятался в фургоне, когда началась стрельба!

– Да встань же! – сердился Мизантроп. – На кой ляд ты нам нужен?

– Ко-ко... – лепетал старичок. – Ко-король накажет меня!

– Не говори ерунду. Если увидишь Сэма, передай, что мы увидели маяк и поехали посмотреть, а по нам стали палить!

Старичок замотал головой.

– Господин! Возьмите меня к себе на службу, если у вас есть зелье!

Он попытался обхватить руками ногу Мизантропа. Тот едва успел отстраниться, и старик свалился на пол.

– Совсем из ума выжил?!

* * *

Нужно было как-то спастись от Короля – патронов практически не осталось, но Мизантроп попросил заварить чаю.

Мы сели на кухне.

– Не беспокойся, – успокаивал Мизантроп старика. – Ничего плохого мы тебе не сделаем. Что вы там делали у Короля?

Потягивая крепкий чай, старик немного успокоился.

– Сначала Король Сэм обустроивал замок на Голубых Горах, но там совсем нет условий. Поэтому он решил сделать резиденцию в городе на самой высокой башне, но там неудобно жить. Тогда он придумал превратить башню в хранилище. Король решил, что люди будут приносить сюда добро и менять на золото. Вот мы и приташили прожектор, чтобы место видно было.

– Сколько вас приехало? – спросил я.

– Только я и герцог Фабиус.

– Это тот, что ли? – улыбнулся Мизантроп.

– Ага! Король помогает всем, кто к нему примыкает, – затараторил старик, – и едой, и питьем, и зельем!

Мизантроп поморщился.

– Про какое зелье ты все время талдычишь?

– Зелье от чумы! Все же померли! А у Короля есть зелье! Чтобы не заразиться, надо пить его каждый день! А у вас что, нет?! – завопил старик.

– Есть у нас зелье, есть! – убедил Мизантроп. – Видишь – мы живы!

Аргумент немного успокоил старика.

– Что вы делали на башне? – снова обратился я к нему.

– Мы с герцогом должны были установить прожектор. Король собирался сегодня приехать посмотреть.

– Вот черт! – выругался Мизантроп. – А связь у вас была?

– Ага, рация!

Мы вышли в коридор и зашептались.

– Я, Антивирус, считаю, что нам нужно сваливать. На этот раз все так просто не пройдет.

Я молчал, раздумывая над его словами.

– Реальных вариантов два – стать его рабами или быть повешенными на столбе.

Я молчал, мысли путались.

– Ладно, – снова проговорил Мизантроп. – Я боюсь не смерти, боюсь стать объектом издевательств в руках наркомана. Ты как знаешь, а я уезжаю.

Он хотел пройти в коридор, но я остановил его:

– Конечно же, едем вместе!

Через тридцать минут в армейский джип были погружены еда, лекарства и ноутбуки. По совету Мизантропа я сорвал с крыши три солнечные панели. По идее, они должны были работать в любом месте. Оставшееся место забили посудой и теплыми вещами.

Все это время старичок молча сидел на кухне, поглядывая на нас то из окна, то через стеклянную дверь. Когда мы уже собрались уезжать, он, наконец, дал о себе знать:

– Господа! – плаксиво воззвал он. – Не оставляйте меня! Я буду служить вам. Я почти научился готовить! Я могу стирать!

Мизантроп посмотрел на забитые салон и кузов машины.

– Твою мать! – выругался он.

Открыв заднюю дверцу, куда запихнули одежду, он скомандовал старичку:

– Лезь давай!

Около двух часов пополудни мы выехали из города в северном направлении. В этом городе меня уже ничто не держало, но внутри все же болело.

Город остался позади.

Через несколько часов я остановился в каком-то захолустном городке заправить бак. Но как заправиться на обесточенных колонках? На нашу удачу в отдельном строении была выставлена батарея заполненных 5-литровых канистр. Заполнив бак под самое горло, мы покатили дальше.

Темнело, мы остановились на ночлег, съехав к зарослям орешника. Я развел костер. Мы поели и расселись вокруг огня.

Мизантропа знобило. В голове теснились похожие на сон воспоминания о прошлой жизни, когда его звали Ив Арнольди и почтительно называли «доктор». Снились тысячи больных, которым он не смог помочь справиться с вирусом. Он отчетливо помнил их лица... Но хуже всего были воспоминания о жене и дочке, погибших в закупоренной квартире. Он только посылал им лекарства и подбадривал в скайпе, разрываясь между профессиональным долгом и долгом перед близкими.

Заныла нога. Арнольди поморщился, повернулся на другой бок и снова забылся в тревожном сне, в котором снова ожили события в лагере: больные, компьютер, старый диван, солдаты, новые больные... К нему постучался солдат, принес планшет, на котором было лицо Антивируса, спрашивающего о здоровье своей жены. Или его, Арнольди, жены?..

Арнольди вскрикнул и резко сел, в висках стучало. Он поморщился и уставился на Антивируса, почти уверенный, что тот приходил в лагерь.

– Что такое? – удивился Старик.

– Нет, ничего.

Он пришел в себя и ощупал повязку на ноге.

– Болит, зараза!

Весь вечер после ужина у Старика бегали глаза. Было видно: его что-то волнует. Наконец, он решился спросить:

– А когда вы пьете эликсир от чумы?

Мы переглянулись.

– Послушай, – авторитетно начал Мизантроп, – никакого эликсира нет! Просто у нас иммунитет. Если бы был эликсир, то все бы не поумирали!

Старик приоткрыл рот.

– Как нет? – прошептал он. – Вы меня обманули?

– Успокойся! – повторил Мизантроп. – Я врач, наверное, смыслю что-то в этом.

– Мы ничего не принимаем! – сказал я. – Ну хочешь, будем давать тебе все, что сами едим и пьем?

– Пойдет! – буркнул он, подумав.

– Мы тебя не звали! – напомнил я. Если не доверяешь – уходи.

Старик напялил вязаную шапочку, будто и впрямь собирался куда-то. Я задумался, глядя на тлеющие угли. Старик раздражал. С Мизантропом мы были чем-то похожи, а этот – из другой касты.

– Сколько у Короля людей? – спросил я, не отрывая взгляд от костра.

– Так это... Сам Король, я, значит, кого пришили, еще один, пасет, кажется, – вытаращился Старик.

– Тебя считать научить, что ли? Количество назови!

– Пя-пять! – неуверенно произнес Старик.

– С ним или без него? – теряя терпение, уточнял я.

– Не-не знаю! – виновато ответил тот.

Я подошел к Старику и, склонившись над ним, угрожающе произнес:

– Послушай, я не собираюсь тебя за так кормить и возить. Хочешь ехать с нами – работай: добывай продукты, следи за костром, воду кипяти.

Старик прикрылся рукой, словно боялся удара. Наверное, привык к такому обращению. Я почувствовал какое-то превосходство, поняв, что в нашем с Мизантропом тандеме я вышел в лидеры по случаю его болезни. Теперь именно я должен все решать.

– У Короля, получается, осталось трое, не считая его самого?

– Выходит, так, – боязливо подтвердил Старик.

– А женщины? – продолжал я допрос.

Он заулыбался беззубым ртом:

– Какие там женщины! Если только резиновые!

– Может он за нами в погоню отправиться?

– Наверное, может, – задумался он. – Король вообще придурок!

На ночь я помог Мизантропу залезть в кабину. Старик сказал, что будет спать на улице. Осмотрев машину, я затушил угли и, взобравшись на крышу пикапа, стал рассматривать окрестности в бинокль. Света нигде не было видно, и это меня успокоило.

* * *

Весь следующий день мы двигались в северном направлении. Мизантропу полегчало, но нога болела, он постанывал, когда машину трясло на колдобинах. Дед сидел молча.

Мы подъехали к небольшому поселку. Я остановил машину на площади возле уютного кафе, перед ним под зонтами стояли деревянные столы и стулья, а чуть поодаль – жаровня и мангал.

Я послал Деда искать дрова, а сам зашел в кафе. Пусто. За стеклянной витриной – ряды пирожных, покрытых плесенью. Правда, в кладовке оказался ящик пива, а на кухне нашлись консервы и сковорода.

Пока Дед возился с дровами, я включил музыку на телефоне. Это должно было успокоить нервы и разрядить обстановку.

Для растопки жаровни Дед приташил из кафе стопку старых журналов и теперь листает их, что-то шепча.

Я заметил, что он рассматривает фотографию похожей на хиппи девушки со светло-русыми волосами, обхваченными тесемкой на лбу. Одна прядь заплетена в косичку, в нее вплетен ловец снов или амулет.

– Что ты там мямлишь? – строго спросил я. – Знакомая?

Старик усмехнулся:

– Нет, похожа просто на одного педика.

– Что? – не понял я.

– Ну, был парнишка один. Как баба, одетый, волосы длинные.

Я заподозрил неладное.

– Где был?

Старик замолчал. Я резко схватил его за плечо и развернул к себе.

– Рассказывай! А то удавлю!

– А что рассказывать? Мы с Королем искали бензовоз. Увидели на

окраине машину разрисованную. Король стал парню угрожать, если не будет ему служить. А тот ни в какую. Короче, страшал он его, страшал, а потом пришел!

– Дитя Цветов пришел? – заорал я.

Получается, наш хиппи не поехал ни в какие Гималаи, а закончил свой путь на окраине города...

– Вот мразь! – крикнул я во весь голос.

– Погоди, не кричи, – перебил меня Мизантроп.

Он стал расспрашивать Старика. По всему выходило, что это и был наш несчастный гость. Все замолчали. Старик боязливо поглядывал на меня.

– Только Королю не говорите, что я проболтался! – канючил он. – Он сказал, чтобы я помалкивал, а то и меня прикончит! Паренек разозлил Короля. Говорил, мол, нет теперь никакой власти, все – братья.

– Он преступник! – сказал я Мизантропу, словно прокурор.

– Знаешь, Антивирус... – немного помолчав, начал он. – Я же говорил, что теперь нет законов, а значит, и преступлений нет. Вся мораль осталась только в нас. Если считаешь, что это недопустимо, походи к Королю и заяви об этом. Накажи его, убей. Но это будет проявление власти сильного.

Я задышался от обиды и злости. Мы хотели уберечь Дитя, а он убил. И ему за это ничего не будет!

Стало горько, словно это я допустил преступление.

* * *

Мизантроп предложил остановиться на ночлег в деревеньке. Мы загнали машину под навес во дворе симпатичного старинного дома. Мой друг сильно хромал. Он попросил отыскать аптеку и привезти новые антибиотики.

Пока я ездил, Дед затопил печь.

На первом этаже добротного каменного домика размещалась гостиная, зал и спальня, на втором – еще спальня и кабинет. Мы сели в гостиной, стены которой украшали головы оленя и чучела диких животных. На стене под чучелами – фотографии, с которых смотрел крепкий мужчина лет шестидесяти с пышными усами.

В его кабинете я нашел сейф с ружьями. С ружьем и тремя коробками патронов я спустился вниз.

– О-о-о! Отлично! – одобрил Мизантроп. – Дай-ка! – он взял карабин, осмотрел его. – У моего отца был такой. Известная модель – Ремингтон 700. Отлично бьет. Без труда белке в глаз попадешь.

Я смотрел, как он радуется, и тоже радовался.

– Это подарок тебе! – сказал я.

* * *

Утром я проснулся от холода. Печь совсем остыла. Мизантроп еще спал. Я прошел по скрипучим половицам в гостиную. Дед тоже проснулся и стоял у окна, приоткрыв тяжелую штору.

– Снег, – тихо сообщил он.

Я подошел к окну: все было в снегу. Кружась, падали мелкие снежинки.

После завтрака мы решили, что ехать все равно нужно. Мы одолжили у владельца дома две меховые шубы и полушубок. Я нашел лисью шапку с огромными ушами и водрузил на голову.

Выезжая со двора, обнаружили, что у пикапа совсем лысые колеса.

Искать порядочный транспорт в захолустье бессмысленно, поэтому решили доехать до города.

Дорога змеилась по холмам. Поднявшись повыше, я достал бинокль и осмотрел местность. В какой-то миг показалось, что за далекие холмы нырнула крошечная черная точка. Сердце тревожно застучало. Это могла быть погоня.

Заметив тревогу на моем лице, Мизантроп спросил:

– Что-то увидел?

– Не знаю. Не уверен.

Мы молчали всю дорогу. Настроения ни у кого не было. От монотонной езды у меня слипались глаза.

Потеплело, ехать стало легче. Снег превратился в грязную кашу. Мы въезжали в город.

Невысокие дома тесно жались друг к другу, глядя на соседей черными окнами. Сразу видно, не столица!

Я пристально искал признаки жизни.

Дороги были заставлены машинами, завалены хламом. Город выглядел абсолютно безжизненным.

– Что за черт?! – заворчал Мизантроп, когда очередная улочка оказалась перегороженной мусороуборочной машиной. – Как специально завалено!

Проулок был настолько узким, что пришлось сдавать назад. Неожиданно раздался хлопок, и машина слегка накренилась.

– Этого не хватало! – проговорил я. – Колесо лопнуло.

– Останови, посмотрим, – предложил Мизантроп.

Мы вышли из машины. Заднее левое колесо было спущено. Мизантроп, хромая, подошел и склонился над покрышкой. На крыше трехэтажного дома послышался какой-то шорох. Голуби?

– Зараза! – прошипел Мизантроп. – Что это?

В этот же миг с крыши дома с треском полетел огромный шкаф. Я вытарашил глаза и перевел взгляд на Мизантропа, который сидел на снегу, держа в руке что-то похожее на сломанный карандаш с острым металлическим наконечником.

Будто в замедленной съемке я видел, как Мизантроп ринулся к двери, чтобы схватить ружье, как машина с визгом рвется от Мизантропа и врезается в мусоровоз.

На миг остановившись, Мизантроп поравнялся с кузовом пикапа. Мимо меня, со свистом рассекая воздух, пролетела стрела и воткнулась в одну из сумок в багажнике.

Мизантроп замер, медленно поднимая руки.

Мы оказались в ловушке: узкая улочка с одной стороны была перекрыта машиной, с другой – массивным шкафом.

– У тебя пистолет с собой? – шепотом спросил Мизантроп.

Я покачал головой. Пистолет остался в бардачке.

Из-под капота валил пар. Дед кряхтел внутри.

– Мы безоружны! – прокричал Мизантроп, подняв голову вверх. – Мы здесь проездом. Нам ничего не нужно.

Никто не ответил. На крыше послышался шорох. Какая-то тень скользнула по углу дома вниз. Затем из-за угла бесшумно направился к нам человек в каких-то шкурах. На вид ему не больше 30, среднего роста, худощавый, но жилистый. В самошитой тужурке с капюшоном из шкур. На ногах кроссовки. На плече лук – большой, современный, с блоками – как у спортсменов.

– Здесь моя территория! – с ходу начал он, переводя глаза с Мизантропа на меня. – Чужаков не пускаю. Не рыпайтесь: вы на мушке.

– Мы едем на север. Нам ничего не нужно, – сказал я спокойно. – Стало понятно, что убивать нас он не собирается. – Если сможешь найти новую машину, мы тут же покинем твою территорию.

Незнакомец продолжал сверлить нас глазами.

– Где ваше оружие? – наконец спросил он. – Пусть ваш товарищ выходит медленно с поднятыми руками.

– Старик, – крикнул Мизантроп. Тот не отзывался. – Ты цел?

Дверь со скрипом отворилась. Незнакомец вмиг снял с плеча лук, схватил стрелу и натянул тетиву, но тут же опустил лук, когда из кабины показался ошарашенный Дед с залитым кровью лицом. Он влетел головой в лобовое стекло.

– Сюда, Дед! – скомандовал Мизантроп. – На переднем сиденье карабин и в бардачке пистолет. Больше у нас ничего нет.

Не сводя с нас глаз, чужак выташил оружие.

– Ладно, теперь идите впереди, а я буду приглядывать за вами.

У меня от страха тряслись ноги. Мизантроп прыгал на одной ноге. Дед с залитыми кровью глазами с трудом разбирал дорогу.

– Вперед! – командовал незнакомец. – Теперь налево! Ступеньки!

Через несколько минут мы спустились в полуподвальное помещение бетонного здания, служившее, по-видимому, логовом дикарю с луком.

В помещение едва попадал свет. В нос бил запах гнили. На стенах – шкуры, в основном собачьи.

– Я Антивирус, – представился я, стараясь разрядить обстановку.

– Наши предки никогда не говорили своих имен чужакам, – задумчиво проговорил незнакомец. – Они считали, что, зная имя человека, можно получить над ним власть. Поэтому своего имени не скажу.

Разговор зашел в тупик. Незнакомец зажег свечи на столе.

– Антивирус, – обратился он ко мне, – ты шустрее всех, иди на улицу и сразу направо. Через два квартала окажешься в бизнес-квартале. Там сможешь выбрать машину.

Я встал, продолжая осматриваться: прямо здесь, видимо, дикарь разделывал туши зверей.

– Что смотрите? – поймал мой взгляд незнакомец. – Как-то же должен я кормить семью? – При слове «семья» я переглянулся с Мизантропом. – Пусть и собака, но живое, не носящее вирус создание...

На улице меня трясло от холода и нервного возбуждения. Я подумал, что, пока мы находимся в лапах лучника, Король мог уже доехать до города. Впрочем, больше интересовал вопрос о наличии у лучника семьи.

В двух кварталах и вправду оказалась площадь, окруженная современными домами. На парковке мой выбор пал на большой джип, который сразу завелся.

Затем я сделал небольшой круг в поисках полицейского участка или оружейного магазина. Удача, наконец, улыбнулась, так что на обратной дороге спину мне грела «пушка».

Машину я остановил так, чтобы было видно из подвала. Прежде чем спуститься вниз, осмотрелся и прислушался. До меня донесся какой-то разговор. Я смело сделал шаг и тут же кубарем полетел от сильнейшего удара в спину. Пропахав носом землю и ободрав руки, почувствовал, что кто-то

наступил мне на спину, задрал шубу и вытащил из-за пояса пистолет.

– Вот что он спрятал, пока стоял на улице! – услышал я запыхавшийся женский голос.

Я попытался повернуть голову, чтобы увидеть последнюю, возможно, женщину на Земле! Но она не дала мне повернуться. Лучник уже схватился за свое оружие. Я решил не ждать милости и подал голос:

– Послушай! За нами гонится ненормальный псих! Ты забрал у нас все оружие! Я не уверен, что он еще не добрался до города.

– Мне на вас плевать, – грубо сказал чужак. – Уходите. Отпусти его.

Ногу тут же убрали с моей спины. Я поднялся, вытирая окровавленные руки о штаны.

Женщина была довольно молода, но некрасива, однако сердце мое тут же забилось. Она тоже была в шкурах, длинные каштановые кудрявые волосы падали на грудь и спину.

– Пошел! – скомандовал чужак, указывая луком в сторону двери.

Пока шли к машине, я поглядывал на Мизантропа: он почти перестал хромать, странно улыбался, поглядывая на женщину, даже автоматически сел на водительское место.

Оружие эти дикари так и не вернули. Пальцы Мизантропа постукивали по рулю, он продолжал улыбаться.

– Это ж надо! – воскликнул он, наконец. – Женщина!

– Что тебя удивило? – переспросил я.

– Да ты что, Антивирус!? – снова завопил он. – Это же меняет все. Наверняка есть и другие женщины. Значит, не все потеряно, есть смысл жить. В условиях современной медицины ее можно клонировать!

Он остановился, задумавшись.

– Пока тебя, Антивирус, не было, дикарь рассказал, что скоро все творения цивилизации будут поглощены дикой природой, она восстановится, а человек будет жить с ней в гармонии. Сказал, что настанет благоденствие.

Пока Мизантроп разглагольствовал, я размышлял, как получилось, что этот человек стал моей совестью? Свои действия, планы, их оценку я определял по реакции Мизантропа. Равнялся на него. Что было бы, будь я один? Когда жили в городе, общались, когда оба хотели этого, жили как хотели, делали что хотели... Теперь же это было невозможно. Уже никуда не хотелось ехать. И спасать мир – тоже.

* * *

Остановку решили сделать на самой окраине города. На заправке раздобыли несколько канистр бензина. Наш доктор угрюмо молчал. Видимо сожалел, что вышел из своего обычного образа немногословного и неэмоционального человека.

В маленьком кафе Мизантроп взялся готовить обед, я примостился на диванчике в углу, возле тумбы с патефоном. Деда я отправил искать полицейский участок или оружейный магазин.

– Как нам повезло там! – заметил Мизантроп, стуча ножами по доске.

– Да, я до сих пор не отошел. Надо бы выпить.

Мизантроп указал ножом на небольшой бар в углу.

– Не перестарайся, – напомнил он. – Тебе еще рулить.

– Твое здоровье! – поднял я бокал с грушевой настойкой.

– И все-таки следовало бы забрать эту женскую особь с собой! – выдал

Мизантроп. – В научных целях хотя бы!

– Ну, может и в ненаучных, – шутил я, – но как, интересно, мы бы ее делили? Кого бы она выбрала? Может, устроили бы рышарский турнир? – заржал я, уже захмелев.

– Можно и вернуться! – вдруг задумчиво произнес Мизантроп.

– Ты чего, док? – воскликнул я. – Еле ноги унесли.

Сидя спиной к окнам, я заметил тень, скользнувшую по полу.

– Дед вернулся, – догадался я.

– У меня тоже все готово, – ответил Мизантроп.

– Значит, я вовремя, – нагло проговорил чужой голос.

Широко расставив ноги и мерзко улыбаясь, на пороге стоял Король Сэм. Поверх красного тренировочного костюма – белая шуба, на шее – золотой трос с медальоном в виде доллара, украшенного бриллиантами. В руке – большой никелированный пистолет.

– Попались, голубки! – дерзко начал он. – Кок, выходи из-за стойки. Садись рядом с дружком. Приехали в мой родной городишко и думали меня не навестить?

Мизантроп послушно положил поварешки и вышел, вытирая руки о фартук.

– О! – заорал Король. – Сегодня этот за жену!

В дверь почти на карачках вполз Дед, сел на пол у ноги Короля, обхватив ее рукой, и стал канючить:

– А еще они мне снадобья не давали! Врали, что, мол, нет его, – со злостью поглядывая на нас, продолжал он. – А оружия у них нет. Этот все забрал. И баба там у него есть!

Король нетерпеливо дернул ногой, освобождаясь от Деда.

– Бабу потом заберем. Сначала надо с этими решить. Ваше сиятельство! – в дверях появился длинный, худой, с жидкими волосами и лошадиной мордой мужик лет сорока в кожаных штанах и кожаном пальто. – Граф, держи их на мушке.

Осмотревшись, Король прошел за стойку, достал охотничий нож и стал ковыряться им в сковороде.

– Что там наготовила наша мамаша?

Король поддел ломтик жареной картошки, поводит им в подливе из тушенки и отправил в рот.

– Ммм! Неплохо, неплохо! – закивал он головой. – Мамаша умеет готовить. Может, оставлю ее в живых. Будет кухарить.

Он захохотал, выходя из-за стойки.

– Я ведь пришел вас наказать, бро! – он сел на диванчик, раскинув руки на спинке. – Я вам, холопам, объяснил тогда. А вы убиваете моих людей! – в его словах было все больше злости. – Я бы мог убить вас сразу, но я справедливый правитель. Перед смертью дам возможность высказаться.

– Мы уважаем тебя, Сэм... – начал было Мизантроп.

– Подожди, мамаша! – перебил его Король. – Пусть сначала мужчина выскажется, – он показал пальцем на меня. – А ты накрой на стол.

Мизантроп позеленел. Он готов был броситься на Короля.

Заметив это, Граф подтолкнул Мизантропа дулом пистолета к шкафу.

– Ну, что скажешь в свое оправдание, Доктор Вэб?

У меня от страха пересохло во рту, язык одеревенел.

– Мы никого не хотели убивать. Увидели в небе сигнал и поехали

посмотреть. Думали, кто-то ищет выживших.

– Конечно ищет! – согласился король. – Мне нужны люди.

– Мы пришли туда – пытался возразить я, – а они давай в нас стрелять. Мы в ответ – не целясь. Потом смотрим, а тот уже мертвый, – я сглотнул.

Мизантроп тем временем поставил на стол тарелки с приборами, фужеры и рюмки.

– Так было, холоп? – обратился Король к Деду.

Тот подскочил.

– Совсем не так, ваше величество! – без запинки ответил он. – Они подъехали и сразу стали стрелять из машины. Я едва успел схорониться, а Барон получил пулю, но продолжал сопротивляться, пока они его не укололи. А потом джип наш прихватили. Я и залез незаметно, чтобы узнать, куда поедут. Они меня насильно держали и лекарство не давали.

Наглое вранье меня взбесило.

Мизантроп, закончив сервировку, стал раскладывать по тарелкам картошку.

– Холопу и преступнику с королем за одним столом не сидеть, – выдал Король, сталкивая одну за другой две тарелки на пол. – Граф, так и быть, отобедает со мной. Ну и мамочка, конечно! – он улыбнулся.

Ломтик картошки из своей тарелки Король бросил на пол перед Дедом, стоявшим на коленях.

– На, попробуй! Вдруг преступник успел туда яда подсыпать.

Дед взял картофель грязными пальцами, подул на него и отправил в рот. Король аж захлопал от восторга и ошущения своей власти.

– Ну как?

– Вкусно, – ответил Дед, радостный от того, что смог повеселить хозяина.

– Хорошо! Подавай тогда подливку, стряпуха!

Мизантроп с каменным лицом взял сковороду с парящей подливой.

– Дай-ка Графу запах оценить! – продолжал Король шутить.

Граф заулыбался, готовый вдохнуть аромат тушеного мяса.

Но тут произошло неожиданное: Мизантроп с каменным лицом выплеснул еще булькающую подливу в лицо Графу.

Тот заревел, вздернул руки, непроизвольно выстрелив из пистолета. Пуля просвистела, попав в подушку дивана, на котором сидел Король. Пока граф обтирал лицо руками, Мизантроп со сковородой ринулся на Короля, пытавшегося достать пистолет.

Граф, протерев глаза, стал поднимать пистолет. Я, наконец, вскочил и, схватив его за руку, повалил навзничь, пытаясь локтем придавить горло, но Граф крутился подо мной. Тут еще дед запрыгнул мне на спину и обхватил руками шею. Стараясь разнять его руки, я встал, но, потеряв равновесие, свалился на Деда сверху. Граф с перекошенной от ярости харей встал над нами, поднимая пистолет. Его палец уже начал нажимать на курок, но вдруг зазвенело разбитое стекло. Грудную клетку Графа ровно посередине пронзила стрела. Побелев, он свалился на землю лицом вниз. В следующий миг послышались глухой удар и отрывистый стон Короля. Дед ослабил хватку, и я со всего маху саданул его локтем по ребрам. От удара Дед скорчился. Я вскочил, осматриваясь: над развалившимся на диване Королем стоял Мизантроп со сковородой в руке. На полу беспомощно корчился Дед, а около Графа уже образовалась лужица темной крови.

Я посмотрел туда, откуда прилетела стрела.

На противоположной стороне улицы стоял лучник. Он прошел к нам в кафе, переступив через осколки.

Не в силах произнести ни слова, я улыбнулся.

Мизантроп перевернул на спину потерявшего сознание Короля и стал осматриваться в поисках веревки.

Лучник пошел к нему, доставая из-за пояса веревку. Мизантроп ловко связал Короля.

– Спасибо! Но... чем обязаны?

Лучник замялся:

– Я забрал у вас оружие. А когда вы уехали, заметил его машину на объездной трассе. Он действительно вас преследовал. Решил посмотреть, чем все закончится.

Мизантроп достал откуда-то сигареты, прикурил и вышел на улицу.

Король очнулся. Я в растерянности смотрел по сторонам. Лучник невозмутимо стоял посреди кафе, презрительно глядя на деда.

Мизантроп с сигаретой в зубах задрал голову:

– Что за черт?! – повторял он. – Что за черт?!

Внезапно раздался оглушительный треск, и небольшой навес перед входом в кафе опрокинулся, перекрыв вид на улицу. Все стихло. Хотя нет, едва различался треск какого-то мотора, но и он смолк.

Полоснув ножом по полотну, я открыл выход на улицу. Прямо передо мной стояла большая плетеная корзина. В корзине сидел странного вида человек и держал в руках какую-то лампу. От корзины вверх шли длинные канаты.

– О Господи! – врывалось у меня. – Воздушный шар!

Суд и стимпанк

– Братья дорогие! – мягким голосом шебетал человек в корзине, перебираясь через ее борт. – Минуточку, братья мои!

Он взял толстый трос, служивший своеобразным якорем, и крепко привязал корзину к парковочному столбику, затем подбежал к Мизантропу, так и обомлевшему с сигаретой в зубах, и обнял его.

Не больше полутора метров росту, шустрый человек лет пятидесяти с небольшим тараторил скороговоркой. «Летун» был в кожаном шлеме и очках, какие использовали летчики лет сто назад, на руках – большие кожаные перчатки.

Обняв Мизантропа, он подлетел ко мне.

– А я гляжу – машина летит, ну и давай сюда, – затараторил он. – Так я ишу выживших. Поднимаюсь каждый день и высматриваю в бинокль. А тут вы! Как же я рад!

Он замолчал, расплывшись в благодушной улыбке.

– Ах да! Я не представился! Меня зовут Вальдемар! А вас, друзья?

– Мизантроп.

– Антивирус.

Мы так привыкли к этим прозвищам, что назвали их не задумываясь.

– Удивительно, господа! – восхищался он, а потом снова улыбнулся: – Это вы так моему шару радуетесь?

Мизантроп затянулся почти истлевшей сигаретой:

– Нет, мы только что свергли монархию, и еще наш товарищ пристрелил Графа.

– Какой товарищ, господа? – удивился коротышка. – Вы что, из этих?

– Каких таких «этих»? – переспросил я. – Иди сам посмотри.

Вальдемар посмотрел на Лучника и Деда, наблюдавших за нашим общением через прорезь в тенте, пройдя внутрь, остановился перед трупом.

– Господи, упокой его душу, – перекрестился он. – Вальдемар! – добавил он, заметив Короля, смотревшего на него исподлобья.

– Развяжи меня, сука! – зарычал Король, попытавшись встать.

– Что произошло, братья? – спросил Вальдемар. – Кто этот несчастный?

– Это вы несчастные! – заорал Король с дивана. – Всех перевешаю!

– Знакомьтесь, – пошутил Мизантроп, – их величество Король Сэм, который мечтал нас поработить. Там вас лежа встречает Граф. Имени не знаю. На корточках Дед – их приспешник и слуга. С арбалетом – наш спаситель Лучник. Вот такой коллектив.

– Предлагаю ликвидировать главную нашу угрозу, а потом отметить встречу! – сказал я.

– Предлагаешь его убить? – серьезно спросил Мизантроп.

Вальдемар с ужасом посмотрел на него.

– Да. По-видимому, он не успокоится.

– Нельзя, господа, вот так просто убивать человека! – взмолился Вальдемар. – Только суд может решить, кто виновен, а кто – нет.

– Отлично, давайте тогда судить его! – завелся я.

– Здесь неподалеку есть суд, – добавил Лучник.

Я вдруг понял, что, если настаивать, мою волю примут и остальные.

При помощи Деда я поднял Короля, и все направились за Лучником. Поблизости и вправду оказалось старинное здание с четырьмя колоннами. Мы прошли в судебный зал. На возвышении – три кресла для судей, перед ними – ряды кресел. Короля усадили в одно из них, привязав.

– Предлагаю всем, кроме Деда, свидетеля и участника безобразий, решить судьбу этого преступника, – выпалил я официально.

Вальдемар выкатил глаза:

– Я, братья мои, не могу принимать участия в этом судилище! Я не знаю этого человека. И вообще, Бог ему судья!

Мы втроем заняли судейские кресла: в центре – Мизантроп, по бокам – мы с Лучником. Вальдемар сел в одном ряду с Королем, но как можно дальше от него. Дед пристроился на дальнем кресле другого ряда.

Король с наглым видом развалился в кресле, всем своим существом выражая презрение.

– Огласите обвинение, господин Антивирус, – предложил Мизантроп.

От волнения я встал:

– Король Сэм убил нашего друга – Дитя Цветов. Ни за что. Свидетель – Дед. Так, подсудимый?

– Так, так! – с угрозой проговорил он. – Я не собираюсь участвовать в этой комедии. Вы для меня никто. Вам нужен закон, и этот закон – я! Я строю новое государство, вы же, сосунки, играете в демократию! – он сплюнул на пол. – Я лично пристрелил этого педика и вас перевешаю.

– Он убил человека, связан с наркотиками и оружием, нарушает законы общественной морали, поэтому его надо казнить. Он представляет опасность для людей.

Король согласно качал головой. Задыхаясь от волнения, я сел. Мизантроп, подумав, не вставая с кресла, произнес:

– Мы не виноваты, что вирус сделал нашу жизнь такой. Теперь нет законов. Получается, и преступлений нет? Можно делать что угодно? Считаю, нет. Поэтому мы, нормальные люди, вправе судить по совести человека за его дела. Все выжившие равны в правах. Никто не может устанавливать власть над другими, лишать людей жизни. Убийство в нынешних условиях – тягчайшее преступление. На Земле и так осталось мало людей, поэтому жизнь каждого – величайшая ценность. Короля Сэма следует строго наказать.

Мизантроп замолчал, дав знак Лучнику.

Несмотря на внешность дикаря говорил Лучник очень грамотно. Видно было, что образование получил хорошее.

– У меня иной взгляд на ситуацию. Вирус для людей – шанс исправить ошибки. Нам нужно стать ближе к природе. Выжить должен сильнейший, чтобы род наш улучшился и оздоровился. Это законы евгеники. Не мораль, а законы выживания играют главную роль. Не знаю, что делал этот человек раньше. Если убил другого человека, то это противоречит законам природы. Я знаю, что он хотел убить этих людей, что он – угроза для моей семьи, поэтому готов сразиться с ним в поединке. Природа определит сильнейшего.

– Вот это я понимаю! – закивал Король. – Только можно было проще сказать: «Давай разберемся по-мужски!»

– Все судьи, – подвел итог я, – признают виновность Короля Сэма. Осталось определить наказание. Считаю, что единственно возможное наказание – смерть.

Вальдемар охнул.

– Смерть?

– Да, – горячо подтвердил я. – Он понимает только силу, и он – угроза для цивилизованных людей.

Король не показывал своего волнения.

– Я против смертной казни. Справедливо будет устроить поединок, – возразил Лучник.

– А ты что скажешь, Мизантроп?

Мизантроп поерзал.

– Если ты, Антивирус, говоришь, что жизнь любого человека бесценна, то и жизнь подсудимого бесценна. Преступников всегда изолировали. Мы должны исторгнуть его из общества, презреть, сделать изгоем.

– Ты же сам так сожалел об убийстве хиппи! – возмутился я. – Не из-за него ли тебе пришлось бежать? Король устроил настоящий террор!

Мизантроп встал и уставился на меня:

– А что ты хочешь!? У тебя есть пистолет? Давай пристрели его!

– Да-да, пристрели, молокосос! – поддакнул Король, наблюдая за нами, словно зритель в театре.

– Чем ты тогда будешь отличаться от него? Это все равно будет убийством. Возьми на себя!

Я побагровел от возмущения:

– Но мы не можем его просто отпустить! – вскипел я. – Вот наказание! – положил я на стол пистолет. – И давайте тянуть жребий, кому исполнять приговор!

– Ну хватит! – не выдержал Мизантроп. – Мы заигрались. Он убийца, но я не вправе его осуждать. Я вообще призван спасать людям жизнь. Оставляю

это на ваше усмотрение, – с этими словами он вышел из зала.

Я посмотрел на Лучника, но тот отрицательно покачал головой.

– Я сказал, что вызываю его на бой – беспомощного не трону, – он придвинул пистолет ко мне: – Поступай, как велит тебе совесть, – и тоже направился к выходу.

Пистолет вновь оказался в моей руке, но это не стерло наглую усмешку с лица Короля.

– Давай уже решай что-нибудь! – подзадоривал он меня. – Но ты же слабак! Давай освободи меня, мальчик, или стреляй быстрее!

– Как думаешь, больше силы понадобится, чтобы пристрелить тебя или чтобы отпустить? – играл я роль судьи.

– Сам знаешь, трепло! – он харкнул в сторону помоста и обратился к Деду: – Эй, холоп, развяжи меня!

С пистолетом в руке я спустился вниз. Злость кипела во мне. Покиношному поставив ногу на кресло рядом с Королем и положив на нее руку с пистолетом, я сказал:

– Еще раз попадешься на глаза – пристрелю как бешеного пса. Благодарю Бога, что мои друзья оказались снисходительными. И если тебя ожидает поединок с Лучником, то, надеюсь, ты его проиграешь.

Внешне Король выглядел спокойным, но лицо его покрылось потом. Видимо, все же нервничал.

Вчетвером мы вышли из здания. Мизантроп и Лучник стояли в стороне.

Одним движением охотничьего ножа я перерезал веревку на запястьях Сэма. Он усмехнулся и, потеряв руки, пошел в сторону выезда из города.

– Эй, – крикнул Лучник, – куда пошел? Я жду поединка.

– Навешу для начала твою жену, – выкрикнул Король не оборачиваясь. – Я за вами еще при... – он не успел договорить, сраженный стрелой.

Сэм рухнул лицом вниз и, сделав несколько неловких движений, замер.

Я с восхищением посмотрел на Лучника. Почему он смог прикончить Короля, а я нет? Я проклинал свое малодушие.

– Прощайте, – сказал нам Лучник. – Теперь мы в расчете.

– Спасибо тебе, – ответил Мизантроп. – Без тебя мы оказались бы на его месте.

Лучник молча пошел в сторону центра.

Вальдемар с ужасом смотрел на труп, на лучника, на пистолет в моей руке. Достав из кармана плоскую фляжку, он одним махом осушил ее.

– Как это все ужасно! – выпалил, наконец, он. – «Брат пойдет на брата», как и говорилось!

Мы вернулись к кафе. Вальдемар бросился к воздушному шару, который уже начал оседать, и пролез внутрь. Послышался рев пламени. Горячий воздух вернул аэростат к жизни.

Вальдемар регулировал пламя горелки.

– Друзья мои, я вас приглашаю в свой дом. Отсюда около десяти километров на север. К сожалению, не могу взять на борт. Берите машину и за мной. Обед уже готов!

По его просьбе шар был отвязан от столбика, и аэростат стал медленно подниматься. На высоте метров в сто Вальдемар повернул его на север и помахал нам рукой.

* * *

Выехали и мы. Сначала аэростат Вальдемара маячил над кромкой леса, но вскоре пропал за холмом.

Проехав лесок, наш джип уперся в большие деревянные ворота, над которыми красовалась надпись «Технополис».

На возвышенности показался старинный двухэтажный дом, окруженный многочисленными хозяйственными постройками. Вся территория огорожена сетчатым забором. По правую сторону от дороги, на лугу, паслись кони, слева – коровы, чуть поодаль – овцы.

Вот это хозяйство! – вырвалось у Деда. – Не то что у Короля...

Мы вышли из машины, удивленно разглядывая хозяйство. Откуда-то из-под земли слышалось тарахтение двигателя.

Из окошка полуподвального этажа показалось раскрасневшееся лицо Вальдемара.

– Проходите, господа! Осмотритесь. Я сейчас.

Отворив дверь, мы очутились в большой гостиной со старинной мебелью. В массивной хрустальной люстре красноватым светом горели лампочки.

Из коридора послышалось шарканье Вальдемара.

– Ничего не успеваю сегодня из-за этого инцидента! – жаловался он на ходу. – Все сам! Если хотите, покажу вам свое хозяйство.

На нем были костюмные брюки и жилет поверх белой рубашки, коричневый кожаный фартук, черные нарукавники и перчатки. На голове берет, а на лбу увеличительное стекло на один глаз, какими пользуются часовщики.

Мы пересекли зал, коридор и очутились в кухне, где пахло так, что у меня свело живот.

На шампуре над пламенем медленно вертелся аппетитный поросенок, покрытый золотистой корочкой. Над поросенком была небольшая никелированная металлическая емкость, соединенная с часами длинной спицей с рычажком. Вальдемар стал заводить часы, а Мизантроп подошел поближе к поросенку. Что-то шелкнуло в механизме – на поросенка полилась тонкая струйка соуса.

– Поразительно! – воскликнул Мизантроп. – Просто гениально!

– Это – пустяки! Вы еще остального не видели! – смутился Вальдемар.

Мы оказались в комнате, походившей на химическую лабораторию. На газовой плите стояла большая емкость, от которой отходил шланг, соединенный с другой емкостью над раковиной. От крана к емкости присоединен еще шланг, который, по-видимому, подавал воду. Третий шланг выводил воду в раковину. Из емкости по тоненькой трубке в стеклянный сосуд капала жидкость.

– Самогонный аппарат! – восхищенно воскликнул Дед. – Чудеса, блин!

Вальдемар на секунду остановился у стола и насыпал какие-то красные крупинки в баллон, полный мутноватой жидкости. Крупинки медленно опускались на дно, оставляя алый след.

Следующая комната представляла собой мастерскую. Везде груды различных запчастей и инструментов.

– Я на минутку, – проговорил Вальдемар, с силой вращая какой-то штурвал. Сделав несколько оборотов, он посмотрел на часы, которых у него было по паре на каждой руке, и подошел к датчикам на трубах вдоль стены. – Угу!

Часы пробили четыре. Как по команде, заскрипели какие-то устройства, блоки и механизмы. Казалось, вся деревянная конструкция ожила и задвигалась. Через минуту звуки прекратились. Вальдемар снова посмотрел

на датчики, улыбнулся и подошел к нам.

– Вот и все, господа! Время обедать. Прошу следовать за мной.

Мы поднялись на второй этаж в большой зал, посреди которого был накрыт стол на четыре персоны.

– У меня на обед отводится ровно час, – заявил хозяин, когда мы расселись.

Вальдемар взял один из графинов и налил каждому в хрустальную рюмку ярко-красной жидкости.

– За встречу, братья мои! – он поднял свою рюмку.

Дед мигом хлобыстнул, а Мизантроп стал нюхать.

– Это наливочка вишневая, – пояснил хозяин. – Сам готовил.

Наливка оказалась приятной. Мы принялись раскладывать по тарелкам салат, оливки, свежую зелень.

– Какое у вас хозяйство! – проговорил я с полным ртом. – Как вы все успеваете?

– Только режим, распорядок. Я ведь вначале думал, что один остался на Земле. Подумал, грешным делом, что Господь избрал меня новым Ноем. Поселившись здесь, я стал поддерживать хозяйство, собирать животных, семена растений.

– Вы все это сделали своими руками? – восхитился Мизантроп.

Вальдемар покраснел.

– Именно! Я ведь раньше был ведущим инженером, проектировал, создавал. Все работает от котла. Пар подается в систему и задействует кормушки и поилки, открывает и закрывает двери. Отработанный пар идет в теплицу. В доме тоже будет автоматическое паровое отопление к зиме, – похвастал он. – Недавно подключил к системе генератор, – он улыбнулся: – Вы кушайте! Я схожу за поросенком.

Он ушел, и мы с Мизантропом переглянулись.

– Интересный тип, хотя и странный! – сказал он.

– Да, такое только в кино увидишь! А поросенок просто великолепный!

– Да и наливка! – влез в разговор Дед.

Я сердито глянул на Деда, и он замолчал. Внизу слышались перебежки Вальдемара. Я замер. Мне показалось, что я слышу чей-то разговор. Хотя, возможно, лепетал сам странноватый хозяин. Послышался скрип ступеней, и в комнату вошел Вальдемар, держа в руках блюдо с поросенком, вокруг которого лежал запеченный картофель.

От вида таких деликатесов у нас потекли слюнки. Хозяин порезал и разложил по тарелкам мясо, затем открыл бутылку с прозрачной, маслянистой жидкостью.

– Попробуйте настой на семечках и орехах. Я люблю экспериментировать.

Мы выпили и набросились на мясо. Хозяин снова наполнил рюмки.

– Для меня сегодня волнительный день, добрые люди! – торжественно начал Вальдемар. – Я очень рад, что встретил новых людей! Если мы избраны для жизни в обновленном мире, то обязаны ежечасно хвалить Господа!

Мы уже достаточно захмелели, чтобы вступить с хозяином в полемику. Начал Мизантроп:

– Вы полагаете, мы избранные?

– Несомненно! – горячо подтвердил Вальдемар.

– То есть мы избраны для новой жизни, а все грешники умерли? –

уточнил задумчиво Мизантроп.

– Именно! Люди погрязли в грехах и были наказаны!

– Может, просто там, – Дед, хихикая, показал пальцем вверх, – в суде, очередь наша еще не пришла!

Вальдемар побагровел.

Я пнул Деда под столом, а сам поднял рюмку:

– За стимпанк!

Все выпили. Вальдемар снял увеличительное стекло.

– А что это? – спросил он, стараясь улыбаться.

– Все это! – я развел руки в стороны. – То, что вы сделали.

– Это направление в современной фантастике, – пояснил Мизантроп. –

В упадочном обществе широко распространилась механика и все, связанное с паром. А где, кстати, вы раздобыли воздушный шар?

– В прошлом году я стал членом клуба воздухоплатователей. А во время пандемии я позволил себе присвоить этот шар, – снова покраснел он.

Мне стало так уютно в этом фантастическом домике, что даже показалось, будто я люблю этого тараторящего человечка.

Вальдемар достал еще один графин с настойкой.

– Уже прошел час, но ради такой компании я готов пожертвовать драгоценным временем! – он снова поднял рюмку. – У меня же все механизировано!

Мы выпили и дружно засмеялись.

– У каждого человека, господи, есть призвание! Теперь, когда нас осталось ничтожно мало, наша миссия усложнилась. Мы обязаны трудиться и трудиться.

– И какое же у вас призвание? – спросил Мизантроп заплетающимся языком.

Первый раз я видел его таким пьяным. Вальдемара этот вопрос оживил.

– Полагаю, моя миссия – направлять людей на путь истинный. Не все выжившие понимают свое предназначение. Некоторых надо учить, – он помолчал. – Как вам поросенок?

– Замечательно! – ответил я. – Ел бы еще, да не помешается.

– Сейчас я принесу своей особой настойки. Она помогает пищеварению.

Вальдемар вышел. На улице уже темнело.

– Уютно здесь! – заплетающимся языком проговорил Дед. – Давно я так не жрал!

Внизу снова послышался странный шепот. Мы с Мизантропом переглянулись.

Кажется, я даже разобрал слова «опаздываем», «каждому», «идиот». Вернулся возбужденный Вальдемар с бутылкой желтоватой жидкости.

– Настояно на семи травах и лучше всяких ферментов помогает пищеварению, – сказал он, разливая по рюмкам. – Тост! За здоровье моих новых друзей!

Мы выпили. Настойка оказалась горьковатой, со странным послевкусием, в желудке от нее сразу стало горячо.

– Тогда давайте выпьем за здоровье и нашего хлебосольного хозяина! – предложил Мизантроп, взгляд которого совсем затуманился. – Разлей, пожалуйста, Антивирус!

Я привстал, но голова закружилась, пришлось разливать сидя. На этот

раз чудо-настойки я налил и Вальдемару, хотя в прошлый раз он пил вишневую.

Мы дружно выпили. Вальдемар, к удивлению, не выпил чудесную настойку, а выплеснул ее за спину.

Мне перестало хватать воздуха. Я встал. Голова закружилась, все поплыло.

– Кажется я перебрал, – с улыбкой проговорил я, направляясь к окну.

– Случается, – учтиво ответил Вальдемар, продолжая разговор с Мизантропом, который едва удерживал ладонями голову.

Дед, откинувшись на спинку, храпел. Голос Вальдемара доносился как будто издалека.

– ...моя обязанность... это как миссия нового пророка...

Подойдя к окну, я распахнул его. Морозный воздух немного освежил. На улице совсем стемнело, но я все же смог различить почти под самым окном фигуру человека.

– Ну что? Все? – донеслось до меня издалека. Человек всматривался в меня, но тоже не мог разглядеть в темноте.

«Отравил!» – сразила меня догадка.

В желудке жгло все сильнее. Я был близок к потере сознания. Почти не соображая, я сунул себе в глотку два пальца, вызывая рвоту. Переполненный желудок не заставил просить дважды. Меня вырвало прямо на козырек крыши. Человек внизу быстро спрятался.

Не в силах справиться с головокружением, я опустился на пол спиной к окну. Вальдемар все еще сидел за столом. Мизантроп продолжал бороться с клонящейся к столу головой, стараясь вернуть ее в прежнее положение, но у него получалось лишь слегка приподнять ее. Храпевший Дед сполз со стула на пол.

После того как меня вырвало, сознание стало проясняться. Из окна дул освежающий ветер. Почти перестала кружиться голова. Я услышал слова Вальдемара:

– Нажрались! Чревоугодники! – он встал и направился ко мне.

У меня хватило ума притвориться беспомощным.

– Особенно этот! Половину поросенка сожрал. Это трапеза для всей братии! – он склонился ко мне, думая, что я ничего не соображаю. – Плохо теперь, да? – он выпрямился и захохотал. – Эй, братья! Голубчики готовы!

Вальдемар отошел от меня. Внизу послышались шаги.

В комнату вошли трое высоких мужчин в длинных черных балахонах, как у священнослужителей. Все с длинными бородами.

– Братья мои, – уже с металлическими нотками в голосе произнес Вальдемар. – Вновь прибывшие совсем уподобились животным. Ничего, несколько месяцев в чистилище вернут им человеческий облик!

– Верно говорите! – хором ответили «братья».

– Я ведь говорил, что так и будет? И про чужаков говорил, что придут!

– Так точно и говорил! – подтвердили вошедшие.

– Это мне все Господь говорит, – убеждал Вальдемар. – Слушайте меня и обретете спасение. Ташите этих грешников в чистилище, а я должен проверить механизм, – с этими словами он поскакал вниз.

Мужчины остановились в нерешительности. Постарше подошел к столу и взял кусок мяса из моей тарелки.

– Ты что, четвертый? – возмутился самый молодой. – Грешно ведь!

– Отмолю, брат! Пророк наш добрый. Ну что, понесли? Берите этого, –

он указал на скрючившегося на полу Деда.

– Сам его бери! – возразил третий. – Мы поташим, а ты стол подчищать будешь?!

– Не говори много! – ответил старший, нюхая вишневую настойку.

Повозмушавшись, двое подхватили Деда и с трудом поташили вниз. Оставшийся проводил их взглядом, а потом сделал несколько хороших глотков из графина.

– Четвертый! – послышалось в это время с лестницы. – Четвертый!

– Ну что еще? – недовольно отозвался оставшийся.

– Он обмочился! Подсоби!

Мужчина пошел к лестнице. Нужно было немедленно что-то предпринять. Если прыгнуть на выступ крыши, можно соскочить вниз. А там до машины два шага. Я оглянулся на Мизантропа. Он безвольно лежал на столе.

– Мизантроп! – позвал я. – Очнись, друг!

Я стал его тормошить. Он перевел на меня задурманенный взгляд и с трудом проговорил:

– Я кое-что соображаю, но полностью обездвижен.

Я бил его по щекам. Он не двигался.

Я заметался. Драгоценные секунды уходили. Оставить Мизантропа здесь? Зачем мне нужно это живое воплощение моей совести?..

– Дуралей! – сказал я то ли ему, то ли себе, потом закинул его руки себе за шею и прохрипел: – Держись хоть!

Держа Мизантропа за ноги, я посмотрел по сторонам, выбрав единственную дорогу – вниз по лестнице.

Дом притих. Спускаясь по второму пролету, я остановился. В гостиной никого. Сделав уже было шаг в сторону входной двери, я замер. Кто-то быстро шел по правому коридору. Подняться вверх я уже не мог, поэтому метнулся влево и очутился перед открытой дверью, за которой оказалась лестница, ведущая вниз.

Лестница вела в нижний полуподвальный этаж. Тут было темно. На всю длину дома – коридор. В самом конце его слышалось копошение. Это наши преследователи, они переговаривались о чем-то.

Я попятился и оказался с Мизантропом в какой-то нише.

– Поставь! – прошептал Мизантроп.

Я осторожно присел, помогая ему встать.

– Ты как? Можешь идти? – спросил я, переводя дух.

Но и без слов было понятно, что ноги Мизантропа не держат.

Мы притихли, совсем рядом послышались шаги. Сверху бешено закричали:

– Где?! Где-е они-и? – голос Вальдемара было невозможно узнать.

– Ох беда, братья! – прошептал кто-то рядом. – Поторопимся!

Тяжелые шаги застучали по лестнице. Я было рванулся за ними, но тут же остановился. Вальдемар отчитывал своих людей в гостиной, давая указания по поиску.

– Пошли по коридору! – позвал я Мизантропа.

Но у него идти не получалось. Пришлось снова помогать ему.

Мы ковыляли по темному коридору, когда вдруг услышали чье-то бормотание. Сбоку из темноты протянулась рука.

– Выпустите нас! – проростонал мужской голос. – Я уже очистился!

Я шарханулся в сторону. Оказалось, что сбоку в комнате вместо двери

была толстая решетка. Внутри – люди. Трудно сказать, сколько.

– Кто там? – удивленно спросил Мизантроп.

– Шагай! – гневно выпалил я. – Сейчас сами там окажемся!

Мы поспешили к открытому окну в конце коридора. Узник, поняв, что никто ему не собирается помогать, стал истошно орать:

– Они тут! Тут!

У окна я подсадил Мизантропа, он с кряхтением вылез наружу и подал руку мне.

Очутившись позади дома, мы замерли в нерешительности. Машина наша стояла с противоположной стороны, но даже отсюда было слышно, что там нас уже ждут. Мы побежали к сараю. Я напряженно думал. Улететь на воздушном шаре не удастся. Преследователи пока не заметили нас, этим нужно воспользоваться. И мы ринулись за загон справа от дома.

Мизантропа мутило, шатало, и вдобавок он хромал. Мы очутились перед длинными теплицами под пленкой. Прорвав полиэтилен, мы проникли внутрь и поскакали к противоположной стенке, чтобы разорвать и ее. Уже через пару секунд мы были уже на пути к лесу. Но одному из преследователей удалось выйти на наш след. Он ринулся за нами.

– Бе-жим! – выкрикивал я слоги на каждом выдохе.

Спасительный лес был все ближе. Вот и первые невысокие деревья. Мы со всех ног неслись к ним, когда неожиданно со всего маху влетели в сетчатый металлический забор, который был не виден в ночном полумраке. Свалившись, мы успели развернуться, чтобы встретиться с противником лицом к лицу.

– Ду-ра-ки! – выдохнул подбежавший мужчина. – Пророк спасти вас хочет!

Он хотел сказать еще что-то, но Мизантроп ударил амбала головой в живот. Тот повалился на спину, вцепившись в обидчика руками. Схватив что-то круглое и темное в надежде, что это увесистый булыжник, я подскочил на помощь Мизантропу и обрушил свое орудие на голову бородача.

Мужик скривил мину и перевел удивленный взгляд с Мизантропа на меня, словно не веря, что в качестве оружия я выбрал свежий конский помет.

Секундное замешательство решило исход сражения. Мы повалили нападавшего и принялись его колотить. Наконец, тот вырубился.

Не без труда мы преодолели двухметровый забор и побрели по лесу, то и дело оборачиваясь. Никто больше за нами не гнался. Мы выскочили неодетые и теперь начинали мерзнуть. Температура опустилась ниже нуля.

– Замерзнем! – пожаловался Мизантроп. – Нужно срочно что-то делать.

Мы прибавили шаг, но вокруг был только лес. Почти везде снег, в лунном свете можно было отлично рассмотреть все вокруг. Но был только лес.

– Вот вроде бы и на нашей улице праздник! – вдруг проговорил Мизантроп, остановившись.

Он показал пальцем в сторону покосившейся деревянной избушки, которая словно выросла у нас перед носом.

Внутри охотничьего домика было так же холодно, как и снаружи, но зато сухо и не дул ветер.

Мизантроп достал из кармана зажигалку и стал осматривать халупу. Он зажег обнаруженную наполовину сгоревшую свечку. В единственной комнате у окна стоял деревянный стол и скамейка, какой-то сундук служил кроватью. Над ней – полка, на которой несколько чашек и бутылок.

Мы искали одежду. В сундуке нашелся старый ватный тулуп, пропахший собаками, и проеденный молью толстый шерстяной свитер. Тулуп пришелся в пору Мизантропу. Мне достался свитер в горизонтальную полоску – черную и красную, еще бы шляпа – и вылитый Фредди Крюгер. А так мы походили просто на бомжей.

Открывая все бутылки, Мизантроп, наконец, нашел водку, сразу сделал несколько глотков из горла и протянул бутылку мне.

– Хлебни, Антивирус. А то можно и воспаление легких подхватить.

От нескольких глотков организм начал согреваться.

– Не знаю, стоит ли разжигать печь? Могут заметить дым. Наверняка они знают про этот дом. Ты как думаешь, Антивирус?

– Могут. Если у Вальдемара только трое помощников, одного из которых мы обезвредили, то, скорее всего, они не станут нас искать.

– Предлагаешь разжечь?

– Да!

Он протянул мне зажигалку, а сам пошел снова рыться в сундуке. Вскоре в печке заплясал огонь. Подождав, пока пламя хорошенько разгорится, я сунул в печь несколько сложенных в углу чурбачков.

Пошло тепло, но комната стала задымляться. Наверное, дымоход забит.

– Вот невезуха! – прошипел Мизантроп. – Если дров много не класть, то дым, может, будет успевать выходить.

После сумасшедшего дня мы полностью обессилели, и стоило немного согреться, как начало клонить в сон. Мизантроп крикнул, поднялся и подошел к окну.

– Дым уже полкомнаты заполнил. Скоро нечем будет дышать. Придется идти.

– Вот черт! Я так вымотался. Сидя бы заснул!

– Нельзя! – тормозил меня Мизантроп. – Угоришь.

Затушив огонь снегом, вновь вышли на мороз. Ноги отказывались идти, сразу стало холодно. Я обмотал шею и прикрыл грудь какой-то большой тряпкой, которую взял на лежанке.

В лесу было тихо.

Через полтора часа мы вышли к дороге и пошли на север.

Мизантроп шел прихрамывая.

– Лучше бы я пошел в Тибет с этим панком! Тут один выживший интереснее другого! – возмутился он. – За один день несколько раз приготовиться к смерти – это слишком.

– Теперь можно вернуться в город на обжитые места, – напомнил я. – Опасность миновала.

– А смысл? Ехать все равно нужно. Мы уже, наверное, тысячу километров проделали. Вот только Дед...

– Что Дед?! – возмутился я. – От него никакой пользы. Да и у Вальдемара с ним ничего плохого не случится. Он хоть и религиозный фанатик, но не бесчеловечный.

– Может, ты и прав, – согласился он.

Дорога петляла по холмам, и за очередным поворотом перед нами предстала деревушка. Указатель утверждал, что поселок называется «Лето». Мы ускорили шаг.

Деревня была всего в две улочки. Опрятные одноэтажные дома

походили друг на друга. Света нигде не было.

Мы выбрали неприметный дом. Я сбросил рваный свитер Крюгера и надел найденный в доме теплый джемпер с высоким воротником. Прыгнув на диван, укрылся двумя шерстяными одеялами и, засыпая, слушал, как возится Мизантроп.

* * *

Разбудил меня запах яичницы и кофе. Во рту пересохло, желудок побаливал, но в целом чувствовал я себя неплохо. Из кухни слышалось пение Мизантропа.

– Как мы удачно зашли! – сказал он, заметив, что я проснулся. – Вот только завтрак полтретьего – это моветон.

На одной конфорке стояла сковорода, на которой жарились четыре куриных яйца, на другой – турка с кофе.

Выложив яйца, Мизантроп бросил в сковороду несколько ломтей белого батона и, капнув воды, накрыл крышкой.

– Немного размягчатся и пройдут тепловую обработку, – пояснил он. Завтрак показался невероятно вкусным.

– Тут за домом курятник. Яйца свежие. И газ в баллоне, – продолжал Мизантроп, уплетая сладковатые сухари. – Тут остаться, что ли?! – он засмеялся.

– Да, если учесть, что мы потеряли все: оружие, одежду, солнечные батареи и айфон.

– Хорошо, что живы! Я вот лекарства свои не пропил до конца. Теперь нога болит! Антивирус, остановиться здесь на несколько дней или сразу ехать дальше?

– Я устал, конечно, но лучше не задерживаться. А ты как думаешь?

– Согласен, в деревушке нас будет очень просто найти. Но не хотелось бы на ночь глядя в дорогу отправляться. Я предлагаю сегодня, пока светло, обследовать дома, найти машину, запастись провизией, а завтра утром выехать к морю.

Живым или мертвым

Море, по всей видимости, не было нам радо. Свинцовые, холодные волны с шумом накатывали на каменистый берег, на котором лежали перевернутая рыбацкая лодка и дорогая яхта. Весь правый борт элитного корабля разорван об острые прибрежные камни.

Не хотелось ехать ночью по этому темному мосту, но нужно было.

Вздохнув и мысленно перекрестившись, я направил машину на мост...

Дальше путь лежал вдоль побережья через крупный промышленный центр и порт, после которого начиналась равнина.

Стемнело, когда мы оказались в сосновом бору. Огромные сосны, как колонны, подпирали ночное небо.

Впереди что-то сверкнуло. Раздался хлопок, крышка, пронзенная пулей, разорвалась. Машину повело влево. Тормозя, я едва успевал лавировать между гигантскими стволами.

Не успели мы остановиться, как еще одна пуля пробила заднее стекло и разнесла вдребезги зеркало заднего обзора. Я выключил фары, и мы побежали.

Обогнув машину, мы ринулись вперед под ее прикрытием. Над нашими головами то и дело рассекали воздух пули.

После нескольких минут бега Мизантроп согнулся пополам, упершись руками в колени.

– Это... – он так запыхался, что не мог и слова сказать. – Это не шутки! Они убить нас хотят!

Я и сам это понимал.

Когда мы выскакивали из машины, я успел схватить ружье. Мизантроп знаком показал, чтобы не торопился его применять. Возле нашей машины послышался легкий шорох. Нападавшие – а их было, по крайней мере, двое – открыли бензобак, засунули туда какую-то ветошь и подожгли. Машина вспыхнула, озарив лес красноватым пламенем.

– Бежим! – поторопил Мизантроп.

Мы побежали, продираясь сквозь можжевельник.

– Патроны взял? – выпалил на бегу Мизантроп.

– Нет!

Мы бежали, пока не выбились из сил. Выходила луна. Машину нашу уже не было видно.

Я сел на снег, прислонившись спиной к сосне. Мизантроп еле дышал.

– Кажется, ото... – он хрипел и кашлял, пытаясь сказать «оторвались», как в ствол чуть выше его руки вдруг ударила пуля.

Я спрятался за дерево.

– Господи! Что это?

Мизантроп выдохнул:

– Гонят нас! Охоту устроили!

Я похолодел. Над нами снова просвистела пуля.

Мы продолжили дикий бег по ночному заснеженному лесу. Ноги путались в корнях, проваливались в ямы. наших преследователей мы не видели, казалось, за нами гонятся призраки. Собрав всю волю в кулак, я взбежал на невысокий холмик осмотреться. Неподалеку виднелась просека. Но там нас могли ждать. Справа же лес, наоборот, становился гуще.

– Направо! – крикнул я и ринулся вперед.

Позади послышались выстрелы. Охотники старались вернуть нас на тропу. Но я сразу взял еще правее и поскакал через поваленные стволы.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем мы позволили себе остановиться. Преследователей слышно не было. Вдруг слева, где просека, послышалось тарахтение мотора.

– Похоже на снегоход, – прошептал Мизантроп.

– Один, кажется. Нужно еще правее забирать.

Мы с трудом продолжили пробираться через валежник и молодняк. Уже просто шли, петляя между древостоем.

Вдалеке слева слышался мотор снегохода. Мы ускорили шаг. Лес немного редел. Звук двигателя приближался.

Стоило мне отвлечься на секунду, как раздался хруст веток, и Мизантроп вдруг исчез. В нескольких шагах впереди в снегу зиял провал. Это была ловушка, тропа как раз выходила сюда.

– Ты живой? – крикнул я, как Винн-Пух в кроличью нору.

– Живой, – со стоном ответил Мизантроп. – Тут глубоко. Внутри колья натканы. Так что смотри сам не свались.

– Я сейчас найду какую-нибудь палку, – шепнул я в яму и поднял голову.

К нам быстро приближался снегоход. Я успел спрятаться за толстым стволом в пяти шагах от ямы.

Снегоход остановился метрах в двадцати. На нем – человек в сером камуфляже, на голове – балаклава. Он говорил в рацию: «Объекты пока не обнаружены. Двигаюсь к берлоге. Прием!» Рация прохрипела что-то в ответ. Человек проехал вперед, заметив дыру, в которую провалился Мизантроп.

Остановившись, преследователь соскочил на землю и выхватил из-за спины автомат. Включив фонарик, пошел к яме. По его слаженным движениям можно было предположить, что он боец спецназа.

Подойдя к краю ямы, охотник посветил внутрь, готовый в любой момент нажать на курок.

– Руки вверх! – негромко сказал он, заметив Мизантропа, и потянулся к рации.

– Один мой! – проговорил он. – В берлоге сидит.

Нужно было действовать. Пока незнакомец говорил в рацию, я снял со спины ружье и, зажмурившись и подняв незаряженное ружье стволом вверх, выскочил с диким криком:

– Не двигаться! Стррреляю на поражение!

Незнакомец не успел отреагировать. Стараясь, чтобы голос звучал как можно более грозно, я скомандовал:

– Медленно подними руки. Без резких движений.

Охотник медленно поднял руки. Передо мной стоял враг, готовый в любой миг прикончить меня. В тот миг, когда у него снова зашипела рация, я резко прыгнул к нему и правой ногой что было силы толкнул в спину.

От удара охотник полетел прямо на настил из веток и травы, которым была прикрыта яма, и провалился.

Я подбежал к яме, слегка освещенную фонариком охотника. Он, лежал скрючившись, почти полностью в воде. Из груди торчал кол. Второй пропорол шею. Мизантроп, стоявший у стены, плюнул в его сторону и полез, чтобы взять автомат.

Через минуту я вытащил товарища при помощи длинной палки. Он намочил спину, ударил копчик и руку, но был невероятно рад, что не попал на колья.

У нас был автомат охотника с фонариком, пистолет, армейский нож, рация и несколько минут, чтобы решить, как действовать дальше.

– Берем снегоход и рвем отсюда быстрее! – чуть не кричал я, возбужденный и ошарашенный.

Я несколько раз катался на подобных машинах, поэтому сразу плюхнулся за руль, вручив Мизантропу автомат.

– Третий, что там у тебя? – прохрипела рация. – Взял лося? Прием.

Мизантроп прикрыл рот рукавом и проговорил в рацию:

– Это третий. Лося взял. Возвращаюсь на базу.

Связь прервалась. Я рванул с места. Ехали мы без фар, чтобы не привлекать внимания.

Лес вокруг был довольно густой, поэтому пришлось сворачивать в сторону просеки.

Через несколько минут позади слышались моторы преследователей. Я обернулся и заметил вдали три снегохода и джип.

Как только мы оказались в зоне прямой видимости, по нам открыли огонь.

– Дай очередь в ответ! – крикнул я Мизантропу. – Может, отстанут.

Он тщательно прицеливался и стрелял, когда мы шли плавно.

– Есть! – заорал он в самое ухо. – Минус один снегоход!

Два снегохода продолжали погоню, увеличив скорость, то и дело стреляя, но, к счастью, ни одна пуля нас не задела.

В нескольких километрах впереди уже море. Взлетев на небольшой склон, мы оказались на дороге. Другого пути не было.

Через несколько минут Мизантроп постучал по моему плечу и крикнул:

– Они отстали совсем.

Я развернулся и не увидел никого позади. Охотники, словно призраки, растворились в ночи. Подозрительно.

На съезде с дороги я остановился и выключил мотор. Мы внимательно прислушались: никаких звуков, только шум ветра и шелест волн.

– Думаешь, впереди засада? – спросил я, припрыгивая в надежде согреться.

– Я уже ничего не знаю! Слушай, Антивирус, если нам не сменить одежду и не обогреться, то скоро мы все равно умрем.

Мы сели на снегоход, благополучно обогнули мыс и оказались по другую сторону горы, где раскинулся порт.

На въезде в город в мотоцикле закончился бензин. Я скатил машину в кювет.

В кромешной тьме, дрожа и едва передвигая ноги, мы вошли в безжизненный порт.

Мизантроп отправился в огромное неуклюжее здание торгового центра неподалеку, практически нетронутого, переодеться, поручив мне выбрать еду. С целой тележкой еды я поднялся на четвертый этаж, где располагался фудкорт.

На газовой плите в одной из кафешек я развел костер. В ход, как всегда, пошли консервы. Вернулся Мизантроп, разодетый в модный шерстяной костюм и толстое драповое пальто. Шею он обмотал длиннющим фиолетовым шарфом. В руках – бутылка крепкой водки. Ели и пили почти в полном молчании. Алкоголь помог согреться и немного успокоиться.

Залив угли водой, пошли в бутик дорогой мужской одежды, в котором накануне приоделся доктор. Мизантроп сгреб в охапку несколько шуб и скрылся в одной из примерочных. Потом вернулся за подушкой с дивана и уже больше не показывался. Примерочная – хорошее место для ночлега. Наспех одевшись, я последовал примеру друга, устроившись в другой примерочной, и почти сразу заснул мертвецким сном.

Утром болела голова и все тело. Охая и кряхтя, мы перекусили и вышли на улицу.

Город был не так разграблен, как другие. Мы набрали в аптеке лекарств и пошли к центру. Отчего-то казалось, что этот город люди покинули много раньше, чем другие.

– Чувствуешь странный запах? – спросил Мизантроп.

Я принюхался, но ничего не почувствовал.

Прошли еще квартал.

– Теперь чувствуешь? – снова спросил он. – Явный запах.

Я потянул воздух носом:

– Да, сейчас чувствую. Чем-то тухлым пахнет, да?

Я снова потянул воздух, пытаюсь разобрать запах, и в этот момент

в лицо пахнул легкий ветерок. В нос словно тысяча иголок впилась, горло перехватило, а глаза невыносимо зашипало. Мы забежали в какое-то здание. Воздух внутри был более-менее нормальный.

– Что за газовая атака? – закричал я, размазывая по щекам слезы.

– Здесь недалеко химзавод, – довольно спокойно ответил Мизантроп. – Может, произошла утечка химикатов...

– Неподалеку здесь и атомная станция!

Он на секунду задумался:

– Н-да, дозиметр не помешал бы! Похоже, охотники не зря сюда не поехали. Надо уносить ноги! Нужно вернуться в здание МЧС.

Смочив носовые платки и закрыв ими рот и нос, мы ринулись назад.

Воздух в здании МЧС был ошутимо насыщен отравой. Окна разбиты.

Мизантроп заметался по комнатам. Не прошло и двух минут, как он позвал меня в один из кабинетов. На столе лежало несколько сумок с противогазами, две баклажки воды и марля. Я умыл лицо и обтерся марлей. После нескольких глотков стало легче.

Мизантроп стал торопить:

– Нельзя здесь задерживаться. Надевай противогаз и пошли искать дозиметр.

Он быстро достал старый противогаз с длинным шлангом. Я хмыкнул и тоже стал натягивать маску. Ничего не получалось.

– Кто так надевает?! – возмутился Мизантроп из своего хобота. – Сначала нужно сунуть внутрь подбородок, а потом натягивать на голову.

Со второго раза у меня получилось.

В небольшой подсобке Мизантроп сунул мне в руку небольшой прибор в виде пластиковой коробочки оранжевого цвета с жидкокристаллическим экраном.

– Что это? – удивился я.

– Индивидуальный дозиметр. Счетчик Мюллера-Гейгера.

Он нажал большую кнопку, и прибор тут же запищал.

У Мизантропа аж глаза округлились. Он достал второй прибор, включил и его.

– Катастрофа! Фон хуже, чем в Чернобыле! Уносим ноги! – закричал он. – Все заражено!

На улице все три прибора отчаянно пиликали. Мизантроп со своим счетчиком тыкался к разным машинам и тут же шараялся назад, мрачней с каждой минутой.

– В эти машины опасно садиться – все фонит! Идем к морю.

По мере приближения к морю радиационный фон снижался, но даже в таких условиях находиться было смертельно опасно.

В одном из гаражей мы нашли старенький автомобиль, Мизантроп направил на него трубку своего чемоданчика и утвердительно закивал.

Завелась машина на удивление легко. В ящиках для инструментов Мизантроп обнаружил широкую клейкую ленту и стал заклеивать воздухопроводы печки, которые выходили в салон. Нам пришлось ехать в ту сторону, где излучение усиливалось.

– Антивирус! Если мы не разобьемся на скорости, то погибнем от радиации! – дико орал в хобот Мизантроп. – Гони что есть мочи!

Слева показались руины химзавода, будто в него попала атомная бомба. Вдалеке, где была атомная станция, в небо поднимался белый пар.

Наконец дорога свернула от места катастрофы и пошла по холмам, постепенно отдаляясь от моря.

Через час Мизантроп стянул противогаз и сказал, что радиация практически в норме.

Я остановился, чтобы снять опостылевшую маску и перевести дух.

– Как думаешь, много мы успели получить?

– Много, – Мизантроп приоткрыл окно и закурил. – Но разовое сильное облучение менее опасно, чем долговременное меньшей интенсивности.

Спустя два часа мы оказались в глухой местности. С неба сыпался крупный снег. До ближайшего городка километров 40. Я не заметил, как медленно поползла вверх стрелка температуры на приборной панели. Мотор стал издавать странные звуки, затем раздался резкий хлопок, и из-под капота повалил пар. Я резко остановил машину.

Взяв свои нехитрые вещи, мы пошли пешком. Нужно было найти какое-нибудь укрытие, чтобы не замерзнуть.

Вечерело, и мы решили свернуть с дороги и пойти напрямик по холмам, чтобы срезать несколько километров.

Мизантроп еле шел, падал, но неизменно отвечал, что все нормально. Свалившись в очередной раз, он, трясаясь от озноба, сказал:

– Антивирус, я больше не могу идти. Мне крышка.

У него, по всей видимости, была высокая температура.

– Нет, друг, сейчас найдем поблизости укрытие и остановимся передохнуть, – возразил ему я и стал поднимать его. Он изо всех сил старался мне помочь. Наконец, я забросил его руку себе на шею, и мы тихо побрели.

Но так идти было невозможно. Я взбежал на холм осмотреться.

Сверху открывался вид на бескрайнюю заснеженную равнину. Я обернулся и посмотрел на друга, неподвижно лежащего на боку.

Чуть не плача от отчаянья, я прошелся и, к счастью, нашел длинный и широкий дорожный указатель, из которого удалось соорудить санки. Вплетя в них длинные шарфы, переташил на санки Мизантропа, а сам запрягся. Указатель хорошо скользил по снегу. Мизантроп бредил, а когда приходил в себя, отговаривал меня от этой пустой затеи.

Уже совсем стемнело. Сил идти дальше не было.

Я стал замерзать, но молча продолжал плестись вперед по ночному лесу.

Совсем задохнувшись, я опустился на колени.

– Послушай, ты, пацан! – Мизантроп повысил голос. – Я тебе не вещь, чтобы меня тащить за собой. Он повернулся на бок и скатился с указателя на снег. – Прежде чем мы расстанемся навсегда, послушай. Меня зовут доктор Ив Арнольди. Я работал в госпитале возле аэропорта.

Я молчал, только шире открывались от удивления мои глаза.

– Не хочу вспоминать этот ад, но знаю, что тебя это мучает. Столько раз слышал, как ты во сне болтаешь! Понимаешь, о чем я? – он закашлялся.

Я утвердительно кивнул.

– Я отлично помню твою жену!

– Врешь! – прошептал я, подползая к нему на четвереньках.

– Зачем? Я помню, как ты приезжал.

На глазах у меня появились слезы и тут же заструились по щекам.

– Зачем ты говоришь это? – прошептал я, склонившись над самым его лицом и чувствуя его горячее дыхание.

– Чтобы ты с миром в душе жил дальше! Я видел злобных вшей, которые даже на смертном одре изо всех сил старались насолить близким. Она не была такой. Ей ничего от тебя не было нужно. И тебе от нее тоже!

Я сел на землю и равнодушно отвернулся:

– Что мне с того? Мы с ней были чужими людьми.

– Врешь! – горячо заговорил Мизантроп. – Не рискуют жизнью чужие.

– Не лезь в душу, док!

Я хотел его ударить, но просто пошел прочь:

– Отказываешься от моей помощи – так проваливай к черту!

– Иди, Антивирус! Только, как и я, сохрани в душе любовь, а не ненависть.

Слушая его, я шагал не останавливаясь. Зачем ему все это нужно? Хотел растрогать?..

Я свернул с дороги и продирался через кусты. «Да, Арнольди, я не обязан тебя тащить на своем горбу! Не борешься за жизнь – твой выбор».

Сердце бешено колотилось. Где-то неподалеку послышался вой. Наверняка волки. В ушах стучал пульс, но я смог разобрать еще какой-то легкий стук – впереди едва различалось тарахтение.

С трудом справляясь с головокружением, я пошел на это тарахтение.

Стоило сбегать с кочки, как голова закружилась, я свалился, меня стало выворачивать. Смахнув выступившие от спазмов слезы, я упорно шел вперед.

Звук усилился. Отдельные стуки превратились в рокот.

Я поднял глаза: в каких-то 300-400 метрах от меня ехала машина.

– Эй! – крикнул я что было силы, но вышел лишь приглушенный всхлип. Спотыкаясь на каждом шагу, я бежал на спасительный огонек.

– Эй! – повторял я. – Эй!

Тщетно. Вдруг резко закололо сердце, и я свалился на снег, не в силах продолжать преследование...

* * *

Я открыл глаза, но увидел только мрак. Издалека доносился разговор двух мужчин на незнакомом языке.

«Спасен!» – успел подумать я, прежде чем снова отключиться.

Обретенный рай: Полития

Первым было ощущение тепла и мягкой постели.

– Очнулся! – обрадовалась женщина в белом халате.

Я был на металлической койке в маленькой палате без окон. Рядом – тумбочка. На стене – светодиодная лампочка, под ней – медицинский столик на колесах, возле которого сутилась женщина. Худенькая фигурка, белый халат, длинная коса...

Она набрала в шприц лекарства.

– Сейчас я тебе сделаю укол, – улыбнулась красивая высокая брюнетка лет сорока с небольшим.

Сделав инъекцию, она ушла, но вскоре вернулась с миской и ложкой и села на край кровати, намереваясь меня кормить.

Все болело, каждое движение приносило мучения. Пришлось тянуть губами с ложки горячий куриный бульон. Женщина улыбалась.

– А вирус? – наконец смог произнести я.

– Да, вирус был и здесь. Но тебе ничего не угрожает. Все выжившие имеют к нему стойкий иммунитет.

Выдав четыре разные таблетки, она сказала:

– Состояние ваше довольно тяжелое, поэтому не тратьте силы на разговоры.

– Что со мной?

Она улыбнулась. Только теперь я хорошо рассмотрел ее: уже немолодая женщина с правильными чертами лица, очень высокая.

– У вас было сильное переохлаждение. Надеюсь, курс антибиотиков не позволит развиться пневмонии. Организм ваш ослаблен большими нагрузками и радиацией. Вы пробирались к нам через перевал?

– К кому?

– К нам, в Политию.

– Что это? – встревоженно спросил я.

– Расспросите об этом верховного, как выздоровеете, а я буду отвечать только на вопросы о вашем здоровье! Договорились? – улыбнулась она.

– Хорошо. И каков прогноз? Ну, моего состояния.

– Вы получили большую дозу облучения. Дозиметр показал 0.63 Зиверта.

– Что это значит? – от волнения я даже приподнялся на руках.

– Успокойтесь! В большинстве случаев все изменения в организме обратимы. Необходимо лечение и наблюдение за костным мозгом, легкими, печенью, щитовидкой, мочеполовой системой.

– Да уж, успокоили вы меня! – сердито пробурчал я.

– Кстати, меня зовут Лана.

Она подмигнула мне и вышла.

* * *

Мое состояние улучшалось с каждым днем, но тяготили мысли о Мизантропе. Совесть не мучила, ведь я ташил его до тех пор, пока силы не покинули меня. После слов Мизантропа о моей жене я стал по-другому относиться к Глории: легче было думать, что она любила меня, и страдать от этого, чем злиться и ненавидеть бывшую жену.

На третий день ко мне зашел крепкий мужчина в военной форме.

– Меня зовут Отто Бельци, – представился он. – Это мы вас нашли. Я рад, что вы идете на поправку.

– Спасибо большое. Если бы не вы, мне бы не выжить.

– Судьба к вам благосклонна, – сказал он дружелюбно.

Это был мощный атлет лет сорока с бычьей шеей и массивной головой. Когда Отто вошел в палату, Лана вытянулась, словно это ее начальник.

– Как поправитесь, зайдите к Анатолию, – сказал Отто и вышел.

Он говорил по-английски. Лана пояснила, что в Политии в основном используется английский, как знакомый большинству жителей.

Через неделю Лана по моей просьбе устроила экскурсию. Через длинный, едва освещенный аварийными лампами коридор бункера с дверями по обе стороны она провела меня на уровень вверх, где тоже были комнаты. Дорогой сообщила, где кабинет начальника заставы, где сидит офицер по кадрам.

– Как раз здесь и сидит Анатолий, – пояснила Лана, – давайте заглянем.

Она постучала и открыла дверь. В малюсенькой комнатке за столом

сидел маленький лысый человечек в камуфляже. Единственным источником света была зеленая лампа на столе.

Анатолий снял очки и посмотрел на нас.

– А, Лана! Проходите, – и, доставая ручку, предложил: – Давайте оформляться! Ваше имя?

– Антивирус, – ответил я без промедления.

Оба выпучили на меня удивленные глаза.

– Настоящее имя, пожалуйста! – строго повторил Анатолий.

Я засмеялся:

– Да-да, конечно. Меня звали Ник Виванти.

Затем последовали вопросы о месте и дате рождения, национальности.

Тщательно записав все в книжечку, Анатолий протянул ее мне.

Она оказалась самым настоящим паспортом, пусть и заполненным вручную.

– Фотографию можно сделать только в Полисе, – пояснил Анатолий.

Преодолев еще два лестничных пролета, мы оказались на поверхности.

Все вокруг было замечено снегом. Яркое солнце слепило глаза.

– Зачем это? – спросил я, покрутив паспорт в руках.

Лана пожалала плечами, не глядя в мою сторону.

– Кто знает. Верховный говорит, что во всем нужен порядок. К нам довольно часто пытаются прорваться люди с Юга. Среди них могут быть и ночные охотники, и бандиты, и диверсанты. Кроме того, так можно знать, сколько в Политии граждан.

– Ник, а почему ты ничего не спрашиваешь о своем товарище? – подмигнула мне Лана.

– Думал, что потерял его, – ответил я, ошущая ком в горле.

– Когда тебя наши, ты в бреду все бормотал что-то про доктора. Ребята догадались пройти по твоим следам и нашли его, чуть живого.

Мизантроп жив! И мне наверняка удастся с ним встретиться!

– Как же хорошо! – выдохнул я. – Думал, он не выкарабкался! Боялся спросить!

Мы вновь спустились в бункер – в столовую, где за металлическими столами сидели трое мужчин в военной форме.

– Мальчики, это Ник! – громко представила меня Лана.

Парень, сидевший к нам лицом, встал и слегка склонил голову:

– Мирко Дланич.

Двое других поприветствовали нас, подняв руки.

Из кастрюли на плите Лана налила в две тарелки супа, и мы сели за отдельный столик.

– Вы всегда живете в бункере? – не выдержал я. – Сколько тут человек?

– Здесь, можно сказать, пограничная зона. В бункере проще укрываться от непогоды, здесь система электроснабжения и все необходимые коммуникации. Сюда отправляют в командировку. Обычно не дольше, чем на полгода.

– Расскажи еще про Политию, – попросил я.

– Что рассказать? Верховный с несколькими офицерами поддерживали порядок, когда все началось. Постепенно все выжившие примыкали к ним, чтобы получить защиту от мародеров и бандитов. Этот форпост называется «Южный». Несколько раз к нам пытались прорваться бандиты с Юга, но мы их не пропустили. Вам очень повезло, что вы смогли их обойти.

– Это я уже понял... А Мизантроп здесь? Мой товарищ?

– Нет, его сразу повезли в город, чтобы обследовать в больнице. Он был в крайне тяжелом состоянии. Сегодня я поеду туда, разужнаю.

– Я тоже!

– Нет, ты еще слишком слаб.

Она направилась к выходу, а я проводил ее долгим взглядом. В своей комнате я лег, закинув руки за голову. Что же из себя представляет Полития?

Дверь неожиданно распахнулась, и передо мной предстал здоровяк из столовой. Попытавшись улыбнуться, я сел. Здоровяк приветствовал меня коротким ударом в нос. От неожиданности и резкой боли я повалился на спину, а он, навалившись сверху, нанес еще несколько не очень сильных ударов по лицу. Тяжело дыша, он прошипел мне в ухо:

– Думаешь, пришел сюда, красавчик, и Лана твоя? Мы все были новичками, но теперь ситуация другая! Она говорила, что от радиации ты импотентом стал, но больно уж резвый! Будешь ходить тут по струнке с разбитым носом, пока до тебя не дойдет, что к чему!

Пока я сидел, размазывая кровь платком, по коридору прошел Мирко Дланич. Остановившись и посмотрев на меня, он констатировал:

– Поговорили, значит, уже с тобой, – его голос совсем не походил на тот мягкий баритон в столовой. – О Лане и не думай, салага!

Разобраться в любовном многоугольнике не представлялось возможным. Заперев дверь, я свернулся калачиком, уставившись в стену.

Лана вернулась через два дня и, увидев мой распухший нос и синяк под глазом, с сочувствием произнесла, осматривая мое лицо:

– Беденький! Из-за меня подрался?

– А ты и не знаешь?! – усмехнулся я.

Она отстранилась.

– Доктор Арнольди передает тебе привет, – сказала она своим обычным тоном. – Он идет на поправку.

– Хм... ну спасибо!

Она встала и холодно добавила:

– За свое место в обществе надо бороться.

Черт бы их всех побрал! Подобрали, чтобы сделать частью своей машины?

* * *

На следующий день все та же Лана коротко постригла меня и отвела в душ побриться и помыться.

После обеда вызвал начальник заставы. С одобрением окинув меня взглядом, он сдержанно сказал:

– Ник, от моих подчиненных поступило несколько жалоб относительно вашего поведения. Я не позволю, чтобы в моем коллективе возникали такие настроения, поэтому сегодня вы отправитесь в город. Пусть руководство страны определит ваш сектор и назначение.

Мне и самому хотелось быстрее отсюда свалить.

Уже через два часа на машине, за рулем которой был Анатолий, я покинул форпост «Южный», имея при себе только паспорт без фотографии. Вокруг бушевал настоящий буран.

Город Полис стоял на месте какой-то захолустной деревеньки. На въезде дымила труба тепловой электростанции. На улицах чисто. В небольших домиках горел свет, изредка по дорогам проносились автомобили.

Мы подъехали к зданию ратуши.

– Приехали! – сообщил Анатолий и заглушил мотор. – Пойдем.

Мы прошли в ратушу. Юркий толстоватый мужчина, сфотографировав меня с помощью мобильного телефона и распечатав фото на цветном принтере, вклеил его в паспорт и заверил печатью.

– Кто вы по профессии? – осведомился он, возвращая паспорт.

– Менеджер, работал в мэрии.

Он нахмурился.

– Нам нужны врачи, энергетики, но, думаю, сможем подыскать вам место на теплостанции, в теплицах или уборщика. За это не переживайте!

Мы вышли на улицу, и Анатолий тут же собрался уезжать.

– погоди! – остановил его я. – Ты что, меня так оставишь?

– Я свою работу сделал. Можешь погулять, в бар зайти или в больницу к своему другу.

– Ага, гулять в такую метель! А что это за мужик был?

– Это министр по человеческим ресурсам. Вообще он много чего делает. У верховного принцип – как можно меньше управленцев.

Я остался один. Через площадь в сторону ратуши быстро шагал человек в бушлате.

– Извините, – окликнул я прохожего.

Человек остановился.

– Да?.. – это была женщина моего возраста.

– Скажите, где тут больница?

– От перекрестка направо. Там старинное здание такое.

По пути я наткнулся на кафе «Тетушка Гусыня». Внутри пахло чем-то вкусным. Я позвал пару раз, но мне не ответили. Справа от входа стоял стол с подносами и посудой, вместо стойки – плиты и столы с кастрюлями блюд, салатами и напитками. На мой поднос быстро переместились суп с брокколи и грибами, котлета с яйцом и гороховое пюре, салат из помидоров и лука, свежеспеченный хлеб, бокал вина и кружка кофе.

Я принялся уже за второе, когда на пороге возник старичок в вязаной шапке и варежках. Он уставился на меня красными стариковскими глазами. Я поздоровался.

В ответ на мое приветствие он спросил:

– Новенький?

– Да, – улыбнулся я.

– Твой обед тянет на пятнадцать единиц, дружок, – заметил он.

– У вас тут деньги?

– А то! Как же в обществе отношения регулировать?

– Послушайте, я только приехал. Еще не знаю ваших законов. Я подумал, что столовая бесплатная.

В это время в кафе вошли два человека в черной форменной одежде.

Я опешил: старикашка уже успел вызвать охрану!

Мужчины подошли вплотную.

– Полиция, мистер. Заплатите за еду, или мы вас задержим.

– Я уже объяснил, что только приехал в город. У меня нет денег.

– Понятно! – сказал полицейский строго. – Попрошу пройти с нами.

В полицейском участке полицейский смягчился, когда я показал паспорт. Листая страницы, он закусил губу:

– Угу, ясно. Штамп министерства сегодняшний. Значит не обманули.

– У нас должна быть встреча с верховным главнокомандующим.

– Верховным правителем, – поправил полицейский. – Если бы вы, мистер Виванти, уже были гражданином, вас за это приговорили бы к аресту или общественным работам.

– У вас и тюрьма есть? – удивился я.

– Конечно! Как же общество может существовать без полиции, суда и тюрьмы? – он вернул мне паспорт. – Можете идти. Советую не портить отношения со стариком. Иногда открыто только у него. Да и еда вкусная. Как получите деньги – заплатите ему.

Полицейский объяснил, как добраться до больницы, и отпустил меня.

Н-да, общество вернулось не только с благами, но и с ограничениями...

* * *

– К Иву Арнольди, – сказал я мужчине в белом халате в дверях.

– Пожалуйста, проходите, – вежливо ответил он. – Палата 6.

Дверь в палату была открыта. На кровати полулежал Мизантроп. В изголовье сидела Лана.левой рукой Мизантроп держал ее за талию, а она, перебирая его волосы, что-то говорила.

Обернувшись, женщина улыбнулась и зашебетала:

– А вот и Ник приехал!

Постриженный и побритый, Мизантроп выглядел как огурчик.

– Это же Антивирус! – радостно завопил он.

Я понял, что Мизантроп не думает, будто я бросил его в лесу.

– Ладно, мальчики, – сказала Лана, поднимаясь, – я оставляю вас.

Мизантроп восторженно смотрел ей вслед.

– Вот это женщина! – проговорил он. – И главное, я тоже ей симпатичен! – и добавил: – Чуть не умер! Пневмония, обморожение, да еще лучевая болезнь.

– Мы теперь импотенты от радиации, я слышал?

Мизантроп тихо засмеялся.

– Сильное облучение вызывает стерилизацию. Но это временно.

– Мне паспорт дали, – равнодушно заметил я.

– Я тоже получу сегодня. Ланочка занесет.

– Говорят, нам предстоит встреча с верховным?

– Да! Я бы хотел, чтобы мы вместе пошли, – оживился Мизантроп.

– Тогда я завтра утром зайду. Отдыхай.

– погоди, – Мизантроп сел на кровати. – Спасибо, что вытащил меня.

Я вернулся и крепко сжал протянутую мне руку.

– Чего там! Я, может, тебя и оставил бы, да тут спасатели! – пошутил я.

В коридоре меня остановила Лана. Близко подойдя, она зашептала:

– Не ревнуй меня, Ник! Я хочу, чтобы доктор воспрял духом. Мне ведь нетрудно.

– Да уж, нетрудно! – со злостью ответил я.

– Здесь новые правила: не вздумай отказывать женщине! – она с силой потянула меня за пряжку ремня к себе. – Увидимся!

* * *

На улице я побрел по заснеженным тротуарам. Нечего было есть, негде остановиться на ночлег...

Привычка добывать еду в брошенных магазинах заставила шарахаться

по улицам, обыскивая лавки. Мне попался открытый склад, к которому подъехал автомобиль. Водитель стал разгружать коробки.

Безрезультатно облазив дюжину магазинчиков, я вернулся на тот склад.

Внутри никого не было. Я схватил с полки несколько банок и, сунув их за пазуху, побежал к выходу. Спрятавшись в брошенном доме, закопался в шерстяные одеяла и зимнюю одежду прежних хозяев и уснул.

Игра в открытую. Вавилон.

Утром я поскакал к больнице. Нам предстояла встреча с верховным правителем.

Его звали Максимилиан Кондор, крепкий мужчина лет за шестьдесят. Кондор был харизматичной личностью, ему подчинялись с благоговением. Думаю, раньше он был высокопоставленным военным.

В приемной нас встретил молодой человек в элегантном черном костюме. Он предложил подождать на кожаном диване.

Время шло медленно, поэтому я предался размышлениям о том, что после вируса все люди стали равны, что не стало никаких правительств, что исчезли границы и видоизменилось понятие о собственности. А здесь кто-то пытается вернуть все назад. Мои мысли прервал верховный, который резко распахнул настежь дверь своего кабинета.

– Приветствую вас, господа! – он протянул нам руку. – Прошу за мной. Верховный был в дорогом костюме и белой сорочке без галстука.

Кондор предложил нам сесть. Он представился, стал расспрашивать, откуда мы прибыли и что нам пришлось пережить.

– Я очень рад, господа, видеть в нашей стране новых людей, да еще с высшим образованием.

Он подошел к небольшому столу в углу комнаты и, нажав на коммутаторе кнопку, проговорил:

– Джениффер, киска, принеси нам, пожалуйста, чаю с горьким шоколадом.

Спустя десять минут в комнату с подносом в руках, шаркая по полу тапочками, вошла «киска» – сгорбленная старушка лет восьмидесяти в белом переднике.

– Благодарю, Джен! Что бы я без тебя делал? – похвалил ее Кондор.

– В моей стране, – продолжил он, – мы все стараемся для общего блага. Каждый выполняет посильную работу. Огромного труда стоило навести порядок, объединить людей. Зато теперь все стремятся в Политию.

Мы слушали молча, но потом из вежливости я решил спросить:

– А почему такое название – «Полития»? Вы считаете, что в таких условиях необходимо государство?

Полития – это государство всеобщего благоденствия по Платону, – Мизантроп при этих словах закивал, по всей видимости, ему была знакома эта теория. – Он утверждал, что необходимо взять все лучшее от всех форм правления и объединить, чтобы все были довольны. У нас имеются элементы демократии (народ напрямую голосует по важнейшим вопросам государственного устройства, любой может быть избранным в народный совет), аристократии (самые активные и влиятельные имеют право принимать участие в управлении), а также монархии (главой государства является верховный правитель, который занимает этот пост пожизненно. Раз в пять лет

проходит референдум, народ либо продлевает полномочия правителя, либо объявляет ему вотум недоверия, и тогда инициируются новые выборы).

Кондор налил себе в фарфоровую чашку крепкого черного чая и с улыбкой посмотрел на нас.

– Разве плохо жить вместе, трудиться, пользоваться элементарными бытовыми условиями, получать медицинское обслуживание? Кстати, доктор Арнольди, мы готовы предоставить вам наилучшие условия для успешной работы. Нам очень не хватает высококлассных врачей.

– Безусловно, вы правы, – поддакнул ему Мизантроп, отправляя в рот очередной кусочек шоколада. – Просто мы с товарищем много говорили о тех условиях, в которых оказались в результате пандемии. Может это и неуместно говорить теперь, – он засмушался и покраснел, – но государство загнало личность в такие узкие рамки... Теперь есть возможность построить цивилизованное, свободное общество.

– О! Я вижу у нас с вами есть столько тем для разговоров!

– А сколько человек живет в Политии? – спросил я.

– Двести семьдесят четыре. Это с вами вместе. Из них тридцать одна женщина. У нас в стране уже родилось три здоровых ребенка.

Мизантроп аж подпрыгнул от радости.

– Вот это да! Для меня это был принципиальный вопрос! Значит, все в порядке!

В дверь постучали, и в комнату вошел парень из приемной.

– Прошу прощения, я должен напомнить, что у вас встреча в совете аристократии через полчаса.

Кондор вздохнул.

– Я предлагаю вам принять наше гражданство, определиться на службу и наслаждаться новой, цивилизованной, жизнью.

– Охотно! – ответил Мизантроп.

Кондор поставил подпись в его паспорте, что, видимо, означало получение гражданства.

– Вы будете заниматься медицинской практикой? – осведомился он у Мизантропа.

– Да, родная медицина!

– А мне что вы сможете предложить? – поинтересовался я. – Я работал в мэрии, имею опыт работы с кадрами.

– Видите ли, господин Виванти, в Политии мы ведем политику минимизации чиновничьего аппарата. Может, у вас есть другие навыки?

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– К примеру, у нас всегда есть потребность в рабочих профессиях: нужны истопники, уборщики, повара и тому подобное.

Щеки мои запылали.

– Ну, коли так, то я пока не буду спешить вступать в гражданство Политии! – буркнул я.

Кондор отнесся к этому совершенно спокойно:

– Это ваше право, господин Виванти. Предлагаю вернуться к этому разговору позже. Прошу извинить, господа, но время поджидает. Доктор Арнольди, пройдите, пожалуйста, в ратушу. Вам выделят жилье и все необходимое. Вы сможете также получить единицы. А вы, господин Виванти, обратитесь к моему помощнику. Он передаст вам сто единиц на первое время. Всего наилучшего!

Я получил десять бумажек, каждая из которых была поделена на десять квадратиков, похожих на почтовые марки.

Мы вышли на улицу. Я рассчитывал поделиться с Мизантропом своими гневными замечаниями относительно сделанного мне возмутительного предложения, но Мизантроп опередил меня.

– Ты меня извини, Антивирус, но я тебя сейчас тоже оставляю. – Он подмигнул:– У меня романтическая встреча.

– Лана?

– Ага, – он улыбался как идиот.

– Иди-иди! – зло ответил я. – Свидимся еще.

Я развернулся и пошел в сторону столовой, где в прошлый раз меня застукала полиция за поеданием неоплаченного обеда.

После обеда я решил прогуляться по городу. Жизнь теплилась в Полисе, но я совсем не так представлял себе новый мир. Уж слишком сильно веяло устоями прошлого.

За два часа я обошел весь Полис. В основном люди селились на двух улочках вокруг ратуши. Различные магазины, столовые, парикмахерские, бани и прочие учреждения располагались там же.

Я вздрогнул от неожиданности, когда меня кто-то позвал по имени. Это оказался Мизантроп, свесившийся из окна второго этажа. Он приглашающе махал мне рукой.

На втором этаже у двери меня уже ждал счастливый Мизантроп, то есть уважаемый доктор Арнольди.

– Ты чего тут слоняешься? – спросил он с улыбкой. – Мы вот обживаемся. Лана побежала на склад. Ей не понравились занавески, которые вчера выдали.

Квартира была, конечно, шикарная.

– Лана так суетится, быт налаживает. Как это она именно в меня влюбилась?!

Быстрые шаги в подъезде избавили меня от необходимости отвечать на вопрос. В квартиру вбежала Лана.

– А! Это вы тут разговариваете! – зашебетала она. – А я переживала, что это дверь открыта?

– Присоединяйся, Ник, – Мизантроп с трудом назвал меня по имени. – Сейчас будем готовить обед.

– Нет-нет! – замахал я руками. – Позовете на новоселье.

Я вновь вышел на улицу и пошел прежней дорогой. Вдруг позади раздался сигнал.

Из салона шикарного Мерседеса показался Максимилиан Кондор.

– Здравствуйте, Николас! – приветствовал он меня, не подавая руки.

– Здравствуйте, Максимилиан.

– Как вам Полис?

– Неплохо. По поствирусным меркам.

– Большинство этих людей неспособны были обустроить даже элементарные условия для себя, когда рухнули государства. Вы очень интересный человек, Ник. Я остановился, чтобы побеседовать с вами. У вас не возникло желания получить гражданство? Или возникают пока что только вопросы?

– Да, пожалуй, только вопросы! – оживился я. – Можно?

– Валяйте!

– Когда мы стали общаться с другими выжившими, все считали

основным плюсом ситуации образовалось равенство в обществе. Понимаете, теперь ты – это не твой счет в банке, не твоя работа, машина или квартира. Ты – это ты. А вы зачем-то вернули эту глупость. Снова неравенство...

Верховный молча слушал.

– Понимаете, Ник, вы хоть и работали в государственной структуре, но совершенно не представляете роли государства. Цивилизация всегда строится на неравенстве. Если бы не было этой системы, мы не имели бы электричества, не ели бы свежий хлеб, наши улицы были бы засыпаны мусором и снегом. Кроме того, подчиняться кому-то – в природе человека. Люди боятся принимать самостоятельные решения. Гораздо легче следовать приказам правителя, который берет на себя ответственность.

– Неувязочка! Желающих командовать всегда предостаточно.

– Не то чтобы предостаточно, но они есть. Честолюбие – тоже свойство человека. Это тоже стимул рваться вверх, чтобы получить больше полномочий, больше ресурсов, персональную машину, квартиру с горячей водой... Поэтому в Политии есть несколько, условно говоря, классов. Инициативные люди смогут образовать элиту низшего класса, решительные смогут стать элитой среднего класса или даже перейти в правящую лигу. Но есть и бунтари, как вы!

– Не скажу, что я бунтарь. Я раньше был винтиком такого же аппарата и отлично справлялся с этой ролью. Просто после месяцев свободы мне не хочется возвращаться в это ярмо. Мы цивилизованные люди, поэтому можем жить без репрессивного аппарата.

– Вздор! Ваши «цивилизованные» люди столько натворили за несколько месяцев безвластия, что трудно представить! – эмоционально ответил Кондор. – Под защитой полиции люди живут счастливо и беззаботно.

– Просто я слышал, что в западной Европе выжившие строят новое государство – страну свободы и благоденствия.

Кондор засмеялся.

– Это утопия. Многие говорят об этом, но на деле никаких доказательств этому нет. К нам приходили люди и с Севера, и с Юга. На Севере выживших действительно больше.

– Значит, есть и другие «страны», – задумался я.

– Послушайте, если вы не собираетесь жить и работать, как все, то лучше уходите.

– Если позволите, я еще немного подумаю, – сказал я на прощание.

– Я вас не гоню. Думайте. Всего хорошего, Ник.

Я пошел в магазин за алкоголем, намереваясь поразмышлять в одиночестве. Однако по дороге встретилась Лана, смерившая меня строгим недовольным взглядом, после чего я чуть не бегом помчался к Мизантропу.

Он не отказался от предложения выпить и даже разогрел мне на сковороде отличное рагу.

После пары рюмок коньяка я рассказал другу о разговоре с верховным, умолчав только о том, что Лана крутит с ним только для того, чтобы у людей был свой доктор.

Мизантроп задумался.

– Как тебе сказать, Антивирус? Я и раньше не сильно страдал от государственного устройства, а теперь страдаю еще меньше. Когда возвращаешься в нормальные человеческие условия, понимаешь, что именно об этом мечтал

все эти месяцы.

Мы помолчали.

– Единственное, что меня сейчас гложет, так это воспоминания о моей семье. Я знаю, что не предаю их, если построю здесь новую семью.

– Променяешь свободу на порядок? – переспросил я.

Он снисходительно улыбнулся:

– Свобода у тебя внутри.

Хотелось выложить козырь про Лану, чтобы обезоружить друга, испортить ему все и уйти. Но я не стал.

– Я еще год назад был жалким офисным планктоном, рабом телевизора, будильника и телефона, потребителем пропаганды и фастфуда. И, лишившись всего этого, я понял, что был несчастлив.

Наш диалог превращался в пьяный разговор двух забулдыг.

– Короче, я был счастлив тогда, когда мы с тобой встретились. Я жил все это время по-настоящему.

– Ты тогда освободился от всех оков общества. Никто теперь тебя не заставляет их надевать вновь. Живи свободным в человеческих условиях.

Я вышел от Мизантропа совсем пьяный и без настроения. Злость, которая кипела во мне, должна была найти выход. Со всего маху я ударил по дорожному знаку, подскочил к большим пластиковым контейнерам для мусора и принялся их мутузить. Остановила это безобразие полиция. Уже через пять минут я был в холодной камере.

Я решил, что если мне назначат какое-либо наказание, то я попросту сбегу. Впрочем, эмоции стали утихать. Мне принесли теплое одеяло, и я уснул, свернувшись калачиком.

* * *

Утром меня разбудил охранник, после завтрака он позвал за собой.

– Верховный приказал тебя доставить к нему. Приведи себя в порядок.

В резиденцию я шел, с наслаждением вдыхая морозный воздух.

Кондор не встал навстречу мне, а лишь показал рукой на кресло.

– Ну что же вы, мистер Виванти, творите? – с печалью в голосе начал он. – Зачем?

– Душа просит, – съязвил я.

– Ваш друг переживает за вас, написал на мое имя прошение. – Он поднял двумя пальцами со стола лист бумаги. – Говорит, что вы интересуетесь медициной и желаете учиться у него, чтобы помогать в его деле. У нас есть медперсонал, но раз уж уважаемый доктор Арнольди просит...

– Врет он, – перебил его я. – Просто хочет, чтобы я адаптировался.

– Что вас тревожит на этот раз? Кстати, хотите кофе?

– Не откажусь.

Кондор нажал кнопку и попросил у «кисоньки» кофе.

– В этот раз я размышлял о природе власти, о ее смысле.

– Зачем это вам? – искренне удивился Кондор. – Лишние вопросы усложняют жизнь. Мне кажется, власть – не для блага и не во вред, а сама по себе. Она появилась вместе с обществом и исчезнет только вместе с ним. Все, что когда-либо делалось правителями и правительствами, – делалось ради власти. Людей всегда нужно было держать в узде. Когда-то для этого достаточно было просто грубой силы, потом правителям в этом помогал Бог,

потом пришла новая элита и объявила, что Бога нет, лишив власти прежних правителей. В итоге для власти была придумана демократия. Но и она по сути своей похожа на игру. Люди верят, что управляют чем-то, хотя, может, и сами знают, что на самом деле не решают ничего. В сытой Европе люди стали выходить из-под контроля. Государства ослабели, правящая элита растеряла свои властные полномочия. Прибавьте к этому борьбу за власть между самими государствами. Можете представить себе эту круговерть? Что делать, если общество слишком свободно, слишком образованно и технологически развито настолько, что потребность во всеобщем труде исчезает? Как сохранить власть в таких условиях?

– Разложить мораль и ввести наркотики? – предположил я. Мысли Кондора были мне абсолютно понятны и ясны.

– И это тоже, но вы думаете не в том направлении. В такой ситуации для власти сгодился бы только банальный террор. Запугайте человека зверствами ИГИЛ, терактами на борту самолетов, припугните его войной с Россией или третьей мировой на Ближнем Востоке и вот он уже молит о сильном государстве, о тотальном контроле.

– Неужели вы клоните к тому, что и вирус – это борьба за власть? – вырвалось у меня.

Кондор сделал глоток кофе и посмотрел в окно.

– Я знаю это наверняка. Если бы не глупое изобретение – Интернет, все шло бы своим чередом. Люди получали бы информацию ограниченно и были бы счастливы. И сейчас, кстати, они счастливы! – он махнул рукой в сторону окна. – В маленьком коллективе очень легко любить и понимать всех. А в прежнем мире человек постоянно находился в стрессе. От непрерывных переживаний чувство любви и сострадания было выхолено. Осталась только химия инстинктов. Теперь же все вернулось, и мы стараемся понимать друг друга. Вы напрасно думаете, что мы тут устанавливаем тиранию. Все-таки мы не дураки.

– Я убежден, что не дураки! – воскликнул я. – Но я не понял насчет вируса. Кто его создал?

– Тот же, кто ранее создал и вирус СПИДа, тот же, кто создал ИГИЛ, кто развязывал войны.

– Политики?

– Скажем более широко – власть. Только и всего. Это и причина, и цель, и средство. Правда я не знаю достоверно, было ли целью пандемии глобальное господство или просто обуздание чересчур умного населения. Вирус был создан для этого. Только вот вырвался он наружу слишком рано, когда вакцины от него еще не было. Он смешал все карты.

– Это то, что я чувствовал на подсознательном уровне, но не мог выразить.

Кондор заулыбался.

– Мыслящих людей не так много, но их никогда не любят. Вы наверняка читали о «Большом брате», – я кивнул. – Ну, тогда вам легко будет понять всю сложность отношений между мыслящим человеком и властью.

– Даже в «новом дивном мире»?

– Конечно! Поэтому я, как власть, не тороплю вас с принятием решения о гражданстве. Люди счастливы, потому что, наконец, налаживается жизнь после месяцев кошмара. А вы будете отравлять их сознание ядом мысли о том, что власть вновь угнетает человека.

Кондор поднялся и подошел к окну. Я тоже встал. Все сказанное было для меня таким шоком, что принять это с каменной физиономией я не мог.

– Для меня, господин верховный правитель, этот разговор был как откровение. Спасибо за прямоту. Вот это игра в открытую!

– Я всегда рад вам, господин Виванти. Приходите, когда пожелаете, вот только будьте терпимее к дорожным знакам и мусорным бакам.

* * *

Все то, что было сказано Кондором, заставило меня по-новому взглянуть на прежнюю жизнь. Я вспомнил офис, проекты, которые, несомненно, были совершенно бесполезны, убогие развлечения, страсти и слабости. Потом мысли переключились на вирус. Перед глазами шли картинки первых встреч с Мизантропом. Я улыбался, перебирая эти воспоминания. В той нашей жизни не было условностей, не было вероломства, о чем рассказывал нам Дитя Цветов. Мы могли обращаться друг к другу на «ты», делать что хочется, жить как хочется. Мы были свободны.

Я исполнился чувства благодарности ко всем, кого встретил, потому что встретившиеся препятствия сделали меня сильнее.

В руках был паспорт гражданина Политии, правда, еще без подписи верховного. Медленно и с чувством я разорвал его на мелкие кусочки и бросил на снег. Вернуться туда означало бы перечеркнуть все, чего я достиг за эти непростые месяцы. Жалкая Полития – эрзац нового государства – это удел слабых. Теперь я на это не согласен.

Я знаю, что впереди могут быть трудности похлеще прежних, но это меня уже не пугает. Я схожу с дорожки и иду по лесу, не оглядываясь.

* * *

Уже через полчаса я оказываюсь на опушке. Передо мной расстилается бескрайняя заснеженная равнина, по которой когда-то на Запад бежала скоростная автомагистраль. Вот мой путь. Может, есть где-то далеко желанная Утопия. А может быть, ее еще только предстоит создать. Мне.

Позади слышится какой-то треск и тяжелые шаги. Опасность быть пойманным заставляет меня сгруппироваться и схватить палку для самозащиты.

Но это, оказывается, Мизантроп, который нагоняет меня и кладет руку на плечо, увлекая вперед. Он сосредоточенно смотрит на меня припухшими глазами с фингалом под каждым, точно такими, какие были у меня недавно. Я не задаю лишних вопросов.

– В путь! – говорит Мизантроп.

Инна ЛЮЛЬКО

Я люблю сейчас...

Любить сейчас

Каждый умирает в одиночку.
Не кричи, что это всё неправда.
Каждый сам в свой миг последней точки
Пьёт из чаши собственного ада.

Этот труд безмерного сиротства
Разделить с тобой никто не может.
Власть любви, или единородства,
Умолкает в час смертельной дрожи.

Нас влечёт удел в силки разлуки:
Жившим вместе – уходить нам рОзно!
Потому тебя в сердечной муке
Я люблю сейчас. Пока не поздно.

Гори!

Редкоземельным элементом, метеором
В слои воздушные врываюсь
так мятежно я!

Запретной страстью и любовным вздором
Живу в огне, как саламандра,
бессмертно нежная!

В огне гудящем раскалён, белеет яро
Абрис души моей – весь как мольба моя!

Гори и ты! Или беги...

В моём пожаре
Живы вдвоём – любовь моя и я, упрямая...

Инна ЛЮЛЬКО. Родилась в 1952 г. в Баку. Работала художественным оформителем. Публиковалась в журнале «Звезда Востока» и в интернете.

Прикосновение

Я построила дом – из самых простых камней.
Ветер, не сдуй! И не смой, цунами!
Лишь ты, Вселенная, царски синей
Над нами! Над беззащитными нами...

У стен моих в бессонные наши дни
Храните нас, как верные псы, валуны!
Чтобы мешали нам только они одни –
Грохот шторма и голос тихой волны.

Здесь текучее время совсем забывает течь,
Благодарное, словно уличный кот, за покой.
Но, доверчивая, как ребёнок, течёт речь,
Ко всему прикасаясь лёгкой своей рукой.

Из касаний сложена мозаика наших дней:
Из усмешливых или остро-пристальных взглядов,
Из приставаний волны, из янтарных камней,
Льнуших к руке ни за что наградой.

Ждут касания хлеб мой и сухое вино,
И свидетели мук и счастья – эти мои листы...
Мы смотрим в душ наших наипрозрачное дно,
Где наши помыслы, как этот воздух, чисты.

И только полночью – в ней не видно ни зги! –
Когда нечаянно, – Боже, ты знаешь! – коснусь
Озябшей, в песке и мурашках твоей ноги,
Слёзы глотая, от ярой нежности задохнусь!..

Свободен!

Не бойся, больше тебя не трону любовью!
Как птице из клетки, свободу тебе дарю я.
Упрёкам, и жалобам, и любому другому злословью
Воли не дам, не заплачу, и не загорюю.

Нелюбящий – он несчастней бескрылого дронта¹!
Взмахну рукой – брошу вслед тебе зёрна и воду:
Другой любимой, если есть она за горизонтом,
Неси, мой милый, свою дорогую свободу!..

Дождём божественным не хочу от него укрыться!
Смывает небо с меня боль моего ада.
Моё и любви моей просветлённые лица
Останутся в памяти твоего прощального взгляда.

¹ Дронт, или додо – вымерший вид нелетающей птицы, часто становившейся жертвой голодных моряков, домашних животных и др.

Роль

Моя роль – любовная –
Ласкает, терзая:
Свята ли, греховна я,
Видит Бог, не знаю!

А ведут следы мои
В звериное логово.
Мне шитом, любимый мой,
Только слово Богово.

Я по сцене узенькой
То в цепях, то в лентах
Прохожу под музыку
И аплодисменты.

Без меча, без палицы –
Роль такую дали мне:
– Гордись, моя красавица,
Жгучими медалями!

Прохожу по стёклышкам
Ступнями-то голыми,
Оброня пёрышки
В нешадное полымя.

...Будь же мне заступницей,
Душа на всех единая!
Ведь я – твоя умница,
Сердцем голубиная!

Ах, мой зритель истовый
Из сумерек зала!
Для тебя рассыпаны
Следы мои алые!

Обмахни хоть изредка
Покровами белыми
Меня, твоё дитяtko,
Чтобы не сгорела я!

Как натянуты наши струны

Как натянуты наши струны –
Еле держит резьба колки.
Злые ночи ужасно лунны,
Мы решительны, как стрелки.

Искусительны, как блудницы,
Припадают курки к рукам:
Мы – враги у последней границы,
Разве есть спасение нам?

Не смирится, не вспомним счастья
Погибающего цветы,
Где была я твоею частью,
И моей половиной – ты.

Пробегает по нервной коже
Дрожь смертельного холодка...
Но никак, чёрт возьми, не может
На курок надавить рука!

Мы стоим и глохнем от гула
Крови глупых наших сердец,
Черноглазые наши дула
Истомились уже вконец.

Над любовью – кричащей, пропащей! –
Перья кружатся с белых крыл...
Это Ангел её скорбящий
Держит нас из последних сил!..

ТРЕТИЙ МИР ЮСИФА ГУСЕЙНОВА

Владимир КАРАСЁВ

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Александр Кушнер*

...«Кинематограф, столь увлекший меня в период ученичества своим ритмом, масштабностью времени, вдруг отошел на второй план перед таинством искусства театра. А быть может, театр увлек меня потому, что был неведом мне и потому загадочен. Художник может реализоваться здесь полнее и глубже. Поднят занавес – и твоя работа как на ладони, она сразу видна. И зритель видит то, что захотел показать ему не только режиссер, но и художник», – так характеризовал своё творчество Юсиф.

Прозрение, вечное и неожиданное. Прозрение смысла творческого поиска позволяло Юсифу Гусейнову иначе смотреть на окружающий мир. Только в душе этот мир, размытый импрессионистическими мазками реальности, не давал покоя. Что за творения образности всплывали вдруг в сознании маэстро?

Когда-то у Юсифа творчество начиналось, как, впрочем, и у всех людей, со сказки. И этой сказкой был фильм «Али-баба и сорок разбойников» режиссёра Л. Файзиева. Гусейнов был в нем художником. Потом последовал фильм Х. Назарова «Это было в Коканде». Профессия художника кино как будто захватила маэстро. Но на самом деле это было ирреальной действительностью, такой же, как мир, созданный в фильме «В Багдаде всё спокойно». Даже премия «Золотой грифон», врученная за оформление фильма «Камилла», была лишь премией за «оформление». Создаваемый им мир жил только экранное время.

Время для творца – это смысл его пространственного мышления. История заложена в нас самих. Так ли считал Юсиф? Да, так. Только так!

...Богиня Клио!.. Только у каждого этот образ личный и в тоже время всеобъемлющий. Она прекрасна, как Жизнь, и вечна, как Смерть. Она властна над нами, порождённая туманными всполохами нашего же сознания, в котором заключено первородство мироздания...

Взгляда достаточно, чтобы увидеть в полотнах Ю. Гусейнова звучание голоса Эдгара Дега. Увидеть, но не услышать, потому что все слова в мире

Владимир КАРАСЁВ. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей по искусствоведению и современной живописи.

были уже кем-то сказаны – и не раз. А вот показать своё видение уже сказанного – это в своей жизни делает каждый живущий на земле человек по-своему. Каждый составляет из известных всему миру слов неизвестное никому, новое и единственное повествование. Гусейнов искал новое пространство, которое могло бы оживать всякий раз, когда демонстрируется спектакль. Работа с режиссёром Марком Вайлем в театре «Ильхом» позволила создать мир «Магомеда, Мамеда, Мамиша». Потом работа над «Сценами у фонтана», «Прощай, овраг», «Монументом» во времена зенита славы театра. «...*Тонкий, изысканный вкус, большое мастерство позволили художнику уловить самую суть спектаклей и создать яркие сценические образы, лежащие в основе сюжета драматического произведения*», – так трафаретно и нудно писали о Юсифе профессиональные искусствоведы, отметившие, кстати, «пластические изменения в ориентации»(!) «Ильхома» с приходом Юсифа в театр. Но не в этом суть. Уход Гусейнова из театрального мира как внезапный холодный дождь, хотя он был востребован практически во всех ташкентских театрах.

...Прекрасно, великолепно, что можно создавать свой собственный мир во плоти! Как чудесно, что есть возможность показать тот же мир, увиденный глазами автора пьесы или автора сценария фильма! И зритель уже видит эту жизнь такой, какой её мыслит художник. Сценография, где художник играет ведущую роль, должна заниматься приращением смыслов. Только тогда художник и становится активным действующим компонентом в спектакле. В противном случае произведение имеет автора, которого силится расшифровать (разжевать) для зрителя режиссер и компания актёров, которые, как это уже давно заведено, в театре не играют особой роли в «приращении смыслов».

Пророки нисходят до нас. Мы прозреваем. Перед каждым вспыхивает, клубясь, свой образ пророка. Обращаемся к нему за Истиной, хотя каждый из нас – уже сама Истина. В прошлом, настоящем и будущем.

Если уж творить личностную сценографию, которая открывала бы мастерство художника, то надо делать это так, как Давид Боровский, как когда-то создавали А. Федоровский, а до этого В. Рындин, В. Дмитриева, В. Симов, С. Юннович, В. Шуко, Г. Брим, Л. Бакст, А. Экстер, А. Альтман. Правда, для этого нужно быть свободным! Свободным духом. Свободным в своём видении, осмыслении, интуиции. Маэстро родился под небом Востока. И, хотел он или нет, кипящая огненная лава, подкармливаемая бакинской нефтью, навсегда осталась в его генах. Вот это подспудное и не давало покоя художнику. Мир реальности, мир театрально-киношный не приносили удовлетворения в поиске. Юсиф Гусейнов создает «Три грации», представляя три мира, один из которых – это его внутренняя история, то, как он её понимает. Ведь одна из героинь на его полотне – это, несомненно, Клио.

Историю невозможно написать!.. Разве можно написать богиню? Её можно только создать, повторив несчастное величие Пигмалиона или за бокалом розового вина поспорить с самим Шекспиром о любви. Собирая скрупулезно, кропотливо и нудно факты, складывая их так и эдак, мы рожаем образ Истории, которую каждый видит и чувствует по-своему, всегда из бесформенного, туманного пепла мозаика облика Клио будет складываться у каждого своя. У Юсифа она будет живой и правдивой. А поскольку богиня в каждом из нас, то и картину прошлого мы воссоздаём только сейчас, сию минуту, а уже через миг – история будет другой... Поздней осенью или ранней весной на наш город опускается туман, тревожащий сознание художника. В клубах объявшего город тумана яркими бликами высвечиваются вспышки огня. От звёзд ли он,

не видимых мне, или от фонарей, утонувших в нём, – я не знаю. Но рождается ощущение, что в нашей крови закипает тот первородный Огонь, создавший Вселенную и слепивший из атомов Всё, вдохнувший в нас Жизнь. Иначе откуда в каждом человеке испепеляющий жар гнева, вызываемый тёмной и холодной пустотой зависти, творящей мертвящую несправедливость.

На самом деле за вылизанным театральным гламуром в Гусейнове скрывались и кипели неслыханные страсти. Это не Рокуэлл Кент с холодными и вымученными пространствами умирающей или ещё не родившейся жизни, как бы красиво ни писали о замершем художнике искусствоведы.

Нет! Как блики из адских глубин, Огонь у Юсифа внутренний, скрытый от зрителя, но по силе и моши достоин только метаний Иеронима Босха. Этот Огонь расцветивает всё живое и предупреждает нас: «Помните! Я могу коснуться каждого лишённого Праведности! И холодная пустота будет жечь вас бесчисленное число тысячелетий. До искупления...»

Дух Иеронима Босха по силе и моши может быть равным лишь Данте. Ни Джотто, ни Арканьи и Синьорелли, ни Боттичелли и Рафаэль, ни Роден и Делакруа, ни виртуозный Дали не могут сравниться величиём понимания сущности Жизни и Смерти с Иеронимом. Все они лишь иллюстраторы, пусть и гениальные и непревзойдённые, но не несущие и капли несравненной боли перворождения, переданной Босхом. Мировоззрение того или иного времени мы можем точно определить по толкованию и восприятию Данте, но Искушение Иеронима неопределимо без понимания каждым из нас Божественной Истины! Гусейнов пытался найти эту Истину в молодежи, хотя прекрасно понимал, что учить Вдохновению бесполезно. Нужно, чтобы уставший гений Босха или страхи Данте коснулись юного воображения воспитанника. Тогда его не надо будет «учить» говорить слова, уже давно сказанные кем-то.

А пока Юсиф всматривался в этих только входящих в жизнь будущих творцов. Он вёл их по той лёгкой и изяшной тропе, которая вдохновляла на газели Физули, которая на Востоке всегда пленит усладой томной, лёгким убаюкивающим ветерком Усто Мумина и прозрачностью Бенькова. Он показывал, что внутренний огонь в будущем художнике должен прорываться из глубин души, как это происходит на ярких всплесках Карахана или Волкова. Только тогда возможно разглядеть в тумане образы танцующих и будто заблудившихся беззащитных нимф.

...Национальное искусство, его толкование, определение и понимание – это важнейшая задача для сегодняшних исследователей деятельности того или иного художника (под определением «художник» имеются в виду не только создатели живописных или графических произведений, но и скульпторы, композиторы, хореографы, архитекторы, ремесленных дел мастера и т. д.). Часто толкование «национального» скатывается на примитивный националистический «ура-патриотизм», в котором, естественно, вообще нет никакого места искусству.

Гусейнов хотел увидеть в своих учениках тот самый первородный Огонь, которым обожжён был сам. Юсиф верил, что Вдохновение Истории будет понято ими, идущими в Завтра. В его лиричных и одновременно обжигающих невидимым огнём полотнах озвучиваются наши Души. Пока клокочет Огонь в Душе, Смерти не существует. И пепел – это лишь прах повседневности, но не Духа.

...А кто пророк, когда вокруг такой густой туман? Узнать и не проглядеть бы...

Турсун АЛИ

Небо так похоже на сердце моё...

Из цикла «Созвучие цветов»

*

Вот ты и родился, подснежник,
среди зевающих камней –
кто здесь тебя оценит?

*

Налетели издалика
разные-разные пестрые птицы –
поговорим на моем языке.

*

Дерево, в чьих ветвях
играет воробей, клюет плоды, –
ты и вправду счастливо?

И небо на голову давит,
и деревья хватают за плечи,
земля трещит под ногами;
рушится мир...
Господь,
меня сохраняешь
для чего?..

Турсун АЛИ (Урманов) родился в 1952 году в Ферганской области. Окончил филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Публиковался в многочисленных периодических изданиях, автор 20 сборников стихов на узбекском и русском языках, участник и лауреат литературных конкурсов.

**Из цикла
«Зимнее состояние»**

*

Зима.
Холод жалит, как скорпион,
иду по скользкой дороге.
Дом далек,
снег расстилается вокруг.
Нет предела зиме;
подмерзая, кончается день.

*

Затрепетав снежными крыльями,
Вспорхнули бабочки.
Сердце сосет белизна.

*

Взмывает в небо
воробьиная стая.
Все гуще «аистовый» снег¹.

*

Вороны, слетевшие с тополя,
уронили на дно сердца
серебряный воздух зимы.

*

Снежная пустошь.
Каждый мой шаг
снимает цепи безмолвия
с сумерек.

*

Кишлак.
Густо валит снег.
Дом покойного братишки
совсем занесен...

*

Зима.
Дороги под снегом,
сердце под снегом.
Еле иду, опираясь о палку.
Сжался от мысли:
«И этой палке –
тоже не верю...»

**Из цикла
«Каракалпакские пейзажи»**

Песок.
День высок.
Путь далек.
То здесь,
то там –
струятся муравьи,
ёж высунется, черепаха.
Внезапно
со дна веков
руины крепости – сердце засаднит,
как океан, качнутся мир и время,
и родина шумит, как океан.

У заброшенного колодца
присела тишина.
Со дна
поднимается
подобный древней песне
беззвучный звук.

**Из цикла
«Линии осени»**

*

Друг яблоко оставил – пунцово-красное,
не давал его запах уснуть мне.
Точно из прошлого – беседа влюбленных.

*

Опять пишу о дожде.
Что поделать?
Небо так похоже на сердце мое.

Первый снег

Надо же, первый снег...
Небо в движенье пришло,
в сердце проник свет,
как тайна,
светел простор.

Первый идет снег,
как на бумагу – стихи,
как негромкий напев
в чуткое ухо земли.

¹ Лайлак кор (дословно «аистовый снег») – снег, падающий большими хлопьями.

ОДИНОКИЙ

Его жена – как луна,
дочери – звезды вокруг.
А он – одинокий,
одиноким путем идет,
в мыслях всегда один,
в песнях своих один
и в словах, что уносятся в дальнюю даль.
Никто не расслышит их.
никто не разберет,
когда в одинокую ночь
в небе рыдает луна,
и в сердце – незримый нож.
Но и днем
среди пестрой толпы
он одинокий.
Одиноким миром безбрежного
он одинокий.
Верю,
в будущем дальнем расслышат
хриплую песню его,
слова разберут.
Поднимут их выше солнца,
выше луны,
повесть о том, кто принес себя в жертву
небывалой любви.

Перевод с узбекского Сухбата Афлатуни.

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений Абдуллаев). Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток Свыше». Родился в 1971 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУз). Член СП Узбекистана.

ПОЙМАННЫЙ СОН

Рассказ

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

Поздним вечером, когда шумный город успокаивался, отходя ко сну, а вместе с ним засыпал и многоквартирный дом, полковник службы безопасности (СБ) Сидоров Иван Петрович любил уединиться на кухне и, не включая света, выкурить трубку ароматного табака. В эти минуты ему казалось, что мысль, выпущенная на свободу вместе со струйкой призрачного дыма, вот-вот приведет его к понимаю чего-то большого и важного, к некой истине. А самое удивительное, что мысль порой-таки формировалась в нечто конкретное и многообещающее, кажушееся в тот момент действительно значимым. И тогда было многожды приятней проследовать в спальню в объятия любимой жены и крепко уснуть.

Но следовал отрезвляющий сон, пусть даже сопровождающийся приятными сновидениями, и уже утром вчерашняя истина обращалась в банальность, а то и вовсе теряла разумные контуры и убедительность. Жизнь опять становилась обычной, где-то даже бессмысленной и приземленной.

Сегодня вечерняя трубка не привнесла в жизнеощущения Ивана Петровича особой осмысленности, но вполне успокоила взбудораженные после непростого рабочего дня тело и дух. Предвкушая благотворный сон, верный муж прижался к теплой спине супруги и выключил ночник – жена, ожидая его, всегда оставляла свет включенным.

Очень скоро активные альфа-ритмы мозга начали уступать место окутывающим сознание блаженной негой тета- и даже дельта-волнам; уже начинали рождаться первые образы будущего сновидения, как вдруг эту благодать прервал резкий посторонний звук.

Зазвонил телефон!

Громкая трель (Иван Петрович предпочитал классический тревожный звонок полифоническим изыскам) заставила панически дернуться. Кляня на чем свет стоит свою работу (по какому еще поводу его могли побеспокоить в столь поздний час?), полковник СБ вскочил с кровати и побежал к телефону,

Даниэль ВАСИЛЬЕВ. Родился в 1982 г. Окончил Ташкентский университет информационных технологий. Живет в Москве, работает старшим специалистом отдела информационных технологий СОАО «Русский страховой центр». Лауреат литературного конкурса «Фантрегата». Автор публикаций в журналах «Звезда Востока», «Порог», «Реальность фантастики». Автор романа «Последняя дворянка».

пока тот не разбудил еще и десятилетнего сына. Сколько раз он зарекался оставлять радиотрубку рядом с кроватью, но всякий раз сам же и ставил ее на базу, подспудно страшась, что трубка «сядет» среди ночи.

В полутемном кабинете генерала СБ Зюзикова Константина Архиповича в неурочный час собрались три, помимо самого полковника, человека. Ивану Петровичу были знакомы двое – высокий дородный седовласый хозяин кабинета и генерал Негорюко, возглавлявший высокотехнологические программы.

– Знакомьтесь, полковник Сидоров Иван Петрович, высококлассный аналитик и оперативник, – благодушно представил генерал вошедшего последним Сидорова. – А это – полковник Копытце Федор Протопо... пы... пье, тьфу ты, ...попьевич! Научник.

По Протопопьевичу и без подсказки было заметно, что он научник-доходяга, типичный кабинетный крыс. Очкастый, худосочный и до сих пор, несмотря на первые седые прядки, прыщавый. Твидовый костюм на нем совершенно не сидел. Пожалуй, лишь белый халат смотрелся бы на этой фигуре. Ну и старые трико с растянутыми выпуклостями в районе колен, и вязанный заботливой бабушкой свитер тоже выглядели бы уместно.

– Очень приятно, – благодушная улыбка из-под очков отчасти сгладила впечатление. От улыбки, как известно, и до дружбы недалеко.

– Взаимно, коллега, – не отказав себе в удовольствии заметно оттянуть «л», ответил Сидоров.

Вот и познакомились!

– Реверансы оставьте на потом, – хохотнул генерал Зюзиков. – К делу! А дело такое: вы оба, в особенности Копытце, конечно, в курсе существования программы «Уснувший город», а кто не очень в курсе – к тебе, Сидоров, обращаюсь, – тому разъяснит Копытце. Так вот, отношение к программе власть имущих из числа тех, кто посвящен в эту тайну, разнится полярно. Преобладают же разумные скептики, справедливо считающие соноуловители устройством, далеким от понимания действительных реальных чаяний народа. Однако они же и постановили: программе быть, хотя бы в качестве эксперимента, а также как конечной цели научных и социологических исследований. И вот дождалась, – продолжил генерал, погрозив пальчиком засыпающему Негорюко. – Операторы одного из соноуловителей сегодня вечером, точнее, уже вчера, поймали и записали вполне внятный, яркий и образный сон, в котором, господа, сновидец убивает... президента! И наши психологи, изучив запись, вполне допускают, что сон этот может быть не просто обычным неконтролируемым бредом спящего человека, но и вполне себе навязчивой идеей!

– И наверху, – вмешался Негорюко, многозначительно выпячивая палец вверх, – такими идеями граждан очень недовольны.

– Мягко говоря, – покраснел Зюзиков.

В 2023 году ученый Вынь Люй Сунь, возглавлявший группу китайских онейрологов¹, запатентовал первый сновизор – громоздкое устройство со множеством датчиков, которые крепились к подопытному и позволяли

¹ Онейрология – наука, изучающая сны.

записывать сны на видео. Как это часто бывает, когда ученым удалось создать нечто новое, будоражащее умы, в обществе поднялась подстегиваемая СМИ шумиха. Но как только стало понятно, что изобретение еще долгое время останется за гранью доступных благ, о сновизоре быстро позабыли. Стоило устройство неадекватно дорого, сны записывало невнятно – с помехами и без звука. Еще несколько лет оно использовалось лишь в сугубо научных закрытых лабораториях и в крупных медицинских институтах.

С течением времени сновизоры совершенствовались, принцип углублялся и дополнялся, исследования в этой области велись во всех развитых странах. И вот спустя десять лет крупная китайская компания, производитель электроники Шанхай Су Кин Цын Групп, выпустила первый сновизор марки Дрим Те-те ОК 1. Стоил он баснословных денег, но реализовывался, как говорят на западе, в том числе и частным лицам. Состоятельным частным лицам.

Теперь к массовому производству сновизоров, а вместе с тем и к размежеванию нового сектора рынка высокотехнологичной продукции спешил успеть всякий уважающий себя производитель электроники. Экономика – лучший двигатель прогресса, по крайней мере, тех его областей, из которых можно получить материальную выгоду.

В Сети появились первые сносайты, на которых можно было не только обсудить плюсы и минусы недоступных среднему миллионеру моделей, но и посмотреть любительский снофильм, изучить методики, часто далекие от рационального материализма, навевания благих или даже управляемых снов. Американцы анонсировали скорое появление первого профессионального снофильма, обещая зрителю незабываемые ощущения от просмотра, особенно в кинотеатрах типа «полное погружение».

Рядом с конторами психоаналитиков открывались приемные онейрокритиков, в книжных магазинах повысился спрос на подарочные издания разного рода сонников.

С распространением нового чуда техники открылась незамеченная доселе сторона вопроса. Впечатлительные жены, просматривая сны мужа, с удивлением и ужасом обнаруживали там других женщин! И ладно еще, если незнакомых, а частенько героинями снов становились подруги жены, сестры, соседки, секретарши мужа и даже – срам-то какой! – любовники жены! Мужья не оставались в долгу, им также было что ответить своим, возможно, и верным в реальности, но творящим «такое» во сне, женам. А уж какие сны «смотрели» подростки...

Если же, при наличии в доме сновизора, кто-то из домочадцев отказывался от подключения к нему, то в девяти случаях из десяти, к радости соседей, сие провоцировало скандал со всеми атрибутами вроде битья тарелок, дуэлей на скалках, сковородках и так далее. Среди миллиардеров прокатилась волна разводов. Жигало и потенциальные невесты-содержанки щедро жертвовали евроцентики в храмах господних, вознося молитвы изобретению Вынь Люй Суня.

Дальше – хуже. Сновизоры начали применять некоторые крупные предприятия, а также государственные силовые службы при приеме соискателей на работу. Нарождалась практика подобного тестирования пилотов самолетов, работников элитных детских садов и еще множества организаций.

«Руки прочь от частных грез!» – закричали закоренелые

соноизвращения, и с ними согласились очень и очень многие, втайне опасавшиеся пополнить ряды этой сомнительной публики.

Спецслужбы получили первые образцы нового поколения – бесконтактные сновизоры, или попросту – соноуловители. Они работали на расстоянии и могли записывать сны сразу целого городского района, а некоторые экземпляры – и округа! Тогда-то и родилась программа «Уснувший город», пользу которой пока мало кто понимал, но правители на всякий случай разрешили эксперимента для накрыть сограждан еще одним покрывалом отеческой заботы. И вот программа, которую собирались через год закрыть, принесла первые плоды, да еще какие! Неудивительно, что заинтересованные лица зашевелили усами и затопали ногами.

– Ну, а для начала давайте посмотрим саму запись, – продолжал генерал СБ Зюзикив, приглашая гостей кабинета обернуться к экрану проектора.

На экране замелькали размытые разноцветные пятна, мелькающие образы, характерные для четвертой фазы «медленного» сна. Затем образы стали как бы выплывать из тумана, обретая отчетливость, наступала следующая фаза, та, которую называли быстрой.

Сидоров увидел скопление народа, в большинстве своем безликого, лица людей менялись и тасовались, словно колода карт с портретами вместо привычных монархических изображений. Звуковые колонки выдавали зрителям некоторое подобие невнятного многоголосого ора. Вскоре в центре толпы отчетливо материализовалась фигура с вполне узнаваемым лицом главы государства. Он что-то говорил, улыбаясь и эмоционально размахивая руками. Несмотря на пятнадцать метров, разделяющих сновидца и президента, голос оратора звучал отчетливо и громко. Вот только слов было не разобрать – бессмысленный набор звуков.

Президента окружали неясные темные фигуры. «Охрана», – догадался Сидоров.

– Началось, – сказал генерал. – Комментируй, Копытце... наше золотое.

– Сновидец, судя по ярким краскам, заметным цветным разводам по краям изображения, испытывает положительные эмоции, надо полагать, э-э, радуется, – подал голос кабинетный крыс. – Можно предположить, что источник его радости находится справа. Положительные, вроде бы, эмоции вызывает и сам президент, впрочем, природа этой радости может быть самая разная. Например, предвкушение, мол, вот я тебя и достал! Еще нюанс: сновидец смотрит на президента с ракурса, характерного для высокого мужчины, я бы даже сказал, очень высокого: гляньте на затылки людей перед сновидцем, он заметно возвышается над их большей частью. И вот он нагибается!

Изображение на экране действительно резко изменилось, съехав вниз. Фигуры людей сразу стали большими, искаженными перспективой, как это бывает, когда смотришь снизу вверх. Совсем рядом раздался громкий испуганный крик. Замелькали ноги и задницы граждан, внимавших президенту. Слушатели быстро сменились охраной, сквозь которую сновидец просочился чудесным образом, увидев, наконец, президента вновь – теперь уже совсем близко. Вон он еще продолжает что-то говорить, затем удивленно замолкает, лицо его искажается гримасой ужаса и брезгливости (Сидоров, как и всякий эсбэшник, неплохо читал эмоции по лицам).

Спустя мгновение президент начинает истошно кричать, раздается звук выстрела, женский визг, лай собаки, которые сменяются полной уже какофонией.

Взгляд сновидца вновь поднялся было на уровень нормального роста, но вскоре опять опустился ниже прежнего, будто человек упал на землю. Скрутили?

– С этого момента, – опять вмешался в действие голос Копытце, – цветовое дополнение указывает на панический страх, испытываемый сновидцем. Человек во сне безуспешно пытается убежать, но словно погружается в вязкий кисель. Сейчас он проснется.

И действительно мелькнула фигура с заломленными охраной руками – слишком далеко, чтобы разглядеть ее. Подросток, вроде бы... Экран на миг заволокло серой дымкой...

– Боль – сновидца будто ударили во сне.

И экран погас.

– Ну, в общем-то, Сидоров, просмотр был устроен ради тебя, остальные это уже видели, – сказал Константин Архипович. – Мысли? Соображения?

Иван Петрович помолчал, формулируя ответ, а потом сказал:

– Даже и не знаю, товарищ генерал, мало ли что кому приснилось. Стоит ли уж так серьезно воспринимать этот бред? Врагов, вполне реальных, с большими возможностями, у любого главы государства достаточно. Вот реальная угроза – прямое наше дело, а тут что? Попытка прямого контакта, да еще такая невнятная... похоже ли это на разумный план покушения?

– А это не тебе решать! – рявкнул генерал. – Приказали разобраться – будем разбираться. Точнее, разбираться будете вы, а я буду за вас пинки получать. Имейте в виду, полковнички, сольете это дело – разжалую к едрене фене! – Зюзиков перевел дух, вытер вспотевший лоб и уже спокойней продолжил: – Короче, вот тебе, Сидоров, исполнительный куратор проекта «Уснувший город» полковник Копытце, распоряжайся, консультируйся, ну и... работай, короче. А мы с генералом Негорюйко будем за вами присматривать и хвосты накручивать. Он – Копытце, а я – тебе. Задача ясна?

– Не совсем, товарищ... – осмелился подать голос Копытце.

– Что вам непонятно?! – рявкнул Зюзиков. – Найдите этого сно-, так его растак, -видца, изучите, препарируйте, а потом доложите, представляет ли какую опасность или нет. И, если будут хоть малейшие подозрения, малейшая возможность и сигналы о его намерении воплотить роковой сюжет, под стражу берите. Впрочем, я сам буду решать, брать или не брать. Еще вопросы есть?

«Й-эх! Где ж ты, мой волшебный сон?..»

Да уж, да уж, о сне и отдыхе полковнику Сидорову оставалось только мечтать. Однако он проявил титаническое человеколюбие по отношению к своей оперативной группе и не стал никого будить. Сам сел на персональную панель, открыл Первую, Вторую и Всякую базы, пригубил кофию и отправился в свободный поиск.

За полчаса до этого Иван Петрович имел приватную разъяснительную беседу с Федором Протопоповичем и с прискорбием узнал, что

соноуловитель не в состоянии указать на источник сна. Мало того, оператор даже не может отделить толком один сигнал от другого, так что ни конкретного местонахождения сновидца, ни его снов, по времени более ранних или же, напротив, поздних, Копытце предоставить не может. Конечно же его группа займется анализом всех снов, записанных за последний период соноуловителем в интересующем их районе, но на быстрый результат рассчитывать не стоит. А значит, вся предварительная информация о сноумышленнике сводится к двум фактам. Во-первых, он проживает в таком-то районе, а во-вторых, рост подозреваемого (скорей, мужчины) выше среднего. Да и то второй факт был скорее предположением. В конце концов, во сне люди могут не только вставать на всевозможные возвышения, но и летать умудряются!

Три часа усиленного изучения выявили среди жителей означенного района пяток мелкого пошиба сидельцев, двух мирных психов, десять алкоголиков, одного депутата и трех относительно крупных бизнесменов. Но вся эта публика представлялась Сидорову слишком незначительной для планов такого масштаба.

«Надо искать иначе! – подумал Иван Петрович. – Среди обиженных политиками убежденных диссидентов, коммунистов и прочей национал-либеральной швали».

А это дело хлопотное. Без группы никак.

– Алле, лежебоки, подъем!

Отвратительно выпавшаяся группа заполнила кабинеты в течение часа. Застучали пальчики по панелям, застрекотали листочками принтеры, нахмурили лбы мальчики, выпятили красивые губки девочки. К началу обеда на стол Сидорова легла пухлая папка с расширенными анкетами самых подозрительных типчиков. Ну а ребята, как водится, дружно ускакали в столовую хрустеть салатиками и жевать котлетки.

К их возвращению Иван Петрович успел просмотреть нарытую информацию и выделил десяток человек, более или менее подходящих на роль подозреваемых. Были тут и реакционеры, и коммунисты, и просто убежденные борцы со всякой властью, даже империалист один нашелся, весьма, кстати, активный. Все – мужчины, большей частью высокие, хотя этот критерий полковник старался не учитывать при отборе.

Иван Петрович еще раз задумался о сути порученного дела и выругался насчет его очевидного идиотизма. Правда, Федор Протопопович убеждал его в том, что наверху не зря столь серьезно отнеслись к сновидению потенциального преступника. Быстрый сон зачастую реализует подсознательные модели ожидаемых событий, «этим, кстати, подчас объясняется феномен дежавю», и уж сон тем более может и должен отражать навязчивые идеи. И все равно полковника не покидало раздражение и чувство бездарно затрачиваемых сил и времени.

«Надо относиться к поручению по принципу “солдат спит, служба идет”», – подумал Сидоров и пошел раздавать ребятам задания. Потом предстояло ехать к объекту, где работал тот самый соноуловитель, посмотреть самому, что да как. К тому же там дежурил Копытце, а с ним они теперь «не разлей вода».

Прошло два дня. Сидоров прогуливался по злополучному району; сторонний наблюдатель, заметив его, подумал бы, что неприметный мужчина

среднестатистической внешности просто гуляет. Видать, отпуском человека одарили, а на загранику средств не хватает. Впрочем, мало кто обращал внимания на полковника, так умело он сливался с дремотными дворами квартала.

В послеобеденное время рабочего дня жилые пространства даже крупного города были удивительно спокойны и медлительны: играли в песочницах малыши под присмотром мамаш, сорванцы постарше лениво гоняли мяч, прогуливались по тротуарам собачники, их питомцы исследовали кусты и клумбы, помечали деревья. Даже завсегдаи предподъездных лавочек – старушки-консьержки – сидели молча, любуются природой и размышляя о вечном.

Идиллия! И поди пойми, кто из них замышляет недоброе...

Смысла в такой прогулке, по сути, не было, но Сидоров решил пробежаться по району (благо соноуловитель ограничил его парой кварталов), подышать дворовой атмосферой, заглянуть народу в глаза. К тому же ему настоятельно требовалась эмоциональная разрядка после встречи с генералом Зюзиковым. Да и думалось на свежем воздухе легче, свободней.

А генерал, час назад вызвавший полковника в кабинет с отчетом, только-только вернулся «сверху». Войдя в кабинет, Сидоров сразу понял, что, стоит полковнику сказать «пока ничего», как терпение Зюзикова лопнет и кому-то не поздоровится.

И точно, едва услышав отчет, Константин Архипович покраснел, булькнул и, схватив мобильный телефон, со всей своей немалой силушки запустил его в торцевую стену. Висевший на ней календарь издал жалобный звук и покосился. От телефона остались невнятные запчасти.

– Погоны сниму! Премии лишу! Зарплату к едрене фене срежу вполвину!!! – заорал он. – Когда вы уже научитесь работать?!

Ну и так далее. Хорошо еще жертвенные предметы всегда летели в торцевую стенку, а не в сторону распинаемого подчиненного. Зная об этой особенности, полковник как стоял навтыяжку, так и остался стоять неподвижно. А по первости случались конфузы, да...

Меры к раскрытию снопреступления были приняты беспрецедентные. И Сидорову, и Копытце увеличили штат. Была установлена как обычная наружка, так и снослежка за всеми подозрительными лицами.

Мысли Ивана Петровича, наконец, переключились с эмоциональной природы генерала на личность главного подозреваемого. Из пальца, прямо скажем, высосанного голой аналитикой подозреваемого, но все же. Итак, Лаймов Максим Валерьевич, сорока трех лет, известный в узких кругах писатель, яркий империалист, активист всевозможных оппозиционных митингов, собраний, акций протестов и т. п. Неплохой оратор, драчлив, похоже, идеалист. Такой мог бы?..

Мог бы! Именно потому, что такой только и мог замыслить покушение. Сидоров возвел это «чудо господне» в нелицеприятный ранг «подкопачника». Идеалисты – они все могут, а особо выдающиеся еще и всех могут... при некотором стечении обстоятельств.

Затеваете ли вы недоброе в отношении персоны президента, Лаймов Максим Валерьевич? Или лишь играете в этакое благородного рыцаря, борца за правое да благое?

– Бут, ко мне! – прервал его размышления задорный девичий голос.

«Вот девушка молодая и красивая гуляет с собакой, – подумал Иван Петрович. – Она весела и счастлива, она рядом с другом и окутана его любовью. А я? А я опутан сетью подозрений, третий день толком не вижу жену и ребенка».

Наблюдая, как роскошный золотистый ретривер, чуть заметно прихрамывая и размахивая пушистым светло-рыжим хвостом, спешит к своей миловидной хозяйке, Сидоров продолжал жалеть себя с настойчивостью мазохиста. И только мыслишка какая-то закрутилась в голове, отвлекая от этого занятия: «Бут, бут...» Какая-то ассоциация, какой-то триггер сработал на кличку пса, что-то вот-вот должно было озарить полковника. Вот-вот... дожать только!

В озарения Сидоров верил свято. Одно дело – работа сознания, и совсем другое – бессознательная работа мозга, то есть то, что отличает гения от прочих, умение отключить сознание, предоставив высокоскоростным процессам клеток серого вещества самим анализировать факты. Но сегодня озарение полковника так и не посетило. Испугавшись телефонного звонка, оно до времени затаилось.

– Товариш полковник? Копытце на связи, – сказала раздраженно приставленная к уху трубка. – Благодаря боковым помехам с одного из персональных следящих сноустройств удалось локализовать источник в пределах квартиры. Соседи одного из подозреваемых... алло, вы слышите?

– Что локализовать? Источник чего, черт возьми? Говорите четче, у нас защищенная линия! – так и подмывало сказать: «отставить, доложите по форме!» Но не по чину... а жаль.

– Как? Я не сказал? Снова сон про убийство... ну вы поняли.

– Адрес?

– Кто там?

– Служба безопасности, откройте, пожалуйста.

Дверь открыла женщина лет сорока, маленькая, худая, серенькая и испуганная. Она даже и не подумала попросить показать удостоверение, напротив, доверчиво забормотала, мол, заходите, проходите, конечно-конечно. Что случилось?

– Ничего страшного, не беспокойтесь, нет-нет, чая не надо, я на минуту. Скажите, кто-нибудь спал в вашей квартире в ближайший час?

– Нет, что вы! Здесь только я и мой сын, он спит...

Поразительная логика!

– Я могу поговорить с вашим сыном?

– Да-да, конечно, сию минуту разбужу его.

Оказалось, ребенок и впрямь видел во сне президента, только вот о факте воображаемой расправы над ним он ничего не помнил. Однако вскоре все прояснилось. Оказалось, мальчику намедни исполнилось двенадцать, и отец подарил ему компьютерную игрушку, которая так и называлась «Покушение на президента» – чего только не придумают на свободном западе! За этой игрушкой он и просидел полночи, а затем и все утро. Ну и уснул, конечно, с мыслью, как пройти очередную миссию!

Нет, раньше таких снов не видел, а игру подарили только вчера...

«Мимо», – заключил полковник, покидая квартиру. Мальчика жалко, по всему видно, мамаша подзатыльником не ограничится, запретит

растлевающую электронную забаву. И папе наверняка достанется.

Окончательно промах подтвердился уже в управлении, где Копытце ознакомил Сидорова с записью сна мальчика. Да, президент присутствовал, но лицо его постоянно менялось, то принимая знакомые всем черты, то превращаясь в рисованные образы компьютерных героев. К тому же сюжет крутился вокруг снайперских винтовок, крыш, автоматов и бомб, то есть категорически отличался от сюжета злополучного сна.

«Осечка», – признал Копытце.

Иван Петрович прежде никогда особенно не думал о сновизорах. Ну есть и есть, мало ли какой фигни наизобретали. Тем более что эти аппараты полковнику СБ финансово недоступны. Нет, он не беден: ездит на хорошей машине, оплачивает обучение сына в престижном учебном заведении, отпуск проводит с семьей в экзотических уголках планеты. И совершенно не страдает от невозможности приобрести дорогой прибор. Зачем?

Но теперь, увидев в записях чужих снов немало любопытного, он заинтересовался темой сновидений и решил пойти на злоупотребление должностным положением, уговорив Копытце поставить на запись свою собственную квартиру. Поскольку оба полковника СБ не верили в разумность текущего задания, а маломощных сновизоров, которые использовались для «слежения» за одной квартирой, им выделили аж десять штук, Федор Протопопович обещал удовлетворить любопытство Сидорова.

Вечер прошел как обычно, хотя Иван Петрович немного волновался. Но он умел скрывать свои чувства и привык недоговаривать жене о работе. И она понимала – такова специфика мужниной службы.

Спал Сидоров плохо: в голову все время лезла всякая глупость, беспокоили невнятные сны. Но утром он ничего не помнил и первым делом, глотнув традиционного кофею, кинулся к панели. Вышел в сеть и принял объемную почту от Копытце. В письме было три ролика – «1», «2» и «3». Он начал с первого и не ошибся, быстро поняв, что этот сон видела его супруга. Сначала все было хорошо: яркие образы, нейтральный сюжет, знакомые лица, но потом...

– Жена! – крикнул он, закипая.

– Что такое, Ванечка? Что случилось, миленький? – испуганно затараторила супруга.

– Глянь-ка сюда, – процедил он.

Не прекращая вытирать вафельным полотенцем фаянсовую чашку, она уставилась в панель.

– Что это, милый? Ох! Мне как раз приснилось... – замерла она. – Это что, мой сон, да? Не может быть! Какое чудо! Ну-ка разверни чуток, отсвечивает.

Пушенный по второму кругу видеосюжет приближался к роковому месту. Иван Петрович напрягся, а жена его искренне восхищалась такой чудесной возможностью пережить приятные моменты еще раз, пусть и без полного погружения.

– Ой! – вскрикнула она минутой позже. Сервизная чашка, помнившая еще далекий двадцатый век, звякнула о пол и разлетелась на несколько осколков. Но никто из Сидоровых не обратил на нее никакого внимания.

Запахло скандалом.

– Ванечка! Ванечка, я случайно, я не хотела, ты даже не думай! Я...

Полковник пришел на работу в ужасном настроении, он был взбешен! Даже те из членов его группы, кто пришел позже начальника и не видел его огромного чемодана, не рисковали задерживаться в кабинете Ивана Петровича. А уж руки ему не решился подать ни один, справедливо опасаясь остаться без одной. Даже генерал, вызвав полковника для утренней взбучки, завидев его, смущенно крякнул и лишь напутствовал: «Работай, Ваня». Но как раз работать никак не получалось. Промучившись понапрасну до обеда, полковник понял, что ему никак не выбросить случившееся из головы. И тогда он решил посмотреть остальные ролики, в которых, очевидно, скрывались его и сына сны.

На просмотр ролика под номером «2» ушел час. Конечно же, полковник сразу понял, что это его видения, понял умом, но отказывался принять душой. Такой грязной порнухи он не видывал давно.

А если бы жена увидела это? А если бы, представить страшно, генерал увидел?!

«Казни меня, господи, ибо грешен я бесконечно! Помыслы мои грязны и ужасны, греховны, как сто пэтэушниц», – бормотал атеист Сидоров, поспешно удаляя ролики из почты и судорожно набирая номер внутреннего телефона Копытце. Звонил он затем, чтобы попросить немедленно стереть все записи из своей квартиры со всех носителей.

А вечером вернулся домой с цветами, и ночью, когда сын уснул, Сидоровы мирились так страстно, что на сновидения уже и сил не осталось.

Иван Петрович, соскальзывая в сон, вдруг подумал о том, как хорошо, что они с женой столь молоды душой и желаниями, и порадовался случаю, открывшему ему незнакомые грани его, казалось бы, изученной и даже наскучившей супруги. А еще он отметил себе впредь уделять жене больше внимания, чтобы из ее подсознания в благой сон не лезли всякие там... любители сладкого...

С тем и уснул в объятьях горячих.

Шел пятый день расследования. Генерал Зюзиков минуту назад разбил трехмерную сенсорную панель последней модели – подарок министра! – и Сидоров решил, что все! Надо брать Лаймова, пока любимого генерала не хватил кондратий. Тем более что улики собрано достаточно, чтобы задержать Максима Валерьевича самым законным образом, потрясая пред ликом его прокурорской бумажкой. Больно уж активным и последовательным борцом с властью оказался мистер Лаймов.

Генерал черкнул писульку, прокурор выдал бумажку, и уже через полчаса подследственный был доставлен в кабинет к Сидорову.

– Я буду жаловаться, – орал он. – Это произвол! Я требую адвоката! Где мой законный звонок...

И ругался, и оскорблял, и посылал, наивно полагая, что, чем напористей держаться с охранителями государственности, тем мягче они будут вести себя. Может, это и срабатывало с майорами из рядового отделения милиции, но эсбэшника угрозами не проймешь, его просто надо бояться и чистосердечно сотрудничать. Когда-то все знали это очень хорошо. Да позабылось за годы.

«Но это ничего, напомним», – умилялся Сидоров, глядя на беснующегося писателя.

Однако по истечении десяти часов активных следственных мероприятий – допросов то есть – Сидоров подрастерял уверенность. Не колотся Лаймов, хоть тресни. Снимали показания на детекторе истины, приглашали гипнотизера – попусту. Да, не любил Лаймов власть вообще и президента в частности, да, поразился бы, убей его кто-нибудь, но категорически отказывался признавать подобные намерения за собой.

Глубокой ночью, когда Иван Петрович уже готов был сорваться, появился Копытце. Он принес спасительную для Лаймова весть о том, что операторы (гм... не при подследственном будет сказано, каких) машин, поймали повтор того самого сна! Практически один в один повторился он в новой записи, целиком и полностью доказывая непричастность Лаймова, во-первых, и серьезность застрявшей в больном мозгу идеификс, во-вторых.

Утомив Ивана Петровича техническими подробностями, Копытце пришел к тому, что они опять не знают, в какой именно квартире видели сон. Но некоторые факты дают основания утверждать, что сновидец проживает в таком-то доме, в одном из трех подъездов и с этого по этот этаж. Что ж, оставалось закопаться по самую макушку в ведомственные базы и внимательно изучить каждого жильца вышеозначенных двух с небольшим десятков квартир.

На поиск информации и подтверждение проживания указанных по прописке лиц, а также выяснение личностей проживающих без прописки граждан ушел остаток ночи и добрая часть утра. Как назло, все жильцы оказались белыми, пушистыми и безгрешными! Пришлось прибегать к психологической и социологической экспертизе, что заметно затягивало поиск.

В ожидании заключения экспертов Иван Петрович и сам просматривал личные дела, биографии, фото и видеоматериалы. Среди прочих анкет он встретил знакомое лицо – давешняя милая девушка, выгуливавшая красавца ретривера.

«Елизавета Рафаэловна Сидорова, – прочитал он. – Надо ж, какое совпадение, – однофамилица!»

Хохотнув про себя, полковник вдруг вспомнил, что эта девушка при встрече навела его на какую-то мысль, тогда показавшуюся важной, но упущенную позже. Что-то связанное с собакой... нет, с кличкой!.. Как там звала она своего питомца? Блуд, Бат, Бут... ну конечно же, Бут!

Бут-Бут-Бут, что за Бут? Что-то знакомое, что-то из прошлого... Но что?

Воспользовавшись отдельной панелью, которая имела выход в глобальную сеть и никак не была связана с внутренней, Сидоров быстро нашел то, что еще в институтские годы отложилось где-то в глубине его тренированной памяти.

«Джон Уилкс Бут (англ. John Wilkes Booth, 10 мая 1838 – 26 апреля 1865) – американский актёр, убийца президента Линкольна», – прочитал он.

Убийца президента! Вот за что зацепилось сознание.

«Все понятно», – разочарованно подумал полковник. Ну не полагать же в самом деле, что во всем виновата собака, которая просто названа (скорее всего, совершенно случайно) в честь знаменитого убийцы президента.

Разве что имя неслучайно! Но такая милая девочка...

И все же, глядя на заходящее солнце, Иван Петрович позвонил Федору Протопоповичу и дал наводку установить направленный соноуловитель на квартиру, в которой проживала девушка с золотистым ретривером.

Прошло еще два безрезультатных дня и, главное, две ночи. Утром генерал уже ничего не бил, не кидал, он просто пил валокордин и вздрагивал от каждого звонка. Увидев сияющего полковника, Зюзиков спросил с надеждой умирающего:

– Ну что? Нашли?

– Так точно, товарищ генерал! – оттарабанил тот, вытянувшись по струнке. – Разрешите доложить подробнее?

– Ну давай, шельма, не тяни!

– Установлена не только квартира, но и комната, в которой находился сновидец. Параллельно велось визуальное наблюдение с использованием теплоуловителей, биосканеров и других специальных устройств, подробнее в письменном докладе.

– Короче!!!

– Есть «короче»! С высочайшей степенью вероятности установлено, что сон видел не человек. Это был пес, товарищ генерал. По кличке Бут!

– Да чтоб я провалился! – воскликнул счастливый генерал, хватая последнее, что можно было схватить, – телефон прямой связи с министром.

– Хо-хо-хо, анекдот, да и только, Задорсян отдыхает, хо-хо-хо, за собакой гонялось пол-СБ, чтоб ее черти съели, хо-хо!

Генерал был счастлив, он смеялся и, словно дирижер, размахивал руками, показывая рабочим, куда ставить новую панель. Час назад в кабинете закончили устанавливать новый телефонный аппарат на защищенную линию, а на столе Зюзикова смирно лежал ничего не подозревающий мобильник последней модели. Мобильник подарил лично министр, сам явился в гости, пожал руку обоим генералам и Сидорову – Копытце отсутствовал по уважительной причине. Министр тоже едва сдерживал улыбку, однако отметил, что высокий профессионализм эсбэшников требует самого серьезного одобрения.

Иван Петрович тоже был доволен жизнью. Пусть нового звания ему за такой конфуз не светит, зато теперь он наверняка добьется заслуженного отпуска и как следует отоспится на берегу моря. Полковник улыбался, смотрел на генерала, подхихикивая в нужных местах, но мысленно уже лежал на песочке, омывая натруженные ноги в набегающих теплых волнах, слушал крики альбатросов и с ленцой, из-под прикрытых век, наблюдал за игрой сына с супругой.

Теперь, когда в деле спящего пса поставлена жирная точка, отчего бы не помечтать? Бута тщательнейшим образом проверили ветеринары, кинопсихологи, онейрологи и другие специалисты. Установили, что пес здоров, не агрессивен и все такое прочее. А его навязчивый сон связан с неприятными воспоминаниями из прошлого. Тогда, три года назад, когда Бут был еще совсем молод, а президент только баллотировался на высший политический пост, глупый пес просто полез поиграть к нему. Но был неправильно понят и слегка помят. Пострадала и хозяйка, но тогдашняя охрана будущего

президента быстро разобралась в инциденте, адекватно отнеслась к игровому шенку, и Буту все простили.

Простили и теперь. И все остались довольны, разве что хозяйка Бута заработала первые седые волоски, ну так это не беда, закрасит. А программа «Уснувший город», как видно, теперь отправится псу под хвост! Тому самому псу, который наглядно доказал ее бесполезность, бестолковость и некупальность.

Уже вечером Иван Петрович Сидоров принес домой три билета на экзотический курорт, а жена, поцеловав кормильца, начала паковать чемоданы.

Лето только-только началось. Не календарное, от которого неумолимое время уже откусило приличный кусок, а настоящее – жаркое, цветное, природное. Бут, молодой пес, еще шенок, самозабвенно гонялся за бабочками и чувствовал себя абсолютно счастливым. Его молодая хозяйка Лиза бежала вместе с ним, смеялась и тоже была счастлива. Они возвращались с речки, где провели время в хорошей компании, купались, играли, ели дразняше ароматные шашлыки и пили ледяной квас. Свежие, молодые, веселые – девушка и пес. К ним пытался пристроиться один из парней, но Лизе он совсем не нравился, поэтому, стоило только парню обнять девушку, Бут начал рычать, обнажая серьезные не по возрасту клыки. Так что Лиза с Бутом возвращались домой вдвоем.

Вечерело, но летнее солнышко не спешило уходить, чему особенно радовались гомонящие птицы и играющие в пыли ребяташки. Тем более что все взрослые сгрудились на небольшой парковой площади, в стороне от игровой площадки.

Этот парк располагался совсем недалеко от Лизиного дома, поэтому она никак не могла пройти мимо него, возвращаясь с речки. А увидев толпу, юница никак не могла не удовлетворить свое любопытство. Тем более что она заметила видеокамеру, вереницу крутейших автомобилей и знала, что скоро состоятся выборы президента. И точно, волнуемое предчувствие не обмануло ее: взобравшись на яркий детский домик, она увидела своего самого любимого кандидата в президенты! Импозантный мужчина сорока пяти лет, гладковыбритый красавец брюнет с хорошей спортивной фигурой, добрыми глазами и неотразимой улыбкой. Сильный, умный и надежный, каким и должен быть идеальный мужчина. Куда там давешнему парню...

Мужчина ораторствовал, взобравшись на невысокую старую сцену, а люди благоговейно ему внимали. Лиза плохо понимала, что именно тот говорит, но всю ее переполняло восхищение и даже возбуждение. Она истово желала прямо сейчас, растолкав толпу, кинуться в Его объятия, поцеловать Его, прижаться к Нему, чтобы больше никогда не отпускать.

Бут, сидевший рядом, чувствовал душевное состояние хозяйки и разделял его. У него вслед за ней росло желание подбежать к человеку на сцене, выразить ему свою любовь, припасть пред ним на передние лапы, облизать его. Но в отличие от девушки пес не понимал, что этого делать нельзя, что так не принято, что потенциальный глава государства недоступен для выражения ему обожания обычным человеком, а тем более псом. И потому он, недолго думая, соскочил с крыши невысокого домика, прошмыгнул между ног толпящихся, ужом проскользнул мимо охраны и запрыгнул на

сцену. Отчаянно размахивая хвостом, он затыкал и кинулся вперед с одним желанием – добраться до лица человека и лизнуть его в нос.

Что-то крикнула Лиза, но он был слишком близок к цели, чтобы обратить на это внимание. Он тянулся к человеку!

А человек испугался, завизжал, закричал что-то, отпрянул, брыкаясь и закрываясь руками. Пес не успел понять человека, он продолжал лезть к нему, пока не получил чувствительный пинок прямо в морду! Затем подбежали охранники, они пинали Бута, били какими-то палками. Подбежала Лиза, она что-то кричала, и ее схватили, стали выкручивать руки. Тогда Бут понял, что все плохо, и зарычал. Он пытался кусаться, но не мог вырваться из крепких рук охраны. Ему было больно и обидно, он скулил, но был бессилён что-либо сделать.

Когда их отпустили, хозяйка все время плакала и гладила его, а потом с кем-то разговаривала, и пес чувствовал, что Лиза напугана, и очень переживал, забывая даже о том, что у него сильно болит лапа и живот. Поздней ночью они, наконец, попали домой, но до самого утра не спали, жалуясь друг другу и жалея друг друга. А утром поехали к ветеринару.

Там опять были какие-то люди, и Лиза опять плакала, потому что она боялась, что ее любимца усыпят. Но все обошлось. Только вот с тех пор Бут немного прихрамывал на одну лапу.

А Лиза голосовала за другого кандидата, но проиграла.

С того рокового дня прошло почти три года, но Лиза до сих пор не могла вспоминать о нем спокойно. Естественно, что теперь, когда в ее квартиру заявили три эсбэшника и указали грозящими перстами на Бута, воспоминания всколыхнулись. И страх за любимого питомца, самого близкого друга, родное существо опять охватил все ее существо. Слава Богу, все закончилось хорошо – уже второй раз.

Но судьба словно преследовала ее, раз за разом подставляя Бута. Какого черта президент делал у нее на работе? Что потерял глава государства в институте социологии? Проклиная политика, девушка просочилась в здание через вход со двора и надела на Бута поводок, который вообще-то брала исключительно на всякий случай и никогда не надевала.

Как раз сегодня Лиза запланировала поход к ветеринару, поэтому и взяла пса с собой на работу, в центр. Впрочем, пес тут был частым гостем, Лизины коллеги его любили, и начальство закрывало глаза на появление четвероногого товарища сотрудницы. Обычно он смиренно лежал в ее кабинете или играл с псами, которые просто жили при институте, прикормленные вахтерами.

«Может, ну его, ветеринара? – подумала девушка, затаскивая Бута в лифт. К лифтам он относился нормально, даже благосклонно, но вот поводок ненавидел, поэтому и упирался, протестуя. – Да нет, никак нельзя, уже назначено и договорено. Нет-нет, все будет хорошо», – успокаивала она себя.

К тому же Лиза справедливо полагала, что вероятность встретиться с президентом в огромном здании института ничтожно мала. Тем более что ее отдел социологии одиноких женщин детородного возраста располагался далеко от кабинетов высокого начальства и интереса для главы государства не представлял. Но когда створы лифтовых дверей разомкнулись перед ее лицом, она поняла, что успокаивала себя зря, и надо было подниматься по

боковой лестнице.

– Сновизоры есть результат неумолимого движения вперед, плод научного прогресса, – вешал знакомый голос. – Пытаться противостоять прогрессу бесполезно и даже вредно. Но вместе с тем мы должны понимать, что повсеместное распространение сновизоров поставит нас лицом к лицу с новой этикой отношений внутри семьи и других тесных социальных групп, объединение которых происходит при постулируемом полном доверии каждого члена группы к каждому. Готовы ли мы увидеть, принять и простить все чудеса, творимые подсознанием наших близких? Субъективную правду, подчас выходящую за рамки принятых в обществе морально-этических норм даже у самых праведных граждан? Нет, скажу я вам, не готовы! Поэтому распространение сновизоров следует законодательно ограничить, а оценку человека по критериям, далеким от классической психологии, запретить вообще! Однако сугубо медицинские и социальные исследования природы сновидений...

Судорожно нажимая на кнопки лифта под пристальным взглядом охранника, Лиза совсем забыла о Буте, который привычно выскочил из кабинки и теперь ждал, пока выйдет хозяйка. Двери закрылись, и только тогда она заметила, что Бута в кабинке нет, а в мокрой ладошке стиснут лишь поводок.

«Бут! О черт!» – похолодело внутри. Лифт двинулся и Лиза поняла, что если сейчас не отпустит поводок, то придушит Бута. И она отпустила его...

Бут испугался, когда двери лифта вдруг закрылись, а потом его дернуло вниз. И тут же отпустило. Но пес уже поддался панике и с силой дернулся в обратном направлении, выдернув поводок из мягкого захвата лифтовых створок.

– Ты что, дружок? Не удавился, все хорошо? – сочувственно спросил дежуривший у лифта охранник. Он не понял, почему вдруг девушка, оставив пса снаружи, поспешно ретировалась, и бросился на помощь Буту, но тот уже и сам сумел освободиться. – Ну-ка, иди ко мне, постой рядом, пока не вернется твоя эксцентричная хозяйка. Нет-нет, туда нельзя! Стой! Стой!!!

Но поводок уже затерялся среди множества ног.

Бут учуял памятный запах человека, который когда-то давно обидел его и хозяйку и заслуживал самого строгого наказания! Самой жестокой мести...

Как и в приснопамятном сне, псу удалось достаточно легко преодолеть заслонявших нехорошего человека людей, но только на этот раз охрана особо важной персоны была уже не та, что три года назад. Эти ребята не зря назывались самыми профессиональными человекоохранителями, которым только и допустимо доверить здоровье первого лица страны. Один из них успел среагировать на крик охранника у лифта (обычного милицейского тюфяка) и, хотя не понял, кого тот пытался остановить, ждал любой неожиданности. Увидев песью морду, телохранитель удивился, но раздумывать не стал и схватил пса за шкуру.

И на этом был бы инцидент исчерпан, не питай Бута подсердечная ненависть, сделавшая его упорней и сильнее обычного. Он извернулся, укусил телохранителя, вырвался и в один прыжок оказался рядом с президентом. Тот заорал и кинулся было бежать, но за спиной у него была стена с большим красивым стендом и фотографиями гениев социологии на нем, в которую он

и уперся.

– Убейте, убейте пса! Скорей же, – вопило первое лицо, уже чувствуя, как острые клыки с силой вонзаются в его ляжку. Телохранители, естественно, уже были рядом, но не стрелять же в пса, повисшего на президенте, в самом деле! Приходилось действовать деликатно, буквально руками разжимая челюсти.

Разжали, отташили, пнули и поймали поводок.

Но пес не сдался! Рванул поджарое тело и разогнул скобу, крепившую поводок к ошейнику. Вновь началась ожесточенная борьба, пока кто-то не крикнул «разойдись!» Оказавшись вдруг в пустоте, пес сообразил, что дело нечисто, и резко отпрянул в сторону.

Вовремя! Пуля, вырвавшаяся из ствола пистолета, ударила как раз туда, где мгновением раньше находился Бут.

Не застав адресата, изяшный кусок свинца потерял правильную форму, а вместе с ней и часть кинетической энергии. Но добротный мраморный пол, приняв удар, послал пулю дальше, и пуля полетела в сторону покусанного президента. Пробив плотную ткань в области ширинки, она вонзилась в пах всенародного избранника.

– А-а-а! – возопил тот.

Телохранители не сразу сообразили, откуда в дополнение к собаке взялся еще и злоумышляющий стрелок, и поспешили взять президента в плотное кольцо. Двое погнались за собакой, но Бут, посчитав свою миссию выполненной, моментально затерялся в агонизирующей толпе представителей СМИ и сотрудников института.

– Поймать и убить! Убить! – кричал президент. В глазах у него двилось, но боли он не чувствовал, поглощенный всецело одним желанием – расправиться с псом, которого он, конечно же, узнал. – Не дайте псу уйти, стреляйте! Стреляйте же!!!

Рядом появились медики и принялись тут же раздевать его и перевязывать, останавливая кровь. Зашелкали фотоаппараты, камеры устремили свои объективы на бесштанного президента. Набежавшие милиционеры и охранники бросились отеснять телевизионщиков, выгоняя за пределы просторного холла пятого этажа.

Последнее, что услышал президент, прежде чем впасть в спасительное небытие, было: «Хозяйка пса, здесь хозяйка пса! Скорее! Скажите, милочка, это действительно был ваш пес? Неужели? Вы хотите сделать заявление? Снимай же, Игорь, снимай!.. Да что вы говорите? Значит, вы утверждаете, что президент бил вашего пса, когда тот был еще щенком? И поэтому пес бросился на него?»

Политик попытался приказать охране остановить это – несмотря на свое плачевное состояние, он моментально сообразил, что именно расскажет хозяйка проклятой собаки. И тогда уже не так просто будет казнить хвостатого преступника: вступятся защитники животных, осудят граждане. Мало того, сам он может потерять драгоценные пункты рейтинга, если его оппоненты раскрутят давнюю историю и выставят его живодером. А они это могут...

Но хрип раненого никто не понял, и он окончательно потерял сознание от потери крови, а главное, от острого чувства досады. Президент ненавидел проигрывать почти так же сильно, как боялся собак.

Когда Лиза вернулась на пятый этаж, то застала там именно то, чего больше всего боялась. Прорваться к Буту милиционеры ей не дали, сколько она ни просила пустить ее. После того как раздался выстрел, девушка чуть не потеряла сознание от страха и бессилия. Но потом, увидев Бута, убегающего по коридору к лестнице, пришла в себя и, услышав крики своего некогда кумира, а теперь первейшего врага, приняла единственно верное решение. Привлекла внимание репортеров, чтобы рассказать, как случилось первое знакомство ее любимца с главой государства.

Генерал службы безопасности Зюзиков Константин Архипович разбомбил свой кабинет так, что его преемнику пришлось не только заказывать новую мебель и технику, но и делать косметический ремонт. А сам генерал ушел на пенсию и завел кота. Теперь он пишет мемуары, а кот периодически смахивает на пол очередной из многочисленных сувениров генерала, которыми его некогда щедро одаривали сослуживцы и начальство, почему-то считая, что генерал испытывает слабость к хрупким фарфоровым безделушкам.

Иван Петрович Сидоров также был вынужден уйти из СБ и теперь имеет свой собственный маленький бизнес, связанный с поиском пропавших животных. Кроме того, к нему частенько обращается за помощью и советом его друг Копытце, неизменно эту помощь оплачивая. Дело в том, что Федор Протопопович возглавляет лабораторию передовых разработок в крупной компании-производителе бытовой электроники. И он, как никто другой, понимает всю прелесть, но и зло промышленного шпионажа.

Страной руководит новый президент, который относится к бытовому использованию сновизоров куда лояльней своего предшественника. Но главное, нынешний глава государства держит дома сразу четырех собак, потому что, во-первых, лишен страха перед ними, а во-вторых, что еще оставалось делать преемнику, после того как предыдущий президент добровольно отрекся от власти? После всех скандалов...

Лиза полгода назад познакомилась с хорошим парнем, худощавым блондином, который только-только устроился к ним на работу после института, и теперь мечтала о свадебном путешествии на далекие южные острова. После этой поездки у молодых еще должны были остаться деньги на расширение жилой площади. Деньги следовало потратить быстрее, потому что Лиза не любила вспоминать, откуда они появились.

Ну а Буту теперь снятся только хорошие сны, изобилующие вкусными шашлыками и красивыми хвостатыми дамами породы ретриверов.

Лето, верни солнышко в душу!

Адель САВИНОВА

Летняя палитра

Знаешь, лето, я по тебе скучаю очень,
Когда по садам Морфея гуляю ночью...
И днём на работе в строгий костюм одета,
Так и хочется крикнуть: «Ну где же ты, лето?»

Я помню цветы твои, птички трели.
Мне чудятся звуки весенней капли.
И мириады звёзд на чернильном своде
Вдруг превращаются в строки, подобные оде.

Твой мир волшебный в кузнечиках и стрекозах,
Как одуванчик воздушен, нежен, как роза!
То голубой, то оранжевый, то зелёный...
Внезапный, весёлый и, конечно, влюблённый!

В тебе неба синь и пена к ногам морская.
Нежные ветры твои меня ласкают...
Твои дожди легки, и совсем незримы,
Каплей упав в ладонь, радугой выгнут спины...

Раскрепостишь меня цветом, стилем одежды.
Снова в дар принесёшь веру, любовь, надежду...
Лето, скорей верни солнышко в мою душу,
Чтобы слова в строку рифмой легли послушно!

Адель САВИНОВА (Аделаида ГОРОХОВА). Родилась в Чирчике, окончила Ташкентский политехнический институт, публиковалась в газете «Чирчик». В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Разговор с душой

Ты изнываешь, словно птица в клетке, душа.
 Но без тебя не стою я монетки, гроша.
 Пойдём-ка наблюдать за огоньком свечи
 И рифмы новые слагать тайком в ночи.
 Припомним, милая моя, про радость и боль.
 Ведь вкус у жизни разный: и сладость, и соль.
 Когда-то было время трепетала до слёз.
 Без крыльев выше неба взлетала всерьёз.
 Случается всё сразу на плечи горой...
 Да солнца луч и ветер в парусах порой.
 Сначала прячешь радость и печаль от всех.
 То вдруг награда для тебя, медаль, успех!
 Но от себя не убежишь никуда, поверь.
 Хоть нет замков, откроешь без труда дверь.
 Я просто оболочка, вместилище, сосуд.
 Ты ж для меня, душа, чистилище и суд...

Улыбаешься, значит, выжил!

Улыбаешься, значит, выжил...
 Вот только в небе над головой
 Кружат вороны в стае бесстыжие,
 И доносится мерзких шакалов вой.

Улыбаешься, словно в м´ороке...
 В ножны меч вложил, а в глазах печаль.
 Да, повержены злые вороги,
 Но погибших соратников очень жаль.

Улыбаешься... весь в зарубках шит,
 От копья на кольчуге твоей следы.
 Нет, рука тверда и отнюдь не дрожит,
 Только волосы стали совсем седы.

Рядом верный конь, уж такой хитрец,
 Утыкается мордой в твоё плечо.
 Мол, вставай уже, добрый молодец,
 Жизни путь опять нас с тобой влечёт.

К отцу с матерью да к любви большой,
 Золотым полям, хлеб рождающим...
 Такова судьба, вот он – вечный бой.
 Оставайся всегда побеждающим!

Это было настолько давно,
 Что стало уже наваждением.
 Словно кадры немого кино –
 Моё прошлое воплощение.

Подсознание выдало мне,
 Украдкой шепнув на ушко,
 Мол, рождение прошло на Луне.
 Я его оборвала: «Врушка!»

Помню я неземной пейзаж,
 Багряное солнце в зените,
 Космолёта родной экипаж
 И каникулы на орбите.

Не забуду зелёный стан
 Да волос бордовых копну.
 Ой, не надо крутить у виска,
 Перестаньте кивать: «Ну-ну...»

Я с планеты звезды Глизе!
 Абсолютно вас не смешу.
 Там есть кофе, фрукты, бизе
 И гимнастика типа ушу.

Где диковинные цветы,
 Нескончаемые луга,
 Там штормит океан Мечты,
 Волны бьются о берега.

Изумрудные города,
 Очень розовые слоны,
 Там такие мужчины... мда...
 Нет, не падала я с Луны!

Он молил, и услышан был.
 Оглянулся, а тут она!
 Как замёрзшему – солнца пыл...
 Словно в мраке ночном Луна...

Вот ЛЮБОВЬ! Сможешь ее сберечь
 От измены и от разлук?
 Не предай и не изувечь!
 Верность – это не просто звук...

Я по миру бродил, смотрел.
И во снах я тебя искал.
Одиночество – мой удел,
Словно волка немой оскал.

Я готов был на край Земли.
Я согласен на дно морей.
Лишь увидеть тебя вдали.
Ты – Ассоль моя, я – твой Грей!

В строках книг тебя узнавал,
На картинах видел твой лик,
Приглашал я тебя на бал,
Ты манила, как звёздный блик.

Ты – мой ангел на небесах,
А на тверди земной ты – плоть.
Ты – луч света в моих глазах,
Мне коснуться тебя бы хоть.

Я б в глубинах твоих тонул.
Но всплывать совсем не хотел.
И «кессонки» я не минул,
Кровь кипела, тобой болел.

Я б вершины твои покорял.
Я прокладывал бы пути
И ненастья бы разгонял...
Подскажи, где тебя найти?

Планета подвластна всем стихиям.
То их боимся, то вдруг стихи им.
Они то диво, то Божья кара
Четыре силы Земного шара.

Твердыня, воздух, вода и пламя...
Они на гербе, и с ними знамя.
Всегда накормят, всегда согреют,
Порой цветами наш путь устелят.

Но в гневе страшны они бывают,
Когда крушат всё и всё ломают.
Землетрясение, пожар, цунами,
Лавины, пленящие нас снегами.

Издравле Землю боготворили.
Огня боялись, ему служили.
Ветра в таинственном ореоле...
Всем поклонялись по доброй воле.

И Водам должное отдавали,
Основами жизни именовали.
Но Аква-чудо бывает разной:
Твёрдой, жидкой и газообразной.

Живая влага напоит сушу,
Умерит жажду, омоет душу,
Взрастит хлеба и наполнит реку
Вода, дарованная человеку.

А где-то океан и берега, ласкающих волн лазурных пена.
Как девушка скромна, строга, лагуна дремлет несравненна.
Там лёгкий бриз взьерошит пальмы, утихнет в листьях тиаре,
И экзотические птахи споют дуэтом – кабаре.
А в струях там тонов индиго пестреют заросли кораллов,
И стаи разноликих рыбок не нарушают ареалов.
Там на песчаном белом дне моллюск сокровище лелеет.
Он перламутр свой отдаёт, и кроха быстро хорошеет.
Там всё пловцы островитяне, их не страшат пучины вод.
И смелый ловкий таитянин в маренго глубину нырнёт.
Есть дева у него одна, с кем связан ниточкой незримой.
Жемчужину, достав со дна, подарит он её любимой.

ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

К 95-летию со дня рождения
Исхака Раджабова

Окилхон ИБРАГИМОВ

Подготовка ученых-языковедов, способных проводить глубокие научные исследования в области истории узбекской народной музыки, в частности, макомов, была актуальна еще в 20-е годы прошлого века. Абдурауф Фитрат во введении к своей книге «Узбекская классическая музыка и ее история», изданной в 1927 г., писал, что «...к сожалению, нет серьезных исследований по истории узбекской музыки». Основную причину этого он видел в «отсутствии музыковедов, способных работать в этой области, т. е. сведущих в теоретических вопросах музыки, разбирающихся в особенностях восточной музыки» (Фитрат А. Ўзбек халқ мусиқаси ва унинг тарихи. – Т., 1993, с. 3).

В своем практическом решении этой жизненно необходимой и злободневной проблемы значительное место принадлежит научной и творческой деятельности доктора искусствоведения Исхака Рискиевича Раджабова (1925 – 1982), музыковеда, источниковеда, филолога и востоковеда, искусного исполнителя, играющего на национальных инструментах дутаре и танбуре, в совершенстве владеющего персидско-таджикским языком, знатока восточной системы стихосложения (аруз) и арабской письменности, что позволило ему глубоко изучить рукописные источники о музыке, начиная с периода средневековья, и дать их подробный научный анализ с музыковедческими комментариями.

В его фундаментальном научном исследовании [«Мақомлар масаласига доир» («К вопросу о макомах»)]. – Т., Ўзадабийнашр, 1963] нашли решение многие исторические и теоретические аспекты классического музыкального наследия восточных народов – такие, напр., как определение функциональной значимости Бухарского Шашмакома в системе макомата, освещение имманентных принципов формирования данного цикла на базе системы Двенадцати макомов, а также место музыкально-составляющих структур (ладовый звукоряд, интонационная основа, мелодия, ритм-усуль, аудж-намуд и др.) как составных частей этой целостной системы. В

Окилхон ИБРАГИМОВ. Родился в 1956 году. Доктор искусствоведения, профессор Государственного института искусств и культуры Узбекистана. Музыковед, член экспертного Совета ВАК и Президиума ВАК Республики Узбекистан. Автор международного проекта «Шашмаком», ряда научных исследований, буклетов и аннотаций.

монографии он также изложил и научно обосновал влияние Бухарского Шашмакома на творческие процессы формирования Хорезмских и Фергано-Ташкентских макомов, дал верное решение многих сложных и запутанных проблем узбекского музыковедения (был решен вопрос о происхождении макомов). Подавляющее большинство ученых придерживалось мнения, что древнейшие истоки макомов напрямую восходят к арабо-персидской музыке. Исхак Раджабов выдвинул гипотезу о возникновении макомов на базе народной музыки, ибо макомные циклы, по научным наблюдениям ученого, «в целом созданы на базе сокровищницы народной музыки, они постоянно обогащались и совершенствовались на ее основе и, в свою очередь, оказали плодотворное влияние на развитие народной музыкальной культуры». Глубокий смысл имеет утверждение ученого о том, что «макомы – это образцы музыки народов классического стиля»¹.

До книги И. Р. Раджабова «К вопросу о макомах» среди ученых бытовало мнение, что формирование Бухарского Шашмакома относится к XVI в., основанное на ошибочном заключении профессора А. А. Семёнова (рукопись из фонда Института востоковедения АН РУЗ под инв. № 1466). И. Р. Раджабов заново тщательно исследовал эту рукопись и пришел к заключению, что она состоит из двух сочинений. Первое было посвящено Двенадцати макомам и включало в себя некоторые сведения о Кавкаби – авторе трактата о музыке (XVI в.). Второе же сочинение представляет собой собрание поэтических произведений на музыку вокального раздела Шашмаком, составленное не в XVI в., а в период правления бухарского эмира Насрулло.²

Примечательно, что, обосновывая ошибочность мнения А. А. Семёнова по поводу данной рукописи, И. Р. Раджабов отмечает: «Среди поэтических текстов на мелодии Шашмакома использованы газели Бедиля, Машраба, Саййидо, Зебуннисо, Назима, творческая деятельность которых относится к XVII – XVIII веку»³.

В подтверждение своего мнения ученый обращается к специальным рукописным источникам о музыке. «В трактатах о музыке, созданных в Средней Азии до XVIII в., – читаем в его книге, – речь идет только о Двенадцати макомах. В трактатах, созданных вплоть до XIX в., нет ни одного слова о Шашмакоме. Значит, можно прийти к выводу о том, что Шашмаком получил широкое распространение в XIX в., а XVIII в. стал периодом его окончательного формирования».⁴

Исхаку Раджабову удалось создать научную концепцию, вобравшую в себя исторические и теоретические проблемы сложного искусства. В эпоху, когда в официальных инстанциях поддерживалась приоритетность несколько иных культурных ценностей и порой сомнительных «течений», книга явилась действенным оружием, направленным против идей «классовости искусства» и европоцентризма, против основанных на этих идеях взглядов на макомы как на «пережитки прошлого», «реакционно-феодалное искусство, исчерпавшее свою сущность», и явилась страстным призывом к почитанию наших

1 Раджабов И. Мақомлар масаласига доир. – Т., Ўздабийнашр, 1963, с. 126.

2 Там же, с. 125.

3 Там же.

4 Там же, с. 124-125.

многовековых культурных ценностей, призывом к познанию своего «я».

В настоящее время макомное искусство становится все более востребованным не только в Республике Узбекистан, но и далеко за ее пределами. В 2000-х годах произошли знаменательные события: Бухарский Шашмаком – классическое музыкальное наследие узбекского и таджикского народов – был признан шедевром нематериального наследия человечества (2003 г.) и внесен в репрезентативный список ЮНЕСКО (2008 г.). На основе Программы по сохранению и развитию традиций Шашмакома и при содействии этой авторитетной международной организации вышли в свет фундаментальное научное исследование И. Р. Раджабова «Макомы», новые изыскания узбекских музыковедов и материалы международных научных конференций.

Рукопись монографии хранится в библиотеке Института искусствознания АН РУз. (инв. № 843). Этот многоплановый научный труд можно считать энциклопедией макомов, так как в нем нашли отражение практически все вопросы, связанные с этим классическим музыкальным искусством: история и особенности развития макомов с древнейших времен до наших дней, теоретические вопросы изучения макомов в период средневековья, виды макомов, их структура, ладово-мелодические особенности, вопросы взаимоотношения теории и исполнительской практики макомов и др. Это исследование по содержанию и фактическому материалу намного шире первой монографии автора «К вопросу о макомах». Намного шире освещены источники происхождения макомов, приводится таблица намудов, в приложении к монографии «Макомы» содержится описание хранящихся в фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни при Академии наук Республики Узбекистан рукописных трактатов о музыке среднеазиатских авторов, а также образцы поэтических текстов, исполнявшихся на музыку Шашмакома, которые дошли до нас в многочисленных рукописных сборниках.

В сегодняшних реалиях научная концепция ученого-макомоведа И. Р. Раджабова обретает особую ценность и значимость.

Вместе с тем целый ряд научных работ ученого до сих пор остается малоизвестным не только широкому кругу любителей классической музыки, но и многим специалистам. Среди них такие исследования, как «Шарқ мусиқа атамаларининг қисқача луғати» (Краткий словарь восточных музыкальных терминов), комментированный перевод с персидского труда Махмуда аш-Ширази «رد جاتلا ةرغل ج لبيدلا» “Дуррат ат-тадж ли гуррат ад-дибодж” (“Перлы венка царственного наряда”)), «Трактаты средневековых ученых о музыке в фондах Института востоковедения АН Узбекистана», «Амир Темур ва Темурийлар даври мусиқа маданияти» («Музыкальная культура эпохи Амира Темура и Темуридов»). Рукописи этих трудов в течение многих лет хранятся в библиотеке Института искусствознания АН РУз и личном архиве ученого.

Бессонная звездная ночь

ДАМИР ХУДАЙБЕРДИЕВ

Фотография

Со стороны смотрю, со стороны.
Как ты красива! В дни поминовения
Мне снятся непридуманные сны –
Застывших действий прошлого мгновения

Из жизни той, похожей на роман,
Наивный, несуразный, неожиданный.
Мы поделили книгу пополам,
И обе половины недочитаны.

Промеж страниц закладка – эдельвейс
(Он мог бы стать достоинством гербария),
100 лет тому назад имевший вес
По прихоти случайного сценария.

Глаза узнали твой знакомый взгляд,
Перебирая сети социальные.
Прими стихи, пусть близкие простят,
Хотя письмо почти официальное.

В нем тщательно подобраны слова.
Обдуманное временем последствие
Перемололи в прошлом жернова
До безобидной в настоящем версии,

В которой я смотрю со стороны,
Стараясь не испортить впечатления
И не тревожить прожитые дни,
Минувшие давно, как наваждение.

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Родился в 1976 г. в Бухаре. Врач-офтальмолог, работает в фармацевтической индустрии. Публикуется в периодической печати Узбекистана.

Озарение

Тону в нем, тону... В лишенном поверхностной страсти
Подводном пространстве, исполненном веры и силы.
И так безусловно мое состояние счастья,
И так непохоже на все, что случилось и было.

И сердце трепещет. И вторит биению, вторит
Глубокое синее море.

Парю в нем, парю... Над плоскостью прошлых сомнений
Лечу против ветра навстречу великому чуду.
Так много лучей – ниспосланных мне откровений,
Меняющих мир, приближая его к абсолюту.

И хочется чувств! Вложить, вложить в свои строки стихов
Бескрайний простор облаков!

Живу в нем, живу... Проникнут невысказанным светом
Далеких светил, протянувших ключи от вселенной.
Спасибо, Господь, за повод стать снова поэтом,
Чье сердце открыто, чье сердце опять откровенно.

Люблю ли? Люблю! И гонит, гонит смятение прочь
Бессонная звездная ночь.

Перо, бумага...

Курить полезно иногда –
Дым обволакивает мысли,
Он воскрешает даты, числа,
А с ними прошлые года.

В отдельно взятых мелочах
Предамся легкой ностальгии
И по закону энтропии
Слегка запутаюсь в мечтах.

И новый выдумаю миг,
И в выразительности мига
Родится новая интрига,
Где в главной роли Ваш двойник.

В прозрачной дымке сигарет
Мы с вами в мире идеальном
Всегда встречаемся случайно
И развиваем свой сюжет.

И нам давно пора признать,
Пора понять и удивиться,
Как просто и легко влюбиться,
Хотя и трудно предсказать

Очередной конец главы,
Всё содержание романа,
Всегда возможные изъяны,
Всегда возможное «увы».

Дождя... Мне хочется дождя!
Того, что вечно бестолково,
И, в общем, глупо ищет крова
От непогоды – от себя,

От Вас, открыто говоря...
Ну что ж, затяжка, выдох дыма,
Его клубок, скользящий мимо...
Перо, бумага... Мне – пора!

Guarda che Luna*

Бездушный бледный диск луны
 Вне досягаемости моря.
 Смотри, как звезды холодны...
 В застывших блёстках мельхиора.

Угасла страсть, огонь потух...
 Мне с этим трудно примириться,
 Озвучить мыслимое вслух
 И, наконец, с тобой проститься!

Мне повезло, что есть прибой,
 Что море шепчет человечно:
 «Не плачь. Пройдет само собой...
 Любые чувства скоротечны».

Как долго ждать? Еще во тьме
 Существование возможно,
 Но днем я снова не в себе.
 И улыбаться очень сложно

Всем тем, кто хочет мне помочь.
 Как жаль, что помощь бесполезна,
 О чем свидетельствует ночь,
 Которой многое известно.

Пустая трата мнимых сил.
 Луна – холодное светило...
 Мой грех: я так тебя любил,
 Что и раскаяться не в силах.

Партия

Мы никудышные друзья –
 Предвзяты, личностны, пристрастны.
 Пока что общий счет – ничья,
 Но и она небезопасна.

Ах, милый враг мой, милый друг...
 Во взгляде что-то промелькнуло.
 Неуловимый ультразвук –
 Прекрасный повод для разгула.

Хотите выстрелить в сердцах?
 Хотите в сердце? Бога ради,
 Не промахнитесь впопыхах.
 И не просите о пощаде,

Когда ажурное белье
 Украсит бра случайно в спальне,
 Я постараюсь взять свое,
 Приговорив вас на закланье –

К любовной пытке через боль.
 Что ж, подчинитесь грубой силе,
 Раз вы скрываете пароль,
 Хотя навязчиво дразнили.

Мы с вами больше, чем друзья.
 Мы с вами заново знакомы...
 Бью пешкой вздорного ферзя,
 Пока он в облаке истомы.

День зановорождения

Вам невдомек, как все серьезно...
 Так глубоко, что не достать.
 В гробнице, в сердце одиозном
 Печать потрескалась, печать.

Все изменилось. Вдруг. Мгновенно.
 Как только свет проник сюда
 Из удивительной вселенной,
 Где Ваша правит красота.

Где Вы чисты, где лик Ваш светел,
 Где я в протянутой руке
 Обрел тепло, которым грезил,
 Пока не замер в тупике

Фомой, не верующим в чудо
 От жалких истин прописных,
 Решив, что чувства – пресловуты,
 И проще здравствовать без них.

Как это Вам далось так просто:
 Сбить все, чем я себя сковал,
 И показать мне Алконоста,
 Когда он солнце воспевал?

Готов идти за Вами слепо
 Куда угодно, хоть на дно.
 И пусть я выгляжу нелепым,
 Но, видит Бог, мне все равно.

* По мотивам одноименной итальянской песни и не только.

НЕПРИМИРИМЫЕ ДРУЗЬЯ

Рассказ

Султанбек ИБРАГИМОВ

Их только двое осталось от большой ватаги мальчишек: росли вместе, в одной махалле. Было им тогда по десять-двенадцать лет. Самому старшему, кажется, было тринадцать. Но он был самый маленький ростом, называли его Рузмат-киччи, что означало Рузмат-маленький. Отцов у них почти ни у кого не было. Все они были на фронте. Матери некоторых уже получили «карахат» (черное письмо) – извещение о гибели мужа. Только у Назара был отец. Старый больной человек с пышной белой бородой, непрерывно кашляющий. Зато у него двоих старших братьев одного за другим забрали на фронт. Старшему еще двадцати не было, а младшему только восемнадцать исполнилось.

Но об этом они не думали. Фронт далеко был от них, далеко была война. Не слышно было взрывов бомб, грохота орудий и гула самолетов. Больше слышно было урчание в желудках от голода. Трудное было время. Нишета, голод в каждом доме. С завистью смотрели они на сверстников из детского дома, что располагался неподалеку от их махалли. Проживающих там мальчиков и девочек кормили трижды в день.

А им – хорошо, если кусочек ржаного хлеба достанется с достархана матери. Орава голодных братишек и сестер глядела на одну лепешку в руках матери. А вечером луковый суп с несколькими дольками картофеля и моркови. «Пиава» – так называли в народе это незатейливое блюдо. Но не унывали они и не печалились. С нетерпением ждали весны. Уже в марте появятся первые листочки клевера, из которого мама приготовит вкуснейший «гук-барак» – пельмени с зеленой начинкой. Ждали мая, когда поспеет тутовник. Вдоволь наедались они тогда белыми сочными ягодами тутовника. Уже и живот полон, и во рту приторно от сладкого, а они все срывали и срывали плоды. А там лето... Колоски озимых можно собирать после уборки урожая. Урюк золотится желтыми шариками, и яблоки ранние можно грызть.

Не было причин для уныния и печали. Можно и отдохнуть, и в игры свои поиграть вдоволь. Отдохнуть от ежедневных походов за хворостом и саксаулом в степь, куда ватагой отправлялись после школы, каждый на своем

Султанбек ИБРАГИМОВ. Родился в 1954 г. в Хиве. Окончил Ферганский политехнический институт по специальности инженер-строитель. Более 40 лет проработал в сфере строительства.

ишаке. И в школе стало теплей. Не надо было дышать на пальцы, чтобы как-то согреть их.

Учились все они в одном классе, даже Рузмат, несмотря на старшинство. Почему так, в подробности они не вдавались. Учились и учились. Возможно, классных помещений не хватало или что-то другое. Держались всегда вместе и в классе, где кроме них были мальчики и девочки из другой махалли, и тогда, когда шли стенка на стенку с мальчишками из другого класса или махалли. Если кого-нибудь из них кто обижал, всей ватагой шли на обидчика. Всегда стояли друг за друга.

Случалось, и между собой дрались. В таких случаях обязательно назначались судья и секунданты от каждой стороны. Дрались до первой крови или пока кто-нибудь из соперников не запросит мира. Так и росли семеро мальчишек из махалли «Кара-качир».

Кончилась война. Из шестерых отцов вернулись только двое. У Халима-татарина вернулся отец Исмат-ота без ноги. У Рузмата – папа с осколками во всем теле. Не вернулся один из братьев Назара, младший, любимый им Давлет.

После войны жилось ничуть не лучше. Все так же не хватало всего. Все так же жили впроголодь. Только к пятидесятым годам стало чуть-чуть полегче.

К тому времени они подросли, окончили десятилетку. Правда, не все. Каландар ушел из восьмого класса, дальше учиться не стал. Пошел работать, помогать семье. Халим тоже ушел после восьмого, отправился учиться на бухгалтера в Учебный комбинат. Назар, Рузмат, Рахим, Искандер и Захид окончили школу.

Помнится, еще недавно всей компанией ездили на ишаках за хворостом в степь, нарубив саксаула, собрав хворост и сучья, усталые и обессиленные, собирались вокруг костра, разожженного в безветренной ложбине меж барханами, и вели свои детские и недетские разговоры, мечтали. Мечтали о том, чтобы побыстрее закончилась война, их отцы вернулись с фронта живыми и невредимыми. Мечтали, чтобы скорее победили фашистов проклятых, мечтали побыстрее окончить школу и поступить в институты.

Назар мечтал стать врачом. Халим еще тогда твердо решил стать счетоводом. Искандер тянулся к наукам, мечтал о физмате. Рузмат, Рахим и Захид не определились, то в педагоги метили, то в агрономы. Потом опять менялись их желания: хотелось пойти в строители или лучше в архитектуру. Потом, согревшись у костра, отдохнув, выючили саксаул и хворост и в сумерки возвращались домой.

Назар уехал первым. Его родственник по матери, дядя Кучкар, собрался в Ташкент по своим делам и забрал и его в столицу. Захид с Искандером решили поступать в педагогический институт здесь же, в Ургенче. Рахиму пришлось долго уговаривать маму, чтоб отпустила его учиться в Ташкент. Только в середине июля они с Рузматом отправились в путь.

У каждого в рюкзаках, сшитых из старых мешков, было с десятков лепешек и по два куска с кулак сахара. Мать Рузмата тайком от отца положила еще и половинку жареной курицы. Той самой старой курицы, которая давно перестала нести яйца, а ее все берегли к какому-нибудь торжественному дню, не резали. Видимо, день этот наступил, если накануне мать решила

все же лишить ее жизни.

До Ургенча добирались на попутках. Дальше надо было добраться до Амударьи, к причалу в Чалыше, откуда отправляются пассажирские баржи в Чарджоу. До реки большей частью шли пешком. Иногда удавалось напроситься на арбу, запряженную маленьким ишачком. Хозяин-старик из жалости соглашался ненадолго посадить изнуренных ходьбой ребят, до поворота к своему кишлаку. Спрыгнув с арбы, ребята опять шли пешком, стараясь не наступать в ямки, наполненные пухляком. Над дорогой неплотным маревом висела пыль.

К Амударье добрались только к вечеру. Было еще светло, солнце только исчезло с горизонта. Причал был пуст. Пассажирская баржа отчалила еще днем. Две лодки, одна побольше, другая маленькая плоскодонка, плескались на привязи у причала. Смотритель метрах в ста загонял в загон небольшое стадо овец и коз. Невдалеке под развесистым карагачом сидели четверо мужчин и женщина с ребенком. Двое мужчин были в тибетейках, а у двоих – на голове большие лохматые папахи «чугирма» из черной овечьей шкуры. Те, что в тибетейках, были помоложе, с черными подстриженными усами. Те, что в папахах, были с бородами с серебряными нитями в них. Женщине было лет тридцать, может, чуть больше. Ребенку – не больше десяти. По всей видимости, она была женой одного из мужчин. Скарб их был сложен в одну кучу. Подстелив под себя чекмени, они уселись в круг. Только мальчик сидел позади матери и сонно клевал носом. На импровизированном дастархане лежали серовато-желтые лепешки. Рядом тлел небольшой костер, на котором только что вскипятили алюминиевый чайник и положили туда заварку. Чай пили из двух надтреснутых глиняных пиал по очереди.

Расспрашивать их ребята ни о чем не стали. Поздоровались только, проходя мимо, и расположились под другим деревом неподалеку. Их тоже не спросили ни о чем, лишь с интересом рассматривали. Только теперь почувствовали ребята, как проголодались, ведь за целый день у них и крошки во рту не было, пили лишь мутную и вкусную воду из арыка. Полкурочки съели без остатка, даже косточки пожевали. В такую жару она все равно бы... Напившись воды из реки, они тут же под деревом уснули.

На следующий день ближе к обеду баржа, буксируемая катером, отчалила к пристани. С нее на берег сошло более дюжины пассажиров и немного погода столько же взошло. Простояв более двух часов, катер, наконец, завелся и потянул за собой баржу. Неприятный запах солянки и дым, режущий глаза, когда ветер менял направление, сопровождали пассажиров всю дорогу. Солнце начинало садиться, когда они добрались до Чарджоу. Ночь и следующий день пришлось провести здесь. Поезд «Ашхабад–Ташкент» прибывал только вечером следующего дня.

Город Чарджоу представлял собой большой кишлак с серыми глинобитными хибарками с плоскими крышами. Только в центре было несколько двухэтажных зданий, покрытых шифером или глиняной красной черепицей. Здание райкома партии, горисполкома и других государственных учреждений, недавно отстроенная школа и кинотеатр.

Здание вокзала было одноэтажным. Внутри было грязно и уныло. Заночевали они на вокзале, спали на неудобных деревянных скамьях. С утра, съев по ломтику лепешки, пошли гулять по городу. Единственную

центральную улицу, где было подобие асфальта и тротуары с обеих сторон, они прошагали туда-сюда раз десять. Думали пойти в кино, но кинотеатр был закрыт, фильмы шли только по субботам и воскресеньям.

Пошли в городской парк, но и там картина унылая: лишь какие-то кустарники, ни одного дерева и какие-то примитивные аттракционы, тоже закрытые. Что примечательно, рос в одном месте саксаул, большой, раскидистый, как дерево, высотой около трех метров. Впервые они видели, чтобы саксаул был как дерево. Обычно в степи саксаул не более метра, ну, от силы – полтора. Видимо, вырубали его быстро, не давая разрастись.

Вернулись на вокзал и стали ждать поезда. Вечером, пытая и пуская облака пара, подошел паровоз, таща за собой с десятков вагонов, деревянные товарные вагоны, переделанные под пассажирские. Заняв свои места на верхних полках, ребята стали ждать отправления. Часа через два поезд тронулся. До Ташкента добрались на четвертые или пятые сутки. Они уже и счет потеряли, сколько дней в пути.

Ташкент поразил своей красотой. Огромные кирпичные здания в несколько этажей, чинары с большими кронами, цветы на клумбах, трамваи, снующие туда-сюда. И люди. Много людей, сплошной поток спешивших по своим делам людей, толпы людей, ожидающих на остановке трамвая. Девушки, множество улыбчивых девушек, разодетых в пестрые атласные платья. Столько красивых девушек одновременно им еще не приходилось видеть. Завороженные и растерянные, они не соображали что делать, куда идти.

– Вы, наверное, впервые в Ташкенте, – раздался голос позади них.

Обернувшись, они увидели улыбающегося старика с небольшой борошкой. На голове у него была круглая туркменская тюбетейка, в руках – плетка. Видно, увидел в них провинциалов.

– Да, – ответили парни.

Старик спросил, куда им ехать, и за двадцать копеек обещал доставить на место. Оказалось, он был арбакешем. Арба, на которую они взгромоздились, была совсем не такая, как на родине, в Хорезме. Она скорее была похожа на фаэтон секретаря райкома или председателя колхоза, только с четырьмя колесами. Колеса были железные, обитые резиной, но подпрыгивала она на каждой колдобине так, как двухколесные повозки.

Институт народного хозяйства, куда доставил их арбакеш, располагался в большом красивом здании в три этажа с высокими колоннами на фасаде. Арбакеш давно уехал, высадив их возле парадного входа, а они все стояли, зачарованно разглядывая здание, где им предстояло учиться.

Открылась высокая массивная дверь института и вышли трое мужчин среднего возраста. Поговорив о чем-то между собой, они разошлись. Мужчина лет сорока в белой украинской вышиванке, с тюбетейкой на бритой голове направился к ним.

– Салам-aleyкум, парни, – поздоровался он.

– Вааaleyкум-салам, – одновременно ответили они.

– Вижу, приехали учиться, – предположил мужчина.

– Да, – хором ответили ребята.

– Откуда приехали?

– Из Хорезма, – первым ответил Рахим.

– Из Хорезма? Ох –о-о... Из такой далечи. И сколько же вы ехали?

– Почти неделю, кажется, – опередил Рахим.

– Да! Трудно вам, наверное, пришлось?

– Да нет, не очень, – улыбнулся Рузмат.

Мужчина тоже улыбнулся.

– Ну, молодцы, молодцы, – покачал он лысой головой. – Кстати, вы на себя в зеркало смотрели? – все еще улыбаясь, спросил он.

– Нет.

– Ну так вот, первым делом вам надо помыться! Недалеко отсюда есть баня. Идите. Помойтесь хорошенько. И рубашки свои там постирайте, и штаны тоже. Если есть запасные, наденьте, нет – можете их надеть, пока обратно будете идти, высохнут. Фамилия моя Фахрединов. Я секретарь приемной комиссии. Приму у вас документы и дам направление в общежитие. Поняли? – строго спросил он.

Вот с таким радушием встретил их Ташкент и институт, который стал для них родным.

Учились неплохо, приезжали домой раз в год на каникулы. Научились пить водку после второго или третьего курса. Бывало, и хулиганили иногда. Так, однажды, чуть подвыпив, шутки ради пошли воровать яблоки в колхозный сад, что располагался недалеко от города. Решили вспомнить детство. Придурки. А чтоб сторож не поднял шум, не выстрелил из ружья в воздух или, не дай Аллах, зарядом поваренной соли по их задницам, подкрались к сторожке незаметно и связали старика веревками.

Ох, как ругался бедный старик! Ни мам, ни бабушек их не пожалел. Как только ни называл он и их, и всех их предков до седьмого колена. До сих пор помнится.

В другой раз, было это перед последним курсом, устроили пьяную драку в столовой («рыбозарке»). Подрались с местными молодыми ребятами. В милицию всех замели. Хорошо, что начальник милиции товариш Маликов знал их родителей еще с довоенных лет. Продержав сутки в кутузке, отпустил, предупредив и пригрозив, что в следующий раз сутками ареста они не отделаются. Стыдобиша одна! На долгие годы запомнили этот свой позор. Окончив институт, вернулись в родной город. Пока они учились, Халим с Каландаром успели отслужить в армии.

Шли годы. День сменял ночь. Ночь сменяла день. Друзья давно стали уважаемыми людьми. У каждого была семья, дети и даже множество внучат. Дружбу они пронесли через все эти годы. Как и раньше, часто собирались, ходили друг к другу в гости, несмотря на то что многие уехали из родной махалли. Кто в другой конец города, кто еще дальше – в другой город.

Так, Назар, теперь уже Назар Юнусович, стал кандидатом медицинских наук, главным врачом областной больницы и жил в областном центре, в Ургенче. И Рахим, ставший Рахимбаем Алламовичем, руководил областным финотделом и тоже проживал в Ургенче. Халим почти всю свою жизнь проработал главным бухгалтером в горно родного города. Рузмат-ака долгие годы работал управляющим банка. Искандер Алимович, как пришел в свою родную школу после окончания института, так до конца и работал там преподавателем физики и математики.

Удалась и карьера Захида Нурматовича. От простого учителя словесности дорос до заведующего отделом агитации и пропаганды райкома.

Только Каландар-ака оставался простым работягой: работал электриком в городской электросети. Правда, к старости, когда трудно стало карабкаться на столбы, перешел электриком в другую организацию. Ни одна их встреча, будь-то именины или просто посиделки старых друзей за пиалой чая и игрой в шахматы или в карты, без Каландара не обходились.

Был он душой компании. Шутливый, острый на язык, не без крепкого словца, при случае мог обматерить любого. Никто при этом на него не обижался. Был он невысокого роста, поджарый, походка легкая, пружинистая, издали казалась чуть подпрыгивающей, голова всегда выбрита наголо, без усов и бороды, чуть выпученные глаза, прямо глядящие на собеседника.

Он не играл ни в шахматы, ни в карты. Любимым занятием его было подшучивать над кем-нибудь. Особенно нравилось ему подшучивать над Захидом Нурматовичем, еще с юношеских лет, со школьной скамьи, с тех самых пор, когда они ездили на ишаках за саксаулом, началась у них взаимная антипатия. Все эти годы они продолжали дружить, дружба их была какая-то странная. Что бы ни говорил один, другой пытался это оспорить, доказать, что тот не прав. По любым мелочам они спорили, нередко доходило до взаимных обид.

Особенно не нравилась Каландару-аке стремительная карьера Захида Нурматовича. Он видел в нем карьериста, способного на все ради должности, обвинял в лицемерии, угодничестве, пресмыкательстве перед начальством, даже безбожником его называл.

Хотя все они были в той или иной степени безбожниками. Родившись в тридцатые годы XX столетия, в самый разгар борьбы Советской власти с духовенством и пережитками прошлого, выросли они атеистами. Если в глубине души и чтили Аллаха, выставлять это напоказ мало кто осмеливался. И первым безбожником был сам Калан-монтёр, как в народе прозвали его еще с молодости, когда он с ловкостью обезьяны карабкался на электрические столбы, монтируя провода.

Богохульствовал он всегда и везде, по поводу и без. Даже когда в начале девяностых коммунисты ушли в небытие и вместо них пришла другая власть, терпимая к религии, многие бывшие коммунисты стали праведными мусульманами, он оставался таким же безбожником, как и раньше.

В махалле побаивались приглашать его на мероприятия, связанные с религиозными обрядами, где должен был присутствовать местный мулла, который еще недавно был школьным учителем. Или заранее уговаривали его помалкивать, не подшучивать над уважаемым человеком.

– Конечно, конечно, – соглашался он. – Что ты! Разве можно? Тем более я его с пеленок знаю, – с совершенно серьезным видом говорил он, убеждая собеседника в искренности своих намерений. Иногда действительно удавалось ему удержаться от колкостей, но чаще в какой-то момент он срывался и пускал малюсенькую шпильку в адрес муллы, вызывая смех и смущая присутствующих. Молодой мулла скрывал свою обиду под неестественной улыбкой, зная, что если показать обиду, то Каландар-бобо еще больше разойдется.

Особенно ополчился он на друга Захида Нурматовича после того, как тот, выйдя на пенсию, ударился в религию. Если раньше Захид-бобо в свободное от работы время периодически занимался спортом, имел при среднем

росте складную фигуру, красивое мужественное лицо с темно-каштановыми волосами, зачесанными назад, то теперь, перевалив за шестьдесят, он раздобрел, появился округлый живот, походка стала тяжелой, медленной, ссутулился. Стал читать намаз пять раз в день, совершил паломничество (хадж) в Мекку. Такого перевоплощения, таких изменений в друге Каландар-бобо стерпеть не мог. Ох, как злорадствовал он, как издевался! При любом удобном случае поругивал его, называя лицемером и перевертышем.

– Ты не хаджи, а ханжа, – смеялся.

Все припомнил ему: как он боролся с муллами и имамами, как обвинял всех мусульман в мракобесии и фанатизме... Припомнил и то, как во время горбачевской перестройки они, коммунисты, пытались превратить «жиназа» (похоронный обряд) в какой-то митинг, без присутствия духовного лица. Как боролись они против «Суннат-туй» (свадебного торжества при обрезании мальчиков). Все припомнил и доводил его до исступления вопросами.

– Вот хорошо, Захид. Не будем ругаться. Мы же с тобой друзья. Не хорошо друзьям ругаться, – с хитринкой в глазах начинал он. – Вот только ответь мне на один вопрос.

– На какой вопрос? – сердито спрашивал Захид.

– Один только вопрос. Скажи, когда ты лицемерил? Тогда, когда раньше смеялся над муллами и кричал на всех собраниях, что религия – это опиум для народа, или сейчас, когда ругаешь Советскую власть, которая дала тебе все, которая...

– Да замолчишь ты, сын сатаны, когда-нибудь!? – яростно вопил Захид-хаджа, не давая договорить Каландару-бобо.

Друзья не единожды пытались приструнить их:

– Каландар, хватит уже! Ты совсем замучил Захида. Из-за тебя он начал избегать нашего общества.

– Почему это из-за меня? Из-за правды! Правды он не хочет слышать. Недаром говорят: «Правда глаза колет».

– Хорошо, пусть будет так. Ну сколько можно говорить об одном и том же? Или хочешь, чтобы мы друга лишились на старости лет?

– Нет конечно, не хочу.

– Тогда прекращай свои нападки на него!

– Хорошо, – соглашался он.

Но нет-нет язык чесался у него...

Однако, когда Захид-хаджа по каким-то причинам не приходил вовремя, тут же звонил ему по сотовому и с нарочитым почтением в голосе здоровался:

– Салам-алейкум, Хаджи-бобо. Как ваше драгоценное здоровье? Надеюсь, не заболели? Почему же заставляете ждать ваших друзей? Или проигнорировать решили на этот раз? Может, я виноват? Ну, если даже я, при чем здесь другие? Все равно, тысячу моих извинений.

– Перестань паясничать! – сердито отчитывал его тот. – Дела у меня возникли, вот и не смог.

– Значит, вас не будет? Не ждать вас? А то хозяин димламу из баранины все не подает, ждет вас, – ерничал Каландар.

– Приду сейчас. Приду, – злясь, клал трубку Захид.

– Видите, как про баранину услышал, бежит уже. Все они такие, эти

муллы, ишаны, тем более хаджи.

Ох как не любил Захид-хаджи Калана-монтёра! Порой даже ненавидел. И тот отвечал той же монетой. Но обходиться друг без друга не могли. Захид-хаджи нередко, придя в гости и не обнаружив Каландара-бобо, с удивлением спрашивал:

– А где этот сумасшедший старик-безбожник? Случилось с ним что?

Услышав в ответ, что тот вот-вот должен появиться, делал вид, что потерял к нему всякий интерес.

Так и жили они. Жили – не тужили. Пожинали плоды собственных трудов, радовались детям, внукам, радовались жизни. Как вдруг в начале 2000-х не стало Назара. Назара Юнусовича, врача, кандидата медицины. Доктора, вылечившего столько людей... Не выдержало сердце. Он еще работал, ему и семидесяти не было.

Горевали друзья, горевали. Но что делать? Это жизнь. И смерть. Смерть, которая открыла свой счет... Так, один за другим, в течение десяти лет ушли из жизни еще четверо.

Через два года после Назара Юнусовича не стало Халима, тихого старичка бухгалтера, занявшегося на пенсии пчеловодством и снабжавшего каждого из них ежегодно литровой банкой меда. Три года с небольшим после Халима протянул Искандер-бобо. Чуть больше восьмидесяти было, когда умерли Рузмат-киччи, а потом и Рахим-бобо.

Остались вдвоем два друга, два непримиримых антагониста – Захид-хаджи и Каландар-монтер. Теперь их встречи стали редкими: на свадьбе или чаще на похоронах кого-нибудь из общих знакомых Каландар-бобо с прежней язвительной усмешкой обращался к Захиду-хадже:

– Ну что, Хаджи-бобо, когда нас с тобой черт к рукам приберет?

– Астафулло, астафулло, – сердился Хаджи-бобо. – Когда же ты, наконец, человеком станешь? Скоро девяносто будет, а как был безбожником, так и остался им.

– Нескоро еще до 90, больше пяти лет.

– Ну, пусть восемьдесят пять! Разве в этом дело? Когда же ты встанешь на путь Аллаха?

– Поздно уже. Если есть Аллах, он все равно мне не простит. Слишком долго я его хаял, чтобы за несколько лет, что мне осталось жить, он все забыл и простил. А если его нет, то и на путь его мне незачем становиться.

– Не богохульничай, глупец! Аллах милостив. Он прощает искренне раскаявшихся, чего бы те ни совершали...

– Хорошо, попробую, – хитро соглашался Каландар-бобо. Ну и ты в своих молитвах проси его за меня. И еще, если ты первым умрешь и попадешь в рай, попроси там ангелов, чтобы и мне там место оставили, – лукаво улыбался он. – Ну а если я умру первым и попаду в ад, попрошу чертей, чтобы не трогали тебя. А то, не дай Аллах, развратишь их. Займешься агитацией и пропагандой по старой памяти, – припоминал он ему работу в райкоме партии.

– Ну не дурак ли ты после этого? – сердился старый друг.

А когда совсем долго не виделись, Каландар-бобо брал в руку палку, служившую ему тростью, клал ее на поясницу и, обхватив локтями, шел пешком через весь город к дому Захида-хаджи. Подойдя, садился на лавочку

возле крыльца хозяина и стучал в дверь концом палки.

– Хаджи-бобо, ты дома? – звал он друга.

На зов выходил Захид-бобо.

– Ты что здесь расселся. Заходи в дом, – приглашал он.

– Погоди, дай дыхание переведу.

Дома за дастарханом, протягивая пиалу с зеленым чаем, Хаджи-бобо сразу предупреждал:

– Надеюсь, у меня дома ты не будешь оскорблять меня своими богохульными шуточками.

– Да нет, что ты! Не для этого я ташился через весь город. Не за тем пришел. Соскучился по тебе. Давно не виделись. Беспokoиться стал, может, что случилось. Не заболел ли ты?

– Зря беспокоился. И не надейся. Лишь после тебя умру.

– Ну вот! Сам же начинаешь, – оживлялся старик. К лицу ли такие слова Хаджи-бобо?

А Захид-хаджи сам был уже не рад, поддался на провокацию, не успел вовремя прикусить язык. Знал же, кто сидит напротив.

Так они прожили еще несколько лет. Как вдруг пасмурным осенним утром середины октября Каландара-бобо позвали к телефону. Точнее, внук поднес ему трубку.

– Салам-алейкум, Каландар-ота, – услышал он вроде бы знакомый голос. – Это я, – сказал голос в трубке после того, как услышал ответное приветствие, – сын Захида-хаджи, Пулат. Сегодня ночью не стало отца, – печально известил он.

Сперва показалось, что с ним шутят. Но, когда понял, что такими вещами не шутят и на самом деле умер последний его друг, Каландар бессильно опустил руки. Нижняя губа невольно задергалась, глаза потухли. Минут десять-пятнадцать он сидел, молча, глядя в одну точку. Потом, немного оправившись от шока, позвал внука:

– Бахти, отвези меня к Захиду-хаджи. Не стало сегодня последнего моего друга, – с горечью произнес он.

– Ота, я понял. Подождите немного. Брат еще на рассвете уехал на машине по каким-то делам. Вот-вот должен вернуться.

– Не могу я ждать, дай мой халат. Пойду пешком, – встал он с места.

Уговаривать подождать было бесполезно, внук принес халат.

– Если приедет пораньше, пусть догонит, – бросил он, выходя из дома.

Похороны состоялись в тот же день. Каландара-бобо было не узнать. Он осунулся, лицо стало серовато-бледным, плечи опустились, морщины на лице и шее стали еще отчетливее, щеки впали. Ноги едва держали его.

После похорон более двух часов он просидел на той самой скамье у крыльца, задумчиво держа свою палку обеими руками. Его не раз звали в дом посидеть рядом с муллой, но он отказывался. Поняв, что с ним происходит, его оставили в покое. Домой он сам не смог вернуться, за ним приехал внук.

На поминках седьмого дня он уже был совсем плох. Приехал с внуком на машине. Посидел меньше часа. А еще через три дня его не стало.

ШАРОФАТ

*Повесть**

Нарзулло БАТИРОВ

Мы жили в районном центре рядом со школой. Со двора можно было попасть на стадион через калитку в заборе, через нее я и ходил в школу.

Однажды на перемене я пошел домой за забытой тетрадью и увидел склонившуюся у водопроводного крана девочку и двух ее подруг. При виде меня они смутились и бросились к калитке. Девочка, что пила воду, поскользнулась и упала. То ли от боли, то ли от смущения она закрыла лицо руками и заплакала. Я подбежал, чтобы поднять ее, но, как назло, тоже поскользнулся и шлепнулся в грязную лужу. Девочка, увидев это, с беспокойством спросила:

– Ой, что с вами?

– Я тоже поскользнулся, – ответил я.

Когда я поднимался, меня попыталась укусить пчела. Отгоняя ее, я слегка шлепнул себя по лицу. Только что плакавшая, девочка громко засмеялась.

Она пыталась что-то сказать, но теперь расхохотался я, потому что передо мной стоял клоун с заляпанным грязью лицом. Девочка удивленно уставилась на меня. Я взял ее за руку и подвел к зеркалу у умывальника. Взглянув, она ахнула. Мое отражение в зеркале мало чем отличалось от ее. Мы хохотали, показывая пальцами друг на друга.

Мама, услышав, вышла и тоже рассмеялась, а успокоившись, спросила:

– Вы нарочно измазали друг друга грязью?

Я со смехом рассказал о случившемся.

Девочка привела себя в порядок и отправилась в школу. Умывшись и переодевшись, я обнаружил, что во дворе остался ее портфель. Я хотел открыть его, чтобы узнать фамилию, но мама не позволила. Поставив портфель на крыльцо и взяв тетрадь, за которой приходил, я отправился в школу. У калитки меня робко поджидали девочки.

– Девчонки, вы чего здесь стоите? Заходите, – пригласил я.

Смушаясь и подталкивая друг друга, они нерешительно вошли во двор. Понимая, что они вернулись за сумкой, я пошутил:

– Ну что, снова водички попить пришли?

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил ТашПИ (ныне ТГТУ) и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ юлдузи», «Гулхан», «Ешлик».

* Журнальный вариант. Начало в журнале «Звезда Востока» № 5, 2020 г.

Самая рослая, указав на подружку рядом, сказала:

– Шарофат забыла свой портфель.

– И где же он? – сделал я вид, будто в глаза не видел сумки.

– Во дворе, – смущенно отвела взгляд Шарофат.

Я принес портфель. Мама, сидевшая на крыльце, расспрашивала Шарофат о родителях.

– Так ты дочь Саломатхон?! – удивилась она. – Я и не знала, что у нее такая красивая дочь. И как же тебя зовут? – расспрашивала мама, все больше смущая девочку.

Когда подружки ушли, она сказала:

– Дочка Саломат настоящей красавицей будет. Если надумаешь жениться, я посватаюсь к ней, – сказала она со смехом.

– Мама, ну что вы такое говорите? – смутился я.

По дороге в школу я думал о новой знакомой и словах мамы.

При встрече со мной Шарофат краснела, здоровалась, опустив глаза.

Хрупкая, черноглазая, с длинными ресницами и пушистыми волнами волос, спадавшими на плечи, Шарофат нравилась мне... Ей едва исполнилось четырнадцать.

В школе я мечтал стать журналистом. Вдвоем с пионервожатым Мели Джумаевым мы выпускали школьную стенгазету. В то время в школе не было даже пишущей машинки, и я от руки красивым почерком писал все материалы, в том числе и свои статьи. Художником-оформителем был Мирякуб: он изображал двоечников, озорников, прогульщиков, подражая карикатурам в сатирическом журнале «Муштум». В старших классах я пробовал писать рассказы и стихи, время от времени публикуя их в районной газете.

* * *

После окончания школы я поступил в Ташкентский университет на вечернее отделение факультета журналистики. Счастье переполняло меня, хотелось кричать: «Я стал студентом! Поздравьте меня!» С мороженым и лимонадом я долго сидел за столиком, предаваясь сладким мечтам и тихо подпевая приятной мелодии, лившейся из магнитофона.

Мое пение прервала стая голубей, севших на крышу павильона, Они ворковали, терлись шейками, словно беседуя о чем-то, поклевывали крошки и зернышки. На ярко-голубом небе сияло солнце, живительное тепло которого согревало все вокруг.

За соседним столиком я заметил двух оживленно беседующих девушек, время от времени поглядывающих на меня. Мне захотелось познакомиться с ними, рассказать о своей радости, но девушки вдруг собрались уходить. Быстро купив два мороженных, я направился к их столику, изо всех сил изображая культурного горожанина:

– Здравствуйте, девушки! Позвольте угостить вас мороженым! – произнес я и поставил перед ними вазочки. Изумленно переглянувшись, они вежливо отказались.

– Сегодня у меня счастливый день. Я хотел бы поделиться с вами своей радостью, – затараторил я.

– У вас день рождения? – со смехом спросила миловидная девушка с распущенными волосами в белом платье.

– Еще более радостный! – ответил я.

– День женитьбы? – спросила другая, не в силах сдержать смех.

– Нет, я еще... – покраснел я, – еще молодой!

Девушки засмеялись еще громче. Более смешливая спросила:

– Тогда что же?

– Сегодня я стал студентом! – тихо сказал я.

Они, подумав видно, что я немного странный, поднялись:

– Спасибо, мы спешим!

Я был разочарован. Все вокруг стало серым и будничным. С мольбой в голосе я произнес:

– Ну не отказывайте мне! Пожалуйста!

– Вокруг много девушек. Вы можете пригласить любую. А мы спешим, – решительно сказала предположившая, что у меня день женитьбы. Ее милостивая подруга, вероятно, почувствовала, как мне неловко.

– Назокат, давай не будем обижать парня. Я и сама была вчера вне себя от радости после мандатной комиссии.

– Хорошо, – согласилась она и, повернувшись ко мне, спросила: – Куда вы поступили?

Я сказал, что на факультет журналистики в университет.

– Здорово! – воскликнула милостивая девушка. – Я тоже мечтаю стать журналистом. Но я не решилась, сказали, что конкурс очень большой.

Девушка огорченно умолкла.

– А вы на какой факультет поступили? – спросил я ее.

– На филологический, тоже в университет.

– Здорово! – обрадовался я. – Журналисты, литературоведы и лингвисты – профессии родственные.

– Мой отец тоже так говорит, но я хотела все же на журналистику...

По тону Саёры (так звали девушку) чувствовалось, что она не очень рада поступлению на филфак.

– Если вы действительно мечтаете стать журналистом, можете после первого курса перевестись на другой факультет. Магриб-ака из нашего кишлака так и сделал. Вы слышали о поэте Магрибе Джалиле? Наш, пайшанбинский. Мы живем по соседству, – сказал я с такой гордостью, будто Магриб-ака – всемирно известный поэт.

После моих слов девушки многозначительно переглянулись. Назокат, подруге Саёры, я явно не нравился. «Не умею я находить общий язык с городскими девушками...» – думал я, уже сожалея, что пригласил девушек на мороженое.

– Садись, подруга! Не будем огорчать человека, – сказала Саёра.

Сначала разговор не клеился, но постепенно беседа становилась живее. Я рассказал о себе, о том, как поступал. Саёра тоже рассказала, как вчера плакала от радости, когда ее поздравляли. Назокат, второкурсница медицинского института, при более близком знакомстве оказалась совсем даже не угрюмой и не высокомерной. Солнце уже подбиралось к нашему столику, и девушки заторопились. Я проводил их до автобусной остановки.

* * *

Занятия на вечернем отделении начинались с первого октября. Общежитие вечерникам не полагалось, и я отправился к дядиной жене Рахиме-опе, жившей с дочерью, зятем и внуками в большом дворе в Рабочем городке. Дядя умер три года назад. Оказалось, в доме есть свободная просторная и светлая комната.

Родители обрадовались моему поступлению. Мама хвастала перед всеми соседями, отец в честь радостного события устроил праздник, зарезав барана, купил мне костюм и туфли. Мама называла меня красавчиком и обещала в будущем году женить. Я только тихо посмеивался.

– У Саломат хорошая дочь, но она еще молода. Была бы постарше... Ну что, отец, возьмем ее в невестки?

– Может, спросишь об этом у сына? – вопросом на вопрос ответил отец. Мама обратилась ко мне:

– Ну что скажешь? Если хочешь, я возьму у Саломат оклик в знак того, что ее дочь занята.

И, хотя это было моим самым заветным желанием, я скромно потупился:

– Вот закончу учебу, поработаю пару лет, а там видно будет.

Но мама продолжала настаивать:

– И когда нам с отцом доведется выпить чаю из рук невестки? Сколько нам ждать? Он закончит учебу, поработает год или два... Ну уж нет! Летом будет помолвка, а после окончания второго курса устроим свадьбу. Ты будешь учиться, а жена будет заниматься домом.

Мы с отцом промолчали, а мама не унималась:

– Лучше дочери Саломат нет! Я добыю для тебя этой девушки!

– Мать, не морочь сыну голову. Пусть овладеет профессией. Стать журналистом нелегко! – попытался урезонить ее отец.

– Не подстрекайте! – разозлилась мама. – Что, вы не хотите увидеть внуков?

– Мама, отец прав. Я не женюсь, пока не закончу учебу – решительно сказал я.

– Пусть сын проучится год-два, а там видно будет, – поддержал меня отец.

Мама, недовольно ворча, ушла в дом.

На следующее утро я протер хранившийся под навесом велосипед, надел новые рубашку и брюки и выехал на улицу. Расспросив друзей, где находится дом Берды-аки (отца Шарофат), я несколько раз проехал мимо их ворот. Но Шарофат не увидел...

* * *

1 октября я надел белую рубашку, костюм, повязал галстук, потом снял... По дороге в университет все боялся испачкать обувь, помять костюм. Радовало все, а главное – возможность учиться в самом центре, неподалеку от сквера. В аудиторию пришел первым, сел в первом ряду напротив стола преподавателя. Постепенно аудитория заполнилась студентами.

Вошел декан факультета и поздравил с началом учебного года, рассказал о профессии журналиста, предупредил, что главные враги студента – лень, безразличие, равнодушие.

Занятия начинались в 18:30, поэтому я решил устроиться еще и на работу – в типографию или издательство. Но отец не разрешил, велел усердно учиться, обещая регулярно отправлять деньги.

Однажды вечером на остановке троллейбуса встретил Саёру и обрадовался, как давней знакомой. Она тоже заулыбалась. В разговоре выяснилось, что мы соседи.

Саёра была открытой, честной и искренней девушкой, мы подружились. Все время до занятий я проводил в библиотеке: читал, конспектировал.

Но в середине ноября меня призвали в армию и отправили служить в Россию, в Новосибирск.

Служба в авиационном полку, куда я попал, была не такой уж трудной. Мы должны были заправлять военные самолеты и осуществлять их загрузку. Каждый день нас поднимали в шесть утра, независимо от погоды мы выходили из казармы, пробегали три километра и делали зарядку. Раз в неделю баня, один раз с утра до вечера наряд на кухне.

В свободное время ходил в полковую библиотеку читать свежие газеты и журналы. За это время я написал несколько коротких статей и рассказов о военной жизни и отправил их в редакции узбекистанских газет.

В воинскую часть приходили выпуски газет с моими публикациями и гонорары. Получив гонорар, я приглашал друзей-сослуживцев в кино, в ресторан, где иногда и «пропускали» граммов по сто.

Новосибирск с его добрыми, открытыми жителями, среди которых были и те, кто побывал в эвакуации в Узбекистане, стал родным. Старики, узнав, что мы из Узбекистана, заботливо спрашивали, не страдаем ли мы от морозов, старушки, торгующие на базаре вязаными шерстяными варежками и носками, нередко дарили их нам. Пережившие тяготы войны, запомнившие узбекское гостеприимство во время эвакуации, новосибирцы без очереди обслуживали нас в магазинах, в кассах кинотеатров.

Рядом с нашей казармой находился гарнизонный дворец спорта. Там тренировались десантники, солдаты и офицеры спецназа. Я тоже тренировался с ними, изучал приемы рукопашного боя. Время от времени мы переписывались с Саёрой. Я и не заметил, как быстро пролетели два года.

Со дня на день ожидали приказ о демобилизации, но почему-то новобранцев, которые должны были сменить нас, направляли в другие части. Потом объявили, что солдаты нашей части оставлены еще на полгода. Так что домой я вернулся только в марте. Неделю погостил у родителей, а потом – в Ташкент.

Семейство тети Рахимы встретило меня тепло: радовались подаркам, восхищались военной формой. Свой солдатский ремень я отдал старшему сыну Шарифы – в те времена иметь солдатский ремень было круто. А тетин младший сын, надев мою форменную фуражку, играл и резвился до тех пор, пока не уснул в ней.

В университете мне сообщили, что на этот учебный год я уже опоздал, смогу продолжить учебу со следующего октября. Я решил перевестись на дневное отделение и написал заявление, представив характеристику из воинской части, письмо-рекомендацию командира полка, почетные грамоты, полученные за время службы, а также свои публикации в газетах. Декан подписал заявление, и я понес его в приемную ректора, но секретарша сказала, что ректор вернется из зарубежной командировки только на следующей неделе.

На следующий день я встретил в университетской библиотеке Саёру. Увидев меня, она кинулась ко мне, захлопав в ладоши. Растрогавшись, я протянул ей руку, а она поцеловала меня в щеку.

– Настоящий солдат! – оценила она, оглядывая меня с головы до ног. – Армия пошла вам на пользу! – добавила со смехом.

Я шутя вытянулся в струнку, приложив руку к фуражке.

Саёра не растерялась и скомандовала:

– Вольно!

Мы долго разговаривали, прогуливаясь по университетскому двору, потом пошли с ее группой в музей. Было хорошо и просто с этой девушкой,

я испытывал к ней теплые чувства, как, впрочем, и она.

В понедельник я снова пошел к ректору. Народу было много, наконец, секретарша сказала:

– Входите.

Мельком взглянув на заявление и документы, ректор написал что-то на заявлении и сказал:

– Хорошо! Обычно такими вопросами мы занимаемся в августе, после мандатной комиссии. Но письмо вашего командира и рекомендация декана... Я перевожу вас на дневное отделение с условием, что вы будете учиться на «отлично».

– Есть! – сказал я, по-военному отдавая честь. – Даю слово!

Ректор засмеялся и похлопал меня по плечу, сказав, что я могу приступить к учебе с первого сентября. Вечером я попросился со своей тетушкой и племянниками, а ночью поездом вернулся домой.

* * *

До начала занятий я хотел поработать в районной строительной организации, но отец отговорил:

– Сынок, да оставь ты эту работу! Весна началась, по дому много дел...

Мы вскопали огород, откопали и подвязали виноградные лозы.

Где-то в конце весны пришел мой сосед и друг Аваз (он на два года младше, в прошлом году не смог поступить в вуз) и предложил мне поработать с ним в пункте приема коконов. Работали с семи вечера до семи утра: загружали коконы в бункеры, после паровой обработки переносили в бараки и раскладывали на полки для просушки и последующей сортировки.

Работа нетрудная, мы разговаривали, шутили с девушками, не замечая, как проходит время. Однажды вечером из барака послышались чарующие звуки песни. Голос был так прекрасен, что мурашки по коже побежали. Я прислушался. Песня пронизывала все существо, магически завораживала:

*О дева, как хочу вас оплести цветами,
Душа моя навеки, навсегда вам отдана,
Однако ж с кем уйти вы предпочтете?*

Я остановился, прислушиваясь. Аваз поинтересовался:

– Почему ты остановился?

– Тихо! Разве не слышишь песню?

– Слышу, – сказал Аваз, – очень звонкий голос!

– Кто это поет? – спросил я.

Мы опустили носилки и стояли, слушая песню. Я почувствовал вдохновение, из глубины сердца рвались стихи. Когда мы вошли в барак, песня смолкла.

Мы высыпали коконы на полки, поставили носилки на землю. Я выпрямился, приосанился и, глядя в сторону полок с коконами в глубине барака, стал громко декламировать:

*Откуда эти трели соловья,
Разбудившие замерзшее сердце?
Откуда льются райские звуки,
Которые меня пьянят и губят?*

Никто не отозвался. Я продолжил:

*Кто ты? Подай же голос! Темной ночью
Все осветила ты,
Изгнав из сердца тучи и туманы,
Осветив всю Вселенную.*

Одна из женщин озорно произнесла:

– Вы, молодой поэт, влюбились в мою дочь, даже не видя ее? Что же с вами будет, когда вы увидите ее?

– Я влюбился, не увидев ее, – шуточно согласился я.

– Наши девушки очень дорогие! Хватит ли у вас денег на выкуп? – продолжила игру веселая женщина.

Девушки засмеялись.

– Если недостаточно денег, души моей – с избытком, – не сдавался я.

В игру включился Аваз:

– О чем вы, сваха, говорите? Наш парень настоящий богатырь. Пусть девушка сначала увидит парня, потом сама наверняка последует за ним.

– О, какой красноречивый! Ты, видно, мастер говорить, – сказала женщина.

– Не верите, давайте заключим пари! – предложил Аваз.

Одна из девушек кашлянула. Кто-то скептически произнес:

– Ну вы и загнули!

Я хотел было сострить, но нас прервал пришедший из цеха мастер:

– Эй, носильщики, идите поскорее, бункер вас заждался! Играть и развлекаться будете после работы!

Мы с Авазом поспешили к бункеру.

Обычно с двенадцати до часа ночи у нас был перерыв. Мы собирались под навесом вокруг большого стола. Кипел электрический самовар, все выставляли на стол принесенные из дома тормозки. Удовольствие от еды в большой компании ни с чем не сравнимо. После ужина пили чай и разговаривали. Мне поскорее хотелось выяснить, кто эта девушка, которая пела. Незаметно я разглядывал всех.

Вдруг сердце мое забилося. Неужели Шарофат? Грациозная шея, румяные щеки, жгучие глаза... Нет, я не ошибся. Это она, та девочка, которая три года назад, поскользнувшись, упала у нас во дворе. Но теперь это была юная красавица. Увидев меня, Шарофат нежно поприветствовала.

– Ты ли это, Шарофат? – спросил я.

Она улыбнулась.

– Я не узнал тебя. Ты здорово изменилась.

– Так вы знакомы, – сказала, глядя на меня, недавно шутившая миловидная женщина. – Да, это та самая девушка, которая пела!

– У тебя замечательный голос!

От смущения Шарофат покраснела. Я тоже был взволнован, лицо пылало.

Встреча с Шарофат полностью изменила мою жизнь. Теперь я с нетерпением ждал наступления вечера, бежал на работу пораньше, надеясь встретить Шарофат, старался носить коконы только в тот барак, в котором работала Шарофат.

Сезон коконов подходил к концу, работа заканчивалась уже в два-три часа ночи. На мое предложение проводить ее Шарофат не возражала, и мы с Авазом проводили девушку до дома. По дороге вспомнили случай у нас во дворе и долго смеялись.

В эту ночь я долго не мог заснуть. На следующий день я снова пошел провожать Шарофат. По дороге она рассказывала об учебе, о подругах, о том, что в этом году окончит школу.

– Куда собираешься поступать? – поинтересовался я.

– Хочу в консерваторию. Но родители против, они почему-то не хотят, чтобы я училась в консерватории, – смущенно ответила Шарофат.

– У тебя отличный голос, – сказал я, – из тебя получится прекрасная певица!

С безграничной благодарностью она взглянула на меня и улыбнулась. В лунном свете девушка была особенно очаровательна.

– Правда? Вы хотите, чтобы я стала певицей? Брат говорит, что я должна отшлифовать, отработать голос... Я занимаюсь каждый день с ним.

– Я не знаю твоего брата, – сказал я.

– Мухаммадамин – руководитель районного Дома культуры, он тоже учился в консерватории.

Мухаммадамин, высокий круглолицый мужчина с длинными волосами, организовывал в районном Доме культуры концерты, вел праздничные мероприятия, играл на пианино. Несколько раз приходил к нам в школу для отбора талантливых ребят в музыкальную школу при Доме культуры.

– А я все еще первокурсник, – сообщил я, объяснив, что потерял два с половиной года из-за службы в армии. – С нового учебного года начнем учебу вместе.

– Смогу ли я поступить в консерваторию? Желающих много. Говорят, пятнадцать человек на место. Я боюсь, – высказала опасение Шарофат.

– Не бойся! Обязательно поступишь! – уверил я.

Просясь, я протянул Шарофат руку. Ее рука слегка дрожала в моей. Я задержал руку Шарофат, это ее смутило, но уйти она не спешила. Пожелав спокойной ночи, я поцеловал ей руку! Шарофат вздрогнула:

– Ой, что вы делаете? – выдернула руку девушка и убежала в дом.

На следующий день, увидев меня, Шарофат покраснела и опустила глаза.

– Как поживаешь, Шарофат? – как ни в чем не бывало спросил я. – Почему ты так быстро убежала вчера?

Она покраснела еще больше. Теперь, когда я провожал ее, Шарофат до самого дома держала руки в карманах. У ворот кто-то стоял.

– Это папа, – сказала Шарофат.

– Разве ты не познакомишь меня со своим отцом? – пошутил я.

– Я стесняюсь, – смутилась она. – До свидания. Возвращайтесь. Дальше я сама.

– Разве не будет бестактным, если я не поздороваюсь с твоим отцом?

Она промолчала. Тем временем отец Шарофат направился к нам. Узнав меня, протянул руку:

– А, так это ты, Мурад, сын Хамида-аки?

Я рассказал, что работаю вместе с Шарофат и проводил ее, чтобы ей не было страшно. Довольный, Берды-ака попросался и вместе с Шарофат вошел во двор.

На следующий день, когда мы с Авазом принесли носилки с коконами, Шарофат работала на самой верхней полке, готовя место для коконов. Аваз пошел за гвоздями и молотком, остальные женщины работали в противоположном конце барака. Спускаясь вниз, Шарофат поскользнулась. Я успел поймать ее на лету, обхватив, как маленького ребенка. От испуга она непроизвольно крепко

прижалась ко мне. Запах ее волос и теплое дыхание опьянили меня. Учащенно дыша, я поцеловал ее в обе щеки. Шарофат стала вырываться, закрывая руками лицо. Я осторожно поставил ее на пол. Она покраснела и, не поднимая глаз, вышла из барака...

Подошедший с молотком и гвоздями Аваз спросил:

– Что случилось? Там Шарофат сидит и плачет

Я вышел. Она сидела на скамейке перед бараком, закрыв лицо руками.

Подойдя, я виновато сказал:

– Шарофат, прости! Я не думал, что огорчу тебя!

Она продолжила всхлипывать. Я сел рядом. Она отодвинулась.

– Шарофат, прости! – умолял я.

– Вчера папа назвал вас «хорошим мальчиком». А вы...

Она замолчала, то ли не зная, что сказать, то ли не решаясь сказать то, что хотела. Мне было стыдно. Не зная, что сделать, чтобы Шарофат простила меня, я присел напротив скамейки и умоляюще произнес:

– Шарофат, пожалуйста, постарайся меня понять. Я тебя люблю! С того самого дня, когда впервые увидел...

Я ждал подходящего момента, чтобы сказать ей все это, но не хватало смелости. А сегодня эти слова сами собой сорвались с языка.

– Почему ты плачешь? Я не сделал ничего плохого. Я люблю тебя, – повторил я.

Лицо ее просветлело. Не поднимая глаз, она промолвила:

– Вы говорите неправду.

– Клянусь!

– Вы напугали меня, – сказала она.

– Прости... Не совладал с собой, – попытался оправдаться я.

Она достала из кармана носовой платочек, вытерла глаза и направилась к бараку.

– Шарофат, улыбнись! Я так люблю твою улыбку!

Она ласково улыбнулась. Я был готов упасть к ее ногам.

– Шарофат! – сказал я, пристально глядя на нее. – Я люблю все, к чему ты прикасаешься: цветы, которые нюхаешь, воздух, которым дышишь, мир, в котором живешь... Веришь мне? – спросил я.

Она помолчала, склонив голову, и тихо прошептала:

– Да. Я тоже люблю.

Я не верил своим ушам и был на вершине блаженства. В небе сияла полная луна, мерцали звезды, свежий ветерок ласкал лицо. В мире только Шарофат и я. Мне хотелось взять ее на руки, закружить, крикнуть: «Я люблю Шарофат!» Я будто парил в небесах, плыл в космосе.

* * *

К концу августа стало прохладнее. Перед зданием толпа абитуриентов – мандатная комиссия. Многие с цветами. Царит волнение. Мухаммадамин-ака стоит, опершись рукой о ствол дерева. Я тоже стою поодаль в тени дерева с цветами в руках, раздумывая, надо ли подойти к Мухаммадамину-аке? Но не решился. Из здания начали выходить абитуриенты. Их окружили плотным кольцом родственники, забрасывая вопросами и заключая в объятия. Вот, наконец, и Шарофат выходит, оглядывается, ища кого-то глазами. Увидев улыбающуюся Шарофат, я понял, что она зачислена, подошел к ней и протянул букет:

– Шарофат, поздравляю!

Щеки ее покрылись румянцем. Подошел Мухаммадамин-ака, поздравил, бережно обнял и поцеловал в лоб.

– Мурад! И ты здесь? – повернулся он ко мне.

– Вот пришел поздравить Шарофат.

– Так вы знакомы? – спросил он, переводя взгляд с букета в руке Шарофат на меня. Шарофат засмушалась.

– Мы с Шарофат учились в одной школе, – ответил я.

После расспросов о том, где я учусь, Мухаммадамин-ака заторопился домой, в Пайшанбу.

На следующий день уехал домой и я. В кишлаке несколько раз проехался на велосипеде мимо дома Шарофат, но ее не увидел. Мои «прогулки» мимо дома Шарофат продолжились и на другой день, но она не появлялась. Погруженный в свои мысли, я не заметил встречную машину. Водитель резко затормозил и засигналил. Я вывернул руль влево и вместе с велосипедом угодил в неглубокий арык у ворот дома Шарофат. Весь в грязи, я пытался вытащить из арыка велосипед. В этот момент из ворот вышла Шарофат:

– Ой, Мурад-ака, что случилось? Вы не ушиблись? Вы весь мокрый.

– Навстречу внезапно выехала машина, – сконфуженно объяснил я.

– Когда вы приехали? Вы же вроде не собирались возвращаться...

– Вчера утром. Появились дела, вот и приехал. Шарофат, выходи вечером, увидимся, – выпалил я.

– Сегодня не смогу, у нас гости.

– Я так по тебе соскучился! Выходи, – просил я.

– Нет, перед домашними неловко. Давайте лучше в Ташкенте встретимся, – предложила Шарофат. Мы с братом послезавтра поедем ночным поездом.

– Давай завтра встретимся в это же время, – настаивал я.

– Какой нетерпеливый! – игриво сказала она, шутливо погрозив пальчиком, и добавила: – До свидания.

– Почему прогоняешь? Я неприятен тебе? – тоже в шутку спросил я.

– Нет, – возразила она, – чтобы вы привели себя в порядок.

Я и забыл, что весь в грязи.

– Буду здесь завтра в это же время, – предупредил я.

Отъехав, я оглянулся: Шарофат стояла у ворот и смотрела мне вслед.

На следующий день в назначенное время я проехал на велосипеде мимо ворот Шарофат. Она стояла на улице с рослым мальчиком и маленькой девочкой. Я остановился возле них. Кто-то со двора позвал: «Анвар! Анвар!» Мальчик ушел.

– Кто это? – поинтересовался я.

– Анвар, сын моего брата. Родственники приехали поздравить меня.

– А родственники случайно не по поводу свадьбы собрались?

– Не сердите меня, – ласково промолвила она. – У меня есть человек.

– И кто же он? – допытывался я.

– Есть – и все. Вам-то какое дело? – кокетничала она.

– Скажи мне. Не скажешь, спать не буду...

– А вы не знаете?

Я отрицательно покачал головой. В это время какая-то женщина громко позвала Шарофат.

– Мама! – всполошилась она и, не попрощавшись, взяв за руку девочку, убежала во двор.

Дома мама спросила:

- Куда это ты ездил на велосипеде?
- Повидаться с товарищами, – соврал я.

Желая перевести разговор на Шарофат, я заговорил об односельчанах, поступивших в этом году:

- Мама, в этом году многие выпускники нашей школы поступили в вузы.
- Твой друг Аваз, а кто еще?
- Мансур и дочь тети Хадичи поступили в медицинский, Касым в строительный.

– А дочка Саломат?

– Шарофат? – нарочито равнодушно переспросил я.

– Да, та девчушка, которая поскользнулась и упала в грязь у нас во дворе! Помнишь? – спросила мама.

– Я слышал, Шарофат тоже поступила.

– Куда? – с любопытством посмотрела на меня мама.

– Говорят, в консерваторию, – сказал я.

– И кем же она будет?

– Певицей.

– Ой, не сойти мне с этого места! Певичкой! Что случилась с Саломат?

Определила свою дочь учиться на певицу! Завтра же пойду к ней. Скажу, что возьму ее дочь в невестки, но только пусть вернет ее с учебы. Пусть будет кем угодно, только не певицей!

Такая реакция привела меня в замешательство:

– Мама, вам-то что, если дочь тети Саломат станет певицей? Что, она выдает свою дочь за вашего сына? Даже если и так, что плохого, если ее дочь станет артисткой? Артисты выступают по радио, на телевидении.

– А ты можешь допустить, чтобы твоя жена строила глазки, подмигивала и пела песни для посторонних мужчин? Кто-нибудь уважает певицу Барно, которая десять раз выходила замуж и разводилась, разъезжает по свадьбам и поет развеселые песенки, непристойно приплясывая? Не могла найти себе нормального мужа и вышла за пьяницу Сайфи. Ее муж такой же бесстыдник. Заставляет жену петь на свадьбах, лишь бы самому участвовать в застольях да дармовую водку пить. Хочешь быть похожим на него? А как насчет артистки Мухаббат? Она успела уже трижды выйти замуж и трижды развестись. Вот такие они, ваши певички, артистки. А ты хочешь жениться на артистке-певице! Ой, лучше мне умереть!

Слова мамы, как копье, пронзили. В глазах потемнело, в ушах зашумело. До сих пор я не задумывался о том, что Шарофат будет петь для всех. «Этого не должно быть! Это вообще невозможно!» – думал я, а мама все продолжала тараторить:

– И что, теперь люди станут показывать на меня пальцем и говорить, что у меня невестка певичка? Три года я мечтала сделать Шарофат своей невесткой, не подозревая о ее намерениях! Если бы знала, отговорила бы. Если бы не твой отец, я давно бы сходила к Саломат, поговорила бы с ней и посватала ее дочь. Тогда она не отправила бы ее учиться без моего разрешения.

Мама плакала, а я переживал, как бы она не наломала дров: «Если она сейчас пойдет к Шарофат, то все испортит. Что Шарофат подумает обо мне и моих родителей? Надо сказать отцу, чтобы он отговорил маму».

Когда пришел отец, мама набросилась на него:

– И почему я вас послушалась? Вы разлучили меня с невесткой, которую

я ждала три года!

Отец недоумевающе посмотрел на меня. С видом человека, который ничего не понимает, я пожал плечами.

– Что случилось, жена? Объясни!

Мама нервничала, никогда я не видел ее в таком состоянии.

– Помните, когда я хотела пойти к Саломат, вы запретили, сказали, чтобы я не препятствовала планам сына. Если бы я тогда пошла и поговорила, сегодняшнего разговора не было бы. Вот теперь и расхлебывайте эту кашу сами. Идите к Берды, пусть вернет дочь с учебы.

Отец снова удивленно посмотрел на меня:

– Да что случилось?

– Дочь дяди Берды поступила в консерваторию.

– Ты-то почему разбушевалась? – обратился отец к маме.

– Вы согласны, чтобы ваша невестка была продажной певичкой? Да ни за что на свете я не возьму такую девушку в невестки!

– Кто заставляет тебя брать ее в невестки? Что, сын хочет жениться на ней? Ничего не понимаю, – отец перевел взгляд на меня: – Ты влюблен в дочь Берды?

Мама не стала дожидаться моего ответа:

– Если он не выберет эту красивую девушку, тогда кого? Луну с неба? И вот теперь она будет продажной певичкой!

Слова мамы избавили меня от необходимости отвечать на вопрос отца. Я воспользовался их ссорой, встал и потихоньку вышел на улицу. Слова мамы о том, что жена будет выходить на сцену, смотреть на мужчин и распевать пошлые песенки, не давали покоя. Я нервничал, до вечера бродил по улице. Когда вернулся, мама вроде успокоилась и ждала меня с ужином. Во время ужина она попыталась продолжить разговор, но отец прервал ее.

Утром я проснулся с чувством опустошенности. На душе было тоскливо, в ушах звучали мамини слова. Хотелось увидеть Шарофат. После завтрака я уже взял было велосипед, собираясь выехать, как вдруг мама неожиданно спросила, пристально глядя мне в лицо:

– Сынок, тебе нравится Шарофат?

– Нравится, – ответил я со смехом.

– Тогда ее нужно отговорить от учебы, – категорически заявила она.

– Как вы себе это представляете? – спросил я.

– В цыганском поселке есть гадалка. Говорят, она может все. Схожу к ней.

В это время из дома вышел отец. Мама замолчала, прошептав мне:

– Смотри, чтобы отец не узнал!

Я поспешил туда, куда влекло меня сердце.

* * *

Первое сентября! Со времени поступления в университет прошло три года. Но сегодня я начну все сначала. Ребята в группе моложе, обращаются ко мне «Мурад-ака». Деканат назначил меня старостой. В связи с переходом на дневное отделение мне предоставили общежитие. Журналисты и филологи жили в одном здании, поэтому мы с Авазом поселились вместе. В Ташкент я ехал с Шарофат и ее братом в одном поезде, но в разных вагонах. Через три дня отправился к ней в общежитие на Бешагаче, на берегу Анхора. На другой стороне улицы – парк культуры «Комсомольское озеро» – одно из самых живописных

мест в городе.

На вахте в общежитии дежурила русская женщина Тамара. Она запомнила меня и Шарофат еще со времени вступительных экзаменов. Жизнерадостная женщина, бойкая на язык начала мне рассказывать о Шарофате:

– Какая она славная, красивая! Парни с нее глаз не сводят.

Шарофат жила на втором этаже. Увидев меня, она очень обрадовалась. Я нежно поцеловал ее в щеку.

В комнате три кровати, справа от входа – пианино. Указав на него, я заинтересовался, кто на нем играет?

– Гульноза занимается. Она учится на третьем курсе отделения фортепиано.

– А ты умеешь?

– Немного.

– Где научилась?

– Сначала у брата, потом в музыкальной школе в городе.

Шарофат заварила чай. Тем временем вернулись соседки по комнате, обе третьекурсницы, и мы с Шарофат пошли в парк у Комсомольского озера.

Уже у входа в парк ощущается прохладный ветерок с озера. Глаза отдыхают, любуясь рябью на поверхности озера. Из репродуктора доносится песня «Муножат», будто ее поет Шарофат...

Я вдруг испугался, что могу потерять ее, и сильно сжал ее руку. Крепко держась за руки, мы прошли мимо киоска с мороженым к озеру.

Когда стемнело, я проводил Шарофат до общежития. Не хотелось прощаться, но нужно было готовиться к занятиям.

Каждый день было по три-четыре пары. Декан факультета предложил назначить меня заместителем председателя студсовета. Теперь мне надо было активно участвовать в общественных делах. Каждый день я планировал съездить в Шарофат, но возникали какие-то непредвиденности или поручения деканата.

Лишь через две недели удалось вырваться. Когда я поднялся на второй этаж и направился к комнате Шарофат, мне показалось, что я попал в концертный зал. Из каждой комнаты доносилась музыка: кто пел, кто играл на пианино, в некоторых комнатах читали монологи. В комнате Шарофат тоже звучала музыка, я, как замороженный, остановился у двери, слушая нежный голос Шарофат.

Песня закончилась, дверь открылась, и в коридор с чайником в руке вышла соседка Шарофат Гульноза. Она, узнав меня, пригласила:

– Входите, пожалуйста! Шарофат в комнате.

При виде меня Шарофат зарделась, как тюльпан. Я протянул ей букет и осторожно поцеловал в щеку.

Шарофат, словно обидевшись, отодвинулась и отвернулась.

– Что с тобой? – спросил я.

Она не ответила. Повернув ее за плечи к себе, я увидел, что она плачет.

– Почему ты плачешь? – забеспокоился я.

Она вытерла слезы.

– Почему вы так долго не приходили? Вы здоровы? – всхлинула она.

– Я в порядке. А ты? Начала учебу? – расспрашивал я виновато.

– Я волновалась, думала, что если бы вы были здоровы, то обязательно пришли бы!

Я рассказал ей, почему не приходил, что постоянно думал о ней и скучал, что сейчас, стоя под дверью, слушал ее пение. По мере того как я говорил,

она успокаивалась.

После чая мы пошли к берегу канала. Долго беседовали, сидя на большом камне под тенистым деревом. Вокруг ни души: ни урчания машин, ни лязга трамваев – ничего, кроме шума воды, падающей из шлюза. Ветерок брызгал капельками в лицо. Шарофат вытирала их рукой, а я брал ее руку в свою и надолго прижимал к лицу. Шарофат осторожно положила голову мне на плечо. Мы были счастливы: ее мягкие волосы касались моего лица, я чувствовал ее дыхание. В ветвях деревьев пели птицы.

– Как красиво! Это соловей? – спросила Шарофат.

– Соловей. Это мелодия твоей песни.

– Он поет для вас, – сказала Шарофат

– Мой соловей – это ты! – возразил я, поглаживая ее волосы.

Шарофат вновь положила голову мне на плечо. Я тонул в благоухании волос, потеряв счет времени.

– Вы не уснули? – прошептала Шарофат.

– Нет! Я думаю.

– О чем?

– О нас...

В это время над нами снова сладко запела птица.

– Это ты поешь, – сказал я Шарофат.

– Посмотрите, вон кто поет, – указала она на птицу с желтоватыми крыльями.

В это время птичка, вытянув красноватую шейку, снова запела. Откуда-то прилетела еще одна. Они потерлись головками, поиграли, ероша клювиками перышки своих хвостиков, и попрыгали с ветки на ветку. Устроившись на соседних ветках, запели. Вдруг одна из птиц вспорхнула и улетела в сторону плотины. Вторая пару раз чирикнула и тоже улетела в противоположном направлении.

– Неверная, – сказала Шарофат.

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

– Потому что она оставила свою пару! А вы не оставите меня? – спросила вдруг Шарофат.

– Да что ты такое говоришь, Шарофат?! Ты – моя жизнь!

– Вы тоже, – сказала Шарофат и после паузы добавила: – Мне страшно!

– Чего ты боишься?

– Что было бы, если бы я в тот день не зашла к вам во двор попить? Вы бы никогда не узнали обо мне...

Она надолго замолчала.

– Да что с тобой? – недоумевал я.

– Я боюсь вас потерять, – сказала она.

Я опустил перед ней на колени. Она прижалась ко мне, не отрывая глаз.

Когда стало темнеть, мы, взявшись за руки, перешли на другой берег по мосту, поужинали в столовой, и я проводил Шарофат до общежития.

* * *

Я написал статью о студенческой жизни и проблемах общежития: о лопнувшей водопроводной трубе, о неработающих ваннных комнатах, об антисанитарии в туалетах... После занятий отнес статью в «Ташкентскую правду». Толстый краснолицый мужчина с большой лысиной, сидящий за столом, взглянув на меня, спросил:

– И о чем же твоя статья, братец?

Узнав тему, с насмешкой произнес:

– Проблемы общежития, говоришь? Тоже мне, нашел проблему, когда все заняты сбором хлопка. Отнеси эту статью в университетскую газету. Наша газета – орган областного комитета партии. Пишете всякую ерунду, морочите голову работникам редакций центральных и областных газет.

Он даже не взглянул на статью. На улице я встретил Фариду Темирханова, с которым служил в армии, обнялись. После службы он работал заведующим отделом газеты «Фрунзевец». Я рассказал ему, зачем приходил и чем все закончилось.

– Ты встретился с Нурбековым, – сразу определил Фарид. – Очень грубый и заносчивый человек, но пишет хорошо. Считает, что ему нет равных. Не обижайся на него. Давай-ка свою статью.

Внимательно прочитав, он похвалил:

– Здорово написал. Настоящий фельетон!

Он посоветовал отнести статью в редакцию «Вечернего Ташкента». Прощаясь, дал мне свой рабочий номер телефона, предложив без стеснения звонить ему, когда надо.

На следующий день я отправился в редакцию «Вечернего Ташкента» и разыскал Зухру-опу, заместителя главного редактора. За столом я увидел смугловатую миловидную женщину лет сорока с собранными сзади в пучок волосами, одетую в черную кофту поверх белой блузки. Она указала на стул:

– Так, значит, вы будущий коллега. О вас мне рассказал Фариджан. Оказывается, вы вместе служили. Вы и из армии посылали свои статьи и рассказы. Ну, показывайте, что принесли сегодня?

Я подал статью, Зухра-опа надела очки и принялась читать.

– Замечательно! У вас получился фельетон, – она ненадолго задумалась и продолжила: – Хорошо, но есть один нюанс. Если вы опубликуете свою статью, не обидится ли на вас руководство института? На каком курсе вы учитесь?

– На первом, – ответил я.

– Вам учиться еще пять лет. Я вот о чем подумала. Если с первых же дней вы вступите в конфликт с руководством, не повлияет ли это на вашу учебу? Сможете ли вы подтвердить все, о чем написали? Есть доказательства?

Это озадачило меня. Хоть на все представленные факты есть доказательства, Зухра-опа права: публикация изменит отношение администрации ко мне, потому что изложенное в статье запятнает университет. Не надо спешить.

– Думаю, статью, или, вернее, фельетон, надо дать почитать вашему декану Хамиду Саидовичу. Он очень хороший человек и плохого не посоветует. Если у вас есть другие статьи или рассказы, приносите. Что можно – опубликуем, а о том, что не примем, выскажем свое мнение.

От Зухры-опы я вышел в приподнятом настроении, чувствуя себя настоящим журналистом.

На следующий день после занятий я пошел к декану.

– Какие проблемы, солдат? Что скажешь? – заговорил он.

Он всегда был дружелюбен со студентами, а в хорошем настроении и пошутить любил. Я рассказал, что написал статью и, когда принес ее в редакцию газеты «Вечерний Ташкент», Зухра-опа посоветовала дать прочитать декану, прежде чем публиковать.

– Если Зухра дает такой совет, это, должно быть, интересная статья, – сказал он. – Ну, солдат, давай свою статью.

Когда я в поисках статьи рылся в сумке, из нее выпали фотографии.

– О, у тебя и фотографии есть.

Я не хотел показывать фотографии, но, раз уж декан увидел, подал их вместе со статьей. Сначала он посмотрел фотографии. Даже в лице изменился: от веселого настроения не осталось и следа.

– Это четвертое общежитие дошло до такого состояния? – спросил он, уставившись на меня поверх очков. – Теперь давай статью. Судя по фотографиям, в статье – ничего хорошего.

Читая, он время от времени брал красный карандаш, подчеркивая что-то. Закончив, Хамид Саидович задумался:

– Мы сами виноваты. Надо было посещать общежития хотя бы раз в месяц.

Фельетон он похвалил и попросил оставить вместе с фотографиями.

– Спасибо Зухре-опе! Если бы фельетон опубликовали, мы прогремели бы на всю республику!

Пожав мне руку, он пожелал удачи, похвалив мой стиль и острое перо.

Через два дня в общежитие пришла большая комиссия, возглавляемая проректором университета по хозяйственным вопросам. Вечером на собрании уволили коменданта, организовали общественный совет по вопросам общежития, меня избрали заместителем председателя. Потом пришли сантехники и заменили водопроводные трубы, отремонтировали душевые и бытовые комнаты, неработающие краны, заменили негодные газовые плиты на новые.

На факультете я как-то лицом к лицу встретился с деканом.

– Ну, как в общежитии?

– Отлично, Хамид Саидович. Все в порядке, – ответил я.

– Вот ведь, оказывается, можно все сделать! Нужно желание! – попыток он и сказал, чтобы я зашел к нему после занятий.

К моему приходу в кабинете декана уже сидели вновь назначенный комендант общежития и заведующий хозотделом. Хамид Саидович поручил коменданту и мне сделать общежитие образцовым. К концу учебного года оно заняло первое место среди общежитий студенческого городка.

Летние каникулы я провел дома. Мама по-прежнему была против моих отношений с Шарофат, наметив несколько новых кандидатур невест.

* * *

На втором курсе дел у меня стало еще больше: много времени занимала общественная работа, кроме того, я писал статьи и рассказы. Угнетало, что не всегда мог проведать Шарофат, но ежедневно разговаривал с ней по телефону.

В канун Нового года я встретил односельчанина Равшана, студента Института культуры. На каникулах он приезжал в кишлак, играл на таре и пел на свадьбах и вечеринках, поэтому его прозвали Хафизом. Он рассказал, как они вместе со студентами консерватории готовятся к новогоднему концерту, поведав, что Шарофат исполняет песню, держась за руки с каким-то парнем и кокетничая.

У меня потемнело в глазах. Я ничего не сказал Равшану, только спросил, где проходят репетиции.

Я убедил себя, что слова Равшана – ложь, но вспоминались слова мамы о «певичках»...

Однажды, пропустив занятия, я отправился в консерваторию. Когда увидел Шарофат в аудитории, все сомнения вмиг развеялись. Она подбежала и

протянула руку. Я возненавидел Равшана, считая его интриганом.

Мы разговаривали, пока не прозвенел звонок. Когда я уже собирался уходить, к ней подошел молодой человек и сказал:

– Шарофат, в три часа репетиция!

Прошаясь со мной, Шарофат кивнула молодому человеку. Я ждал, когда она войдет в аудиторию. Молодой человек, ожидавший ее у двери, что-то сказал Шарофат... Кто это? Почему крутится около Шарофат? Не о нем ли говорил Равшан? Это с ним Шарофат держалась за руки?

На лекциях я думал только о Шарофат. «Что со мной? Я не доверяю Шарофат после слов Равшана?! Поддаваться наговорам – тяжкий грех. Выбрось из головы все подозрения!» – уговаривал я себя.

В тот день я опоздал на первую пару. Еле-еле высидел вторую и третью. Хотел помчаться в консерваторию на репетицию, но секретарша объявила, что декан назначил собрание со старостами групп и активистами. Пришлось остаться.

Собрание затянулось до шести вечера. Репетиция уже наверняка закончилась, и я поехал к Шарофат в общежитие, но женщина-вахтер сказала, что Шарофат еще не вернулась. Был седьмой час, темно. Тревожные мысли терзали меня. Женщина, заметив мое волнение, предложила подождать на стуле. Прошел час – Шарофат не появилась. В девять подошла Гульноза. Почему одна? Где Шарофат? Увидев меня, Гульноза остановилась.

– Где Шарофат? – спросил я, даже не поздоровавшись.

Гульноза замешкалась. Почему она молчит?

– Где Шарофат? – повторил я.

Голос мой прозвучал угрожающе.

– Произошла неприятность, – замаялась Гульноза. – Она в больнице.

– Почему в больнице?

Немного отдышавшись, Гульноза рассказала, что после репетиции Шарофат внезапно потеряла сознание. На скорой ее отвезли в больницу, и вот только теперь она возвращается от Шарофат. По словам Гульнозы, утром в буфете института Шарофат поела маринованных грибов и рыбы. Врачи сказали, что у нее отравление.

Мы с Гульнозой кинулись в больницу, у изголовья Шарофат стояло несколько человек в белых халатах.

Срочно нужна кровь, какая у нее группа? – спросил невысокий желтолицый мужчина.

– Вторая плюс, – ответила женщина.

– Надо как минимум двести пятьдесят граммов!

Я подбежал к врачам:

– Доктор, у меня вторая группа плюс!

Мужчина в белом халате спросил:

– Откуда знаешь, что у тебя вторая группа?

Я сказал, что группу крови определяли в армии.

– Серьезных заболеваний не было? – спросил профессор.

Я никогда не болел!

Меня уложили на кушетку рядом с кроватью Шарофат. Переливание длилось около часа. Шарофат очнулась и попросила пить. Улыбнувшись мне, она спросила:

– Где я?

В это время вошли женщина-врач и Гульноза, принесли воду. Гульноза

напоила Шарофат. Врач спросила Шарофат, не болит ли у нее голова. Та ответила, что немного кружится. Когда доктор вышла из палаты, я спросил ее о состоянии Шарофат.

Состояние было тяжелое, но кризис миновал. Идите домой, отдохните.

Отправив Гульнозу в общежитие на такси, я вернулся к Шарофат. Она спала. Я положил ей руку на лоб – проверить, нет ли температуры. В это время вошла доктор.

– Почему вы не ушли? Я же сказала, что причин для беспокойства нет. Кем она вам доводится? – поинтересовалась она.

– Сестренка, – соврал я.

– Что-то непохожа, – сказала она и, улыбнувшись, добавила: – Ладно, можете оставаться. Рассвет уже наступил. Прилягте на эту кушетку. Я скажу медсестре, чтобы она дала одеяло и подушку.

Утром Шарофат открыла глаза и снова попросила пить. Я поднес к ее губам носик чайника.

Как я сюда попала? – слабо спросила она.

– Человек – живое существо и время от времени болеет, – сказал я. – Все пройдет. Ты скоро поправишься.

Она улыбнулась, погладила слабой рукой мою руку на ее подушке. Я посмотрел в ее глаза, полные слез.

Почему ты плачешь, глупышка? – спросил я.

Сама не знаю. Потому что вы со мной, – ответила она.

Я понял, что это слезы благодарности. Снова наведальась доктор, измерила у Шарофат температуру, давление и сказала, что оснований для беспокойства нет. Было бы, мол, хорошо принести куриный бульон.

Я съездил на такси на Бешагачский рынок, купил курицу и отправился к тете Рахиме. Но дома никого не оказалось. На противоположной стороне улицы увидел Саеру, та вызвалась помочь, а потом пошла со мной к Шарофат.

Шарофат уже перевели в общую палату, однако ей еще не разрешали вставать. Я представил девушек друг другу. Саёра напоила Шарофат бульоном. Доктор напомнила, что нельзя утомлять больную, и мы вышли из больницы. Проводив Саеру, я вернулся к Шарофат. Она спала. Вечером я снова навещил ее. Она выглядела бодрее.

– Вы еще здесь? Почему не пошли на занятия? – спросила она.

На следующий день Шарофат была уже на ногах, а через неделю ее выписали. Лицо немного осунулось и побледнело, губы шелушились, но и это вскоре прошло.

Когда я привез Шарофат из больницы, в комнате никого не было, мы оказались наедине. Она гладила мои руки, выражая таким образом благодарность. Уходя, я поцеловал ее в обе щеки. На этот раз она не сопротивлялась.

* * *

До Нового года оставались считанные дни. Площади, витрины магазинов украшены елками. В фойе нашего общежития тоже большая украшенная елка. Весь город жил в ожидании Нового года.

После занятий я отправился в ЦУМ за подарком для Шарофат. Вспомнив, что она любит мягкие игрушки, купил огромного белого плюшевого медведя, решив, что он обязательно понравится Шарофат.

В общежитии Шарофат из комнат, как всегда, доносилась музыка, но сегодня она звучала как-то особенно. Я постучался, открыла Гульноза. Увидев

медведя, она захохла:

– Какой красивый! – и пригласила войти, сообщив, что Шарофат еще не пришла из института, она на репетиции новогоднего концерта.

Посадив мишку на кровать Шарофат, я остался ждать ее. В голову лезли дурные мысли. Снова всплыли в памяти слова мамы и Равшана. Я вышел из общежития, решив подождать Шарофат на остановке. Но и там я не мог устоять на месте. Неужели так долго длится репетиция? Кто проводит ее в темноте? И тут я увидел троллейбус и Шарофат в нем. Она увидела меня, и лицо ее озарилось улыбкой. Мои тревоги и сомнения вмиг рассеялись. Вместе с ней из автобуса вышел парень, немного подождал, но, видя, что Шарофат разговаривает со мной, пошел в общежитие. «Кто он? Почему ждет Шарофат?» – вновь начали преследовать меня сомнения.

– Кто он? – спросил я грубо.

– Хасан. Мой однокурсник. Мы были на репетиции, – сказала Шарофат.

В комнате, увидев на кровати медвежонка, Шарофат бережно, словно младенца, взяла его и ласково прижала к себе.

– Какой красивый! Где вы его взяли? – спросил она.

Я шутя пожал плечами:

– Не знаю, кто его принес...

– Обманщик! – сказала она, легонько толкнув меня плечом.

Шарофат пригласила меня на концерт 30 декабря в зал консерватории, а после концерта, 31-го, мы договорились поехать вместе домой, в кишлак. Однако на концерт я прийти не смог, потому что на факультете тоже было праздничное мероприятие, и мы отвечали за его проведение.

Когда я пришел к Шарофат на следующий день, она отвернулась:

– Я с вами не разговариваю.

Я объяснил причину, но она отказывалась понимать.

– А не встречали ли вы Новый год с кем-нибудь? – обиженно спросила она.

– Что ты такое говоришь! – возмутился я.

Она сказала, что ждала меня до самого начала концерта, что было очень интересно, что она исполнила два номера, что и Гульноза участвовала в концерте – играла на пианино, а Фазилат исполнила мелодию на чанге.

Попрошавшись с Гульнозой, мы с Шарофат отправились на автобусе в кишлак.

* * *

Новый год встретили дома с родителями. На следующий день мама вновь затеяла разговор о женитьбе:

– Я присмотрела несколько девушек. Выбери одну из них. Иначе я возьму невестку по своему усмотрению.

– Мама, раньше вы всегда говорили только о Шарофат.

– Даже не говори мне о Шарофат! Даже имени ее не произноси! Невестка-артистка мне не нужна, из нее не получится хорошей жены. Барно и Мухаббат тоже артистки. Теперь разъезжают по свадьбам, распевают песенки, пьют водку, пляшут перед мужчинами. Слышала, что Шарофат тоже распевает песенки в Ташкенте, как и они.

– И кто же это сказал? – начал распаяться я.

– Кто видел и слышал, тот и сказал.

– И кто же тот, который видел?

– Да все говорят. Вот, например, Равшан, который учится на певца, тоже видел. Жалко Шарофат! Всею виной ее мать! Она сделала своего сына музыкантом, а дочь – певицей.

Почувствовав мое душевное состояние, мать изучающе посмотрела на меня:

– Ты все еще под властью чар этой Шарофат? Даже не думай о ней!

Спорить было бесполезно, поэтому я решительно заявил:

– Мама! Я не женюсь сейчас. Сначала закончу учебу.

Меня поддержал отец:

– Жена, перестань. Сын домой приехал первый раз за четыре месяца. Ты хочешь, чтобы он уехал с обидой в сердце?

Но мама не умолкала. Я оделся и вышел.

Первое января. Новый год. Наш кишлак – райский уголок – расположен между двумя реками. Через него протекает большой Кильчиватский канал, рядом с которым парк с акациями и вековыми чинарами с толстыми стволами, посаженными еще при царе Николае. По обеим сторонам канала столовые. Популярность блюд наших поваров достигла Ташкента. В древности по правому берегу реки через кишлак проходил Великий Шелковый путь, здесь останавливались отдохнуть караваны, высокопоставленные чиновники и даже правители. Поэтому сюда свозили искусных кулинаров. В некоторых исторических источниках утверждается, что именно в этом кишлаке в древности находился центр Кушанского государства.

На большой площади в центре была установлена высокая елка. Несмотря на холод, здесь тьма народа. Вокруг елки ходит Дед Мороз, трясая белой бородой и стуча посохом по земле, что-то говорит Снегурочке. Дети смеются. Я тоже было направился туда, но увидел Аваза. Он приехал двумя днями раньше. Приехали и другие одноклассники. Сегодня можно встретить кого угодно. Вот группка девушек направляется к елке. Среди них Шарофат. Увидев меня, она улыбнулась, слегка кивнув в знак приветствия. Рядом ее мама Саломат-опа с большим узлом в руке и сестра Сабохат.

Мы с Авазом подошли к ним и поздравили с Новым годом. Оказывается, Шарофат рассказала домашним, что заболела и попала в больницу, что я дал свою кровь и был рядом с ней. Тетушка Саломат буквально кружила вокруг меня, благодарила за помощь и неустанно молилась. А потом сказала:

– Я хочу сходить к Марьям-опе, поблагодарить ее и поздравить с праздником. Ведь ваша мама дома?

Я растерялся, не зная, что ответить. Ведь если тетушка Саломат пойдет к нам, мама может ее обидеть! Поэтому я не придумал ничего лучшего, как сказать, что мама уехала в другой кишлак к дяде на свадьбу.

– Жаль, – сказала тетя Саломат, – а я хотела поздравить ее с праздником, приготовила подарки. Но раз вашей мамы нет дома, что же мне делать? – Она на мгновение задумалась: – Может, в доме кто-нибудь есть, я бы передала это...

– Дома никого нет. Все уехали, – стыдясь своего вранья, ответил я.

– Тогда я приду завтра. Ведь завтра они будут дома? – спросила тетушка Саломат.

Как все скверно получилось! Пришлось продолжить врать.

– Сегодня подготовка к свадьбе. Свадьба будет два дня.

– Тогда я передам через вас, поздравьте ее от моего имени, – сказала она, протягивая мне узел.

– Ладно, но не стоило беспокоиться, – пробормотал я.

– Мураджон, мы никогда не забудем вашей доброты, всю жизнь будем в долгу перед вами. Что было бы, если бы не вы? Отдали триста граммов своей крови!

– Да ничего особенного я не сделал.

– Шарофат все рассказала. Вы три дня ухаживали за ней в больнице.

Я взял узел и сказал:

– Тетушка, не утруждайте себя. Я поздравлю маму от вашего имени.

Мы попросились, а я все думал, как поступить с узелком, и тут увидел племянника, сына моей сестры. Передав ему узелок, я сказал:

Это вам подарок из Ташкента. Отнеси домой.

Выхватив узелок из моих рук, радостный мальчишка помчался домой. Аваз хитро посмотрел на меня и пошутил:

– Поздравляю, жених. Ваша свекровь сама принесла вам белый платок.

В это время откуда-то появился Равшан. Оказывается, он видел, что мы разговаривали с Шарофат.

– Вы знакомы с Шарофат? – спросил он.

– Да, знакомы.

– Ну-ну, – сказал он и как-то многозначительно кашлянул.

Мы с Авазом пошли к одноклассникам, Равшан увязался за нами, хотя его не приглашали.

Приехать в кишлак и не попробовать знаменитых блюд – грех, поэтому мы с одноклассниками отправились в столовую Нурмамата-уйгура – его гороховая шурпа славилась во всей республике. Кто-то предложил хряпнуть по пятьдесят в честь Нового года. Вслед за первыми «пятьдесят» последовали другие... После шурпы ели фирменную самсу у Карима, потом шашлык у хромого Мама-та. Равшан, налегавший на водку, снова завел речь о Шарофат:

– Слышал, ты ходишь к Шарофат?

– Да, – сказал я, – время от времени мы видимся.

Равшан с видом заговорщика придвинулся ко мне и понизил голос, словно собирался сказать что-то важное:

– Смотри не купишь на ее красоту. Ничего не получится.

Его физиономия вызывала отвращение. Равшан не унимался:

– Слышал, она встречается с парнем из группы. Говорю это потому, что ты мой друг, одноклассник. Если не расскажу о том, что слышал о ней, грош цена нашей дружбе! Эх, друг мой! Люди искусства не бывают верными. Не верь им! Я врашаюсь среди них уже лет семь-восемь и в курсе всего, что происходит. Говорят, красавицы не бывают верными, а из артистки не выйдет хорошей жены. Не забывай этого.

Он захихикал, положив руку на мое плечо, стараясь казаться заботливым и верным другом. Я со злостью сбросил его руку. Что-то во мне словно обрвалось, в глазах потемнело. Залпом осушив стакан водки, я встал. Если сейчас не уйду, то непременно подерусь с Равшаном. Он, пошатываясь, догнал меня и вновь заговорил:

– Вот ты вчера не пришел на новогодний концерт. А если бы пришел, увидел бы все своими глазами. Шарофат на сцене пела дуэтом с одним молодым человеком. Если бы она была приличной девушкой, разве пела бы дуэтом с парнем? Что, нет других номеров? Не обижайся. Все артисты так живут. Они целуются сегодня с одним, завтра с другим.

Я отстранил от себя Равшана и пошел куда глаза глядят.

Меня догнал Аваз. Оказывается, он слышал слова Равшана, взял меня

за руку и остановил:

– Не обращайтесь внимания на слова этого пьяницы. Он интриган и склочник. Многие заглядываются на Шарофат, он один из них. Чтобы испортить ваши отношения, он клеветает на Шарофат. Не верьте Равшану, Шарофат – честная девушка.

Слова Аваза немного успокоили. Мы бродили с ним по улице, не чувствуя холода. Повалил сильный снег, в одно мгновение наши пальто побелели.

Мы поспешили вернуться в столовую дяди Нурмамата. Обслуживал его сын Немат, окончивший школу на два года раньше нас и оставшийся работать с отцом в столовой. Он быстро принес большое блюдо с мясом и луковой закуской и жестом подозвал обслуживающего паренька. Тот принес и поставил на стол бутылку «Сибирской». Втроем за беседой мы ее прикончили. Придя домой, я услышал, как отец выговаривал маме:

– Твой сын приехал на один день, а ты обидела его.

Увидев меня, они замолчали. Я сослался на усталость и лег спать. Утром по-прежнему шел снег, отец с деревянной лопатой в руках пытался расчистить крыльцо. Я взял у него лопату и начал остервенело чистить ступеньки, двор под навесом, все вокруг, не находя себе места после вчерашних слов Равшана.

Надев пальто, я вышел за ворота. Дойдя до дома Шарофат, долго ждал под большим тутовым деревом над арыком, очень хотелось услышать ее голос, увидеть нежную улыбку. Я чувствовал, что ни дня не смогу прожить без Шарофат. Но сердце мое грызла ревность...

* * *

В Ташкенте я никак не мог избавиться от сомнений, в голову лезли дурные мысли. «Но ведь она любит меня! Я тоже не могу жить без нее!» – спорил я с самим собой. Однако избранная Шарофат профессия начала смущать и меня. Особенно после слов Равшана о людях искусства, занозой застрявших в сердце. Смятение в душе не утиhalo. Я не мог ни есть, ни пить, но и жить, не увидев Шарофат хотя бы раз в день, я не мог тоже! И она тоже. Если меня не было хотя бы один день, она обижалась. Поэтому после занятий я старался проводить ее до общежития, а затем возвращался к себе.

Сегодня после занятий я отправился в редакцию «Вечернего Ташкента», куда неделю назад отнес свой рассказ.

– Я прочитала ваш рассказ, понравился. Но надо кое-что поправить, я подчеркнула. Исправите – опубликуем в субботнем выпуске, – сказала Зухра-опа.

Я попросался с Зухрой-опой и пошел в общежитие Шарофат. Я не был у нее три дня – накопилось много дел. Как обычно, вошел в комнату, там были Гульноза, Шарофат и ее однокурсник Хасан. Гульноза с нотной тетрадью в руках что-то ему объясняла. При виде Хасана настроение испортилось. Что он здесь делает? К кому пришел?

Шарофат встала и пошла мне навстречу. Я чувствовал, что она соскучилась, и мне сразу стало легче. «Люди приходят друг к другу. Они ведь учатся вместе... Вот Гульноза что-то объясняет», – успокаивал я себя.

Хасан извинился и вышел из комнаты. Шарофат спросила, почему так долго не приходил, я объяснил и сел на стул возле ее кровати. Уходить не хотелось, но надо было подправить рассказ, чтобы успеть завтра отнести в редакцию. Шарофат просила посидеть еще немного. Я сослался на занятость и направился к двери. Шарофат последовала за мной, чтобы проводить.

– Как не хочется уходить, – сказал я.

– Вот и не уходите. Оставайтесь, – ответила она, улыбаясь.

Вернувшись к себе, я застал в комнате занимающегося Аваза и рассказал ему о своих сомнениях. После моей исповеди Аваз рассмеялся, а потом устроил настоящий нагоняй:

– Ты зря сомневаешься в Шарофат. Она чистая и целомудренная девушка. А ты ужасный ревнивец! Почему она не должна ни с кем разговаривать, не показываться на глаза мужчинам? Она же, в конце концов, учится в консерватории, пойми! Она талантлива. У нее приятный, чистый голос. Поет. Что плохого? Ты хочешь завернуть ее в хиджаб и запереть дома?

– Я все понимаю. Но когда вижу, как она разговаривает с другими парнями, в голову лезет всякая ерунда. Я хочу, чтобы Шарофат не смотрела ни на кого, кроме меня, ни о ком другом не думала, чтобы она, ее мысли и мечты принадлежали только мне. Я ревную ее ко всему. Даже к луне и солнцу! – воскликнул я.

– Бедняжке Шарофат будет трудно, – заключил Аваз. – Я даже в книгах такого не читал. Ускорь свадьбу. Если вы будете вместе, ты успокоишься.

– Мама против, – сказал я. – Не хочет невестку-артистку!

– Слышал. Твоя мама как-то зашла к нам и рассказала. Она поклялась, что ни за что даже близко не подпустит Шарофат к тебе. – Аваз вздохнул и после паузы добавил: – Эх, мамы, мамы! Ну почему вы нас не понимаете?

У Аваза были аналогичные проблемы. Через меня он познакомился с Саёрой, они полюбили друг друга. Но домашние, не спросив Аваза, просватали за него дочь дяди. Об этом он узнал, приехав домой на Новый год.

Всю ночь не смыкая глаз я исправлял подчеркнутое Зухрой-опой. На следующий день после занятий пошел в редакцию. Зухра-опа посмотрела и сказала, что теперь можно публиковать. Когда я в понедельник пришел в университет, студенты у двери, указывая на меня, что-то говорили. В аудитории ко мне подошел Садык:

– Поздравляю! Очень хорошо написали, – сказал он.

– Ты о чем? – не понял я.

– О рассказе, о чем же еще? – пояснил он.

– А, значит, опубликовали?

– Да, во вчерашнем номере «Вечерки».

Группа девушек тоже обсуждала мой рассказ. Однокурсница Рано многозначительно засмеялась и сказала, что мой герой очень ревнив.

Я пожал плечами:

– Так получилось...

По правде, я и сам не заметил, что мой герой ревнивец.

В газетном киоске я купил десять экземпляров газеты: одну оставил для Шарофат, остальное раздал однокурсникам.

Я спешил к Шарофат. Мои публикации в газете она читала первой, радуясь, будто это она сама написала. На улице было морозно, дул пронизывающий ветер. Зима из последних сил сопротивлялась наступающей весне. В троллейбусе было тепло, хотя окна были в ледяной корке.

Открыв дверь в комнату Шарофат, я снова увидел Хасана. Газета выпала у меня из рук. Шарофат, как обычно, встретила меня улыбкой. Разозлившись, я продолжал стоять в дверях. От моего взгляда Шарофат вздрогнула, подошла ко мне и взяла за руки.

– Вы замерзли, – сказала она и стала растирать мои руки своими теплыми ладонями, затем прижала обе руки к моему лицу. – Вы не простудились? Садитесь. Я сейчас заварю горячий чай.

Она наклонилась, подняла с пола упавшую газету и положила на стол. Я зло уставился на парня. Тот, почувствовав мою ярость, сразу же извинился и вышел. Я сердито посмотрел на Шарофат:

– Почему этот парень так часто приходит к тебе?

Шарофат мягко улыбнулась:

– Он мой сокурсник. Самаркандский. Держится поближе, потому что считает землячкой.

Ее слова разозлили еще больше:

– «Держится поближе, потому что считает землячкой», – зло повторил я. – Чтобы я больше не видел его в твоей комнате!

Шарофат вздрогнула, побледнела, по щекам заструились слезы, руки задрожали. Теперь я ненавижу себя и жалел Шарофат. «Зачем я ее расстроил? Я ведь тоже общаюсь с девушками! С Саёрой дружу, в кино с ней ходил... Между нами только дружба. Почему можно мне, а Шарофат нельзя? Что плохого, если к ней приходят однокурсники, земляки? Почему ишу во всем плохое? Разве она не заслуживает доверия?» – спрашивал я себя, сожалея о своей вспышке и думая, как утешить Шарофат.

Я взял ее за руки – они еще дрожали. Я обнял Шарофат, она уткнулась в мою грудь. Постепенно я стал приходить в себя. В это время в дверь постучали. Я выпустил Шарофат из объятий. Вошла Гульноза. Шарофат отвернулась, чтобы скрыть слезы. По-видимому, Гульнозе стало неловко, и она со словами «Я сейчас...» поспешно вышла из комнаты. Я взял Шарофат за плечи, повернул к себе, не зная, как утешить. Вдруг вспомнил, что принес газету со своим рассказом.

– Шарофат, ты не поздравить меня?

Она вопросительно взглянула на меня.

– В газете вышел мой рассказ. Я принес его тебе.

Лицо ее просветлело. Вытерев слезы, она начала читать рассказ, а закончив, тихо сказала:

– Ваш герой такой же ревнивец, как вы!

Вернувшись в свое общежитие, я обнаружил в комнате расстроенного Аваза.

– Что случилось? – спросил я.

– Поссорились с Саёрой. Предлагаю пожениться, она не соглашается. Говорит, свадьбы без согласия моих родителей не будет, – сообщил он.

– А ты уже сказал ей, что они сосватали тебе Сажиду? – спросил я.

– Что ты? Даже представить не могу, что будет, если она об этом узнает! Я было предложил организовать комсомольскую свадьбу с однокурсниками, но она раскричалась, разрыдалась! Завтра еду домой. Встречусь с Сажидой, скажу, что у меня в Ташкенте девушка, что любим друг друга и я хочу на ней жениться. Пусть сама отменит свадьбу. Если это сделаю я, это скажется на чести и добром имени девушки.

Меня восхищала решимость Аваза. Я решил, что независимо от согласия мамы мы с Шарофат тоже отпразднуем свадьбу этим летом.

О своем намерении я рассказал Шарофат:

– Этим летом у нас будет свадьба. Не возражаешь? – спросил я.

Шарофат ласково положила мне голову на плечо. Я погладил ее по лицу.

Мы были счастливы.

* * *

Как зима ни старалась, пришлось ей уступить весне. С юга дул теплый ветерок, таяли свисающие с карнизов сосульки. На месте снега пробилась нежно-зеленая травка. Набухли почки на абрикосовых ветках. Весна вступила в свои права и в студенческом городке.

Аваз готовился к свадьбе. Когда он сообщил Сажиде о любимой девушке, та сказала, что у нее тоже есть любимый парень. Подготовку к свадьбе остановили, а родители Аваза засватали Саёру. Я завидовал другу. Мне очень хотелось, чтобы наша с Шарофат свадьба тоже поскорее состоялась.

С наступлением теплых апрельских дней в Ташкенте состоялась свадьба Аваза. На свадебном вечере я сидел рядом с Авазом, а Шарофат – рядом с Саёрой.

После окончания свадьбы я проводил Шарофат до общежития и, прощаясь, заверил ее:

– Шарофат, у нас тоже будет свадьба. Скоро.

Шарофат пристально посмотрела мне в глаза.

– Я не хочу уходить. Хочу остаться с тобой. Не прогоняй меня, – попросил я.

– Вы сегодня много выпили, – ласково возразила Шарофат.

Я вспомнил стихотворение Хафиза и прочитал строки из него, вставив свое имя:

*И не захочет взгляд ничей смотреть на винный кубок, –
Мураду взгляд твоих очей дарует хмель мгновенный...*

Шарофат нежно похлопала меня по щеке:

– Да сохранит Господь моего Мурада от всяческих напастей! Пусть Аллах защитит моего Хафиза! – сказала она и твердо добавила: – Уже поздно. Возвращайтесь.

– Не уйду. Не прогоняй, – сказал я и обнял Шарофат.

– Люди же смотрят. Стыдно, – отстранилась она. – Мне тоже не хочется расставаться, но вы должны уйти. Пожалуйста.

Из своего общежития я позвонил в общежитие Шарофат и попросил ее к телефону. Дежурила тетя Тамара. Узнав меня, она позвала Шарофат. Не помню, как долго я разговаривал с ней...

Утром я чувствовал себя разбитым, голова раскалывалась. В окне слышался шелест дождя. Ветер уныло ронял капли на оконное стекло, причиняя сердечную боль. Я тосковал по Шарофат. Ее пение на свадьбе все еще звучало в ушах. Перед глазами оживали ее красивое лицо и нежная улыбка. Меня неудержимо влекло к ней.

На часах шесть. Наверное, Шарофат еще спит. Перед свадьбой Аваз снял двухкомнатную квартиру неподалеку, и я остался в комнате один. Интересно, смогу ли я после женитьбы привести Шарофат сюда или сниму квартиру, как Аваз?.. Предаваясь сладким мечтам, я незаметно уснул. Приснилось, что Шарофат рядом, наливает мне чай. Затем наклоняется и нежно гладит мое лицо. Я безотрывно смотрю в ее полные любви глаза. Она тянет меня за руку, поднимает, и мы, держась за руки, бегаем по саду. Шарофат берет меня за руку и

ведет к вершине горы, от которой исходит свет. Вдруг я спотыкаюсь обо что-то и качусь вниз. Шарофат протягивает ко мне руки и, рыдая, что-то кричит... В этот момент я вздрогнул от стука в дверь, сон мгновенно улетучился. В дверь снова постучали. Стучал парень из соседней комнаты. Он сказал, что меня зовут к телефону. Оказывается, звонила Шарофат, волновалась из-за того, что я вчера слишком много выпил.

– Могу я прийти к тебе? Не помешаю? – спросил я.

– Вы мне никогда не мешаете. Лишь бы я не помешала вашим делам, – ответила она.

– Тогда приходи ко мне ты, – предложил я.

– Я бы прилетела. Но... – она немного помолчала и озорно сказала: – после свадьбы.

– Я соскучился, – сказал я.

– Будьте здоровы, мое счастье.

После разговора с Шарофат я почувствовал себя намного лучше. Но никак не мог забыть кошмарный сон. Голова все еще трещала. Я не любитель выпивки, сам не заметил, как перебрал вчера. Поставил в неловкое положение Шарофат... Было воскресенье, и я снова вернулся в постель. Когда проснулся, все еще шел нудный дождь. Хмурый день походил на сумерки.

Рассказ, начатый много дней назад, так и лежал на столе – я помогал Авазу в свадебных хлопотах. Сел писать. Ничего не получалось. Я ходил по комнате, испытывая гнетущую тоску. Собрался к Шарофат и уже вышел на трамвайную остановку. Дождь промочил плащ. Не хотелось появляться перед Шарофат в таком виде, и я решил вернуться в общежитие, но в этот момент подошел трамвай, из него вышел Равшан. Когда он приблизился, я заметил, что глаза у него красные, от него разило водкой. Он начал хвастать, что возвращается с дружеских посиделок из чайханы, что его друзья – люди знатные, дети известных лиц и что в следующее воскресенье у них опять состоится пиршество, на которое он обязательно возьмет с собой меня. А сейчас он направляется к однокурснику. Уже собираясь уходить, он сообщил, что прочитал мой рассказ в «Вечернем Ташкенте».

– Давай дави на газ! – закричал он и попытался меня обнять.

Прохожие недоуменно поглядывали на нас. Так Равшан следовал до самого моего общежития. У дверей я хотел было попрощаться с ним, но он заявил:

– Я хочу посмотреть твоё жилище. В следующее воскресенье приду и заберу тебя, – сказал он и под руку со мной зашел в мою комнату.

Как ни противен мне он был, я следовал пословице «Вошедшего в дверь и собака не укусит» и старался соблюсти приличие. Он вынул из кармана бутылку водки, поставил на стол и спросил: «У тебя есть что-нибудь закусить?» С тех пор как Аваз переехал, я не готовил в комнате, поэтому собрался идти в магазин.

– Не обязательно, – сказал Равшан и наполнил водкой стаканы.

Я отказывался пить, он настаивал, выпил, отер рот ладонью:

– Настоящие парни пьют водку так! Запомни! – сказал он.

Настроение у Равшана явно улучшилось. Он хвастал, что сейчас он лучший студент института, что его приглашают работать в филармонию, что за ним бегают и готовы пожертвовать собой все девушки и танцовщицы, предлагал познакомить меня с красивыми девушками.

– Ты все еще общаешься с Шарофат? – спросил он и повторил то, что сказал в кишлаке на Новый год: – Все девушки в консерватории беспутные.

Фазилат, подруга Шарофат, крутит роман со своим преподавателем Фазылом. И соседки Шарофат по комнате такие же.

Меня била дрожь, но я сдерживался. Вновь нахлынули дурные мысли, появились сомнения относительно Шарофат. «Без ветра ни один листок на дереве не шелохнется», – пришла на память пословица. И я, сам того не ожидая, залпом выпил наполненный Равшаном стакан.

– Вот и славно, такими и должны быть настоящие парни, – одобрил Равшан.

Он безостановочно говорил, пока мы не допили всю водку:

– Вот что я тебе скажу: никогда не женись на красивой. В красивую многие влюбляются. У красавиц нет верности. Особенно у артисток. Женишься на такой – считай, погиб в расцвете сил. Вот я женился и посадил жену дома. Она ухаживает за двумя коровами, доит их, квасит молоко, делает масло. И при этом растит двоих детей. Каждый раз, когда я приезжаю, она дает мне с собой сливочного масла, варенья собственного приготовления, – хихикнул он. – Скоро родится третий. Если я прикажу ей умереть – она умрет. Прикажу стоять – будет стоять. А я здесь живу в свое удовольствие. Учеба идет своим чередом. Каждую неделю по субботам и воскресеньям свадьбы. Неплохо подрабатываю, денежки в кармане шуршат. Если у тебя есть деньги, ты человек. Каждый день новые девушки. Стоит свистнуть – сразу же примчится целая орава! У меня есть несколько танцовщиц. Все они так и выются вокруг меня. А возьмите девушек из ансамбля «Бахор»?! Диляфруз, Шахиста, Барно, Сурае! Одна краше другой! Как хмельной виноградный сок! Увидишь – умрешь. Все ластятся ко мне. Я познакомлю тебя с одной из них. Есть такая красотка Малика. Увидишь ее – умрешь. Она может превзойти и Шарофат, но то, что не уступит ей – однозначно.

Много еще чего наговорил Равшан. Но я уже не мог его слушать. Мысли были заняты Шарофат и Хасаном. Уходя, Равшан обнял и поцеловал меня. Напомнил, что в воскресенье введет меня в круг избранных.

Когда он ушел, я как вкопанный застыл посреди комнаты. «Шарофат! Шарофат! Если ты взглянешь на какого-нибудь парня, в тот же миг я умру. Шарофат!» – твердил я себе. Несомненно, плохо думать о Шарофат – непростительный грех. Шарофат была для меня чистой, святой. Она не могла быть неверной. При этом я продолжал сгорать от ревности.

Дождь не прекратился и ночью, ухудшая и без того гнусное настроение. В комнате тихо и уныло. Меня терзали муки тяжелой ревности.

В понедельник в аудитории однокурсники обсуждали роман «Театр» Сомерсета Моэма. Я этого произведения не читал. Прислушался к разговору. Рано, наша поэтесса, увлеченно рассказывала о любовных отношениях героини Джулии с молодым бухгалтером Томом, обвиняя Джулию в безнравственности. Увидев меня, Рано спросила:

– Мурад-ака, а что вы скажете об этом?

Я ответил, что не читал «Театр». Все как один дружно осуждали Джулию и говорили о неверности людей искусства. 45-летняя замужняя актриса, имеющая взрослого сына, вступила в любовные отношения с молодым человеком на двадцать пять лет моложе себя и при этом не испытывала ни малейших угрызений совести! Суетливый Садык сказал, что артисты – люди страстные, поэтому сегодня любят одного, завтра идут под ручку с другим, не считая семью священной, и перечислил, какие артистки за кого вышли и с кем развелись. В разговор вмешался Эркин, староста второй группы:

– С артиста спросят не о том, сколько раз и на ком он женился, а что он дал своему народу. А вопросы любви – их личное дело.

Дискуссия сокурсников разбередила душу, усилила мучившие меня подозрения, будто, говоря о Джулии, они подразумевали Шарофат. Когда я собирался выйти из аудитории, Рано протянула мне книгу в коричневом переплете:

– Мурад-ака! Вы должны это прочитать. Очень интересно написано. Что автор хотел сказать образом Джулии? Что, на Западе супружеские измены – обычное явление? Или неверность для людей искусства не является чем-то постыдным? Они воспринимают жизнь как театральную сцену? Получается, жизнь – театр, а мужчины и женщины – актеры? Тогда где же ценность таких человеческих качеств, как чистота, честность, любовь?

Этими вопросами Рано окончательно добила меня.

Я положил книгу в сумку. Прозвенел звонок, началось занятие. Но я не мог сосредоточиться. Мысль о неверности людей искусства не покидала, но я разубеждал себя: «Нет! Шарофат не такая! Она – чистая и верная...»

Еле досидев до конца второй пары, поспешно вышел из аудитории и направился в консерваторию. Проходя мимо памятника, купил у цветочницы букет роз. Шарофат была на занятии. Я ожидал у двери. Выйдя с подругами из аудитории, она увидела меня и тут же подбежала.

– Хорошо, что пришли. Я уже сама собиралась к вам, – сказала она, взяв меня за руку.

– Что-то случилось?

Она всмотрелась в мое лицо:

– Вы здоровы? Почему бледны?

– Все в порядке, – сказал я, протянув ей цветы.

– Какие красивые! – сказала она и, поднеся цветы к лицу, вдохнула их аромат.

– А чей цветок ты, Шарофат? – задал я вопрос.

– Ваш, – ответила она, улыбаясь и склонив голову.

Шарофат пригласила меня посмотреть последнюю репетицию первомайского концерта. Концертный зал консерватории был полон. Репетицию проводил руководитель и режиссер, профессор консерватории Павел Борисович. Шарофат выступала с двумя номерами – песней «На лугу» и узбекской народной песней «Тановар». Когда Шарофат закончила петь, раздались аплодисменты и крики: «Шарофат, браво!»

Когда после репетиция я поджидал у дверей Шарофат, ко мне подошел высокий шеголеватый парень в галстук с тонкими усиками.

– Вы односельчанин Шарофат? – спросил он. – Я часто видел вас в общезитии. Я живу там же. Меня зовут Сабир.

Я тоже назвал свое имя.

– Если я не ошибаюсь, вы учитесь на факультете журналистики? Читал ваши статьи и рассказы. Особенно мне понравился рассказ в «Вечернем Ташкенте».

По всему было видно, что он хорошо разбирается в литературе. Он отметил, что в моем последнем рассказе душевные страдания сгорающего от ревности Сурата были изображены очень ярко, достоверно раскрыт характер. Когда из зала вышла Шарофат, Сабир с улыбкой сказал ей:

– Шарофатхон, вы всех восхитили, исполнив обе песни с большим мастерством. Особенно «На лугу»! Браво! – и протянул ей руку.

Шарофат пришлось в ответ протянуть ему свою. Не отпуская руку Шарофат, он продолжал хвалить ее исполнительское мастерство. Шарофат пыталась высвободиться, но он не отпускал. Едва сдерживая себя, я сказал Шарофат:

– Пойдем, – и протянул руку.

Шарофат, наконец, высвободилась и подошла ко мне. Сабир все еще что-то говорил, но я оборвал его:

– Извините! Мы спешим.

На улице я спросил:

– Он учится с вами?

Я все еще злился. Неужели все певцы, танцоры, актеры такие невоспитанные? После циничных характеристик Равшана я был еще больше разочарован в артистах.

– Он третьекурсник. Нагловатый парень, – сказала Шарофат.

Мы не сели в автобус, разговаривая, пошли пешком. После дождя воздух был чист и прозрачен. В городе уже наступила весна: деревья покрылись яркой зеленью, абрикосы засыпали тротуары осыпавшимися лепестками.

– Как будто снег, – сказала Шарофат, проходя под абрикосовым деревом, и, изяшно наклонившись, подняла опавшие цветочные лепестки.

Я пригнул абрикосовую ветку, набрал горсть зеленых плодов и протянул их Шарофат. Она положила один в рот и поморщилась:

– Ой, какой кислый, – смешно приподняв брови, сказала она. – Когда наша невестка была беременной, брат носил ей такие зеленые плоды. А невестка с удовольствием хрустела ими.

– Когда же придет день и я для тебя буду собирать их? – многозначительно произнес я.

Она легонько толкнула меня плечом:

– Бессовестный!

Я обнял ее и прижал к себе. Она отворачивала лицо. Мимо нас, поддерживая друг друга под руки и мирно беседуя, прошла пожилая чета – благообразная старушка и старичок с палочкой. Хотел бы я, чтобы то же самое было и у нас с Шарофат.

Вернувшись в общежитие, я хотел продолжить свой неоконченный рассказ, но, открыв сумку, увидел книгу, которую дала Рано. Полистав, заинтересовался и погрузился в чтение.

События излагались просто и незатейливо, книга читалась легко, не было ощущения затянутых или ненужных сцен. Образ героини, талантливой актрисы Джулии Ламберт, выписан убедительно. Думаю, она никогда никого не любила. Даже собственного сына. Ее любовь – это водоворот страсти, гордыня. Она пожертвовала добрыми чувствами ради сиюминутной, животной страсти и в результате стала рабой низменных желаний. Она всегда лжет. Ложь стала для нее обычным делом, а жизнь – театральной сценой. Дочитав произведение, я не мог понять, что Моэм хотел сказать образом Джулии. Показал неверность и аморальность людей искусства?

А ее муж Майкл? Он не знает ревности. Ему безразлично, что его жена надолго остается наедине с посторонними мужчинами. Это потому, что он доверяет ей? А может, у меня не хватает ума, чтобы понять эту книгу? Но после прочтения у меня появилось стойкое чувство недовольства профессией Шарофат. Я уже не хотел, чтобы она стала артисткой. Поймет ли она меня? Мало ли таких, как Сабир, который сегодня назойливо нахвалялся Шарофат и не выпускал ее

руку из своей? Шарофат не похожа на Джулию! Но мне невыносимо даже то, что она взглянет на кого-то, кроме меня... Что же делать? Потребовать, чтобы бросила учебу в консерватории? Но она так мечтала поступить туда! Нет, я не могу этого сделать!

За чтением Моэма прошла вся ночь, я не заметил, что уже рассвело. Быстро умывшись, поспешил в университет. У двери встретил Рано.

– Ну как, понравилась книга?

– Хорошая книга, – скупо ответил я и, вынув книгу из сумки, вернул Рано, хотя впечатлений было масса.

Разговаривать с кем бы то ни было не хотелось. Снова сверлил вопрос: «Неужели и Шарофат?..»

Опомнился я в аудитории на лекции по философии

– Что с вами? – шепотом спросил Садык.

– Ничего, – ответил я, вопросительно глядя на Садыка.

– Вы дважды прокричали: «Нет, нет!» Даже преподаватель заметил. Вы в порядке?

Мне стало неловко. Не зная, что ответить, я открыл тетрадь, заметив, что ребята рядом тоже посматривают на меня.

* * *

Ночью я не сомкнул глаз, погружившись в омут воспоминаний. Перед глазами прошли последние восемь лет жизни. Встав, я почувствовал боль и онемение во всем теле, голова была тяжелой, оперированная нога ныла. Посмотрелся в зеркало: глаза красные, веки набрякшие. Сердце саднило. Я не хотел оставаться в кишлаке не то что на день – даже на час. Сердце влекло в Ташкент – там была Шарофат.

Когда утром я уезжал, мама, прощаясь, сказала:

– Ладно, сынок, если хочешь, приводи в дом эту колдунью. Я согласна.

Не поверив ушам, я уставился на маму.

– Сынок, раз ты так сильно любишь ее, женись! Я согласна, – повторила она.

* * *

В Ташкенте в первую очередь мне удалили из ноги металлический стержень. Потребовалось время, чтобы рана зажила. Теперь я мог обходиться без трости. Только после этого приступил к поискам Шарофат. Справиться о ней у ее родных я не решался – стыдился устроенного мамой в их доме скандала. Да и перед Шарофат не хотел предстать хромым, беспомощным, сломленным. В консерватории узнал, куда Шарофат получила направление – в одну из музыкальных школ Ташкентской области. Девушки из деканата рассказали, что Шарофат приглашали на работу в оперный театр, но она предпочла преподавание. Одна из девушек выразила недоумение:

– Как так? Надо быть круглой душой, чтобы отказаться от приглашения в театр! Да еще в какой – в оперный! С ее вокальными данными могла бы стать оперной звездой!

Другая ей возразила:

– Как ты можешь так говорить, Дила? Быть учителем – благородно. Я, например, в этом году хочу поступать в педагогический.

Девушки не знали, в какой именно школе работает Шарофат, и

посоветовали узнать об этом в облоно. Но начальник отдела кадров находился в отпуске, а работница отдела без разрешения руководителя не имела права давать какую-либо информацию о кадрах и посоветовала навеститься дней через пятнадцать, когда начальник вернется.

Я восстановился в университете и устроился корреспондентом газеты «Вечерний Ташкент». Дважды ездил в облоно, но начальник отдела кадров все еще не вернулся из отпуска.

Однажды Зухра-опа пригласила к себе в кабинет. Там были двое сотрудников радиостанции «Ешлик» – «Юность». Она поручила поехать с ними в 14-ю школу в Ташкентской области и подготовить статью о работе музыкального кружка. Оказывается, ученики этой школы заняли первое место на республиканском конкурсе юных певцов.

На следующий день я встретился с директором школы, которая рассказала, что таких успехов учащиеся добились благодаря стараниям молодой талантливой учительницы, окончившей в прошлом году консерваторию. Ребята – победители республиканского смотра-конкурса и собираются в ближайшее время в Москву на всесоюзный конкурс. Она сообщила, что учительница сейчас на уроке, как только он закончится, она придет в учительскую.

Я набрасывал вопросы к учительнице, когда дверь открылась и кто-то вошел. Что-то грохнуло на пол. Перестав писать, я посмотрел в сторону двери и вскрикнул:

– Шарофат!

Шарофат застыла, прислонившись к двери. Ее книги рассыпались по полу. Вскочив, я бережно усадил Шарофат на стул. Директор привела из школьного медпункта врача. Та накапала в пиалу лекарство для Шарофат, смочила комочек ваты чем-то резко пахнувшим и дала понюхать. Измерив давление и пощупав пульс, сказала, что у Шарофат нервное потрясение и ей обязательно надо отдохнуть.

Я побродил по школьному двору, а когда вернулся в учительскую, Шарофат уже окончательно пришла в себя. Я сел рядом. Она взяла меня за руки:

– Вы ли это? Не могу поверить своим глазам.

Она, как ребенок, залилась счастливым смехом...

Разве мог я вообразить, что встречу с Шарофат при таких обстоятельствах? Мне и присниться не могло, что она работает именно в этой школе! И Шарофат наверняка даже не предполагала, что я приду сюда. Видно, самой судьбой нам суждено было вновь соединиться.

* * *

С тех пор, как я узнал Шарофат, прошло восемь лет. Страдания ревности, подозрения и сомнения остались позади. Сегодня я безмерно счастлив. Мир вновь прекрасен.

Пьяный от счастья, я с нетерпением ждал рассвета. Наконец, проснулись и запели птицы. Когда я открыл окно, воздух, напитанный запахом зелени и цветов, пахнул в лицо. Как прекрасна жизнь! Я молитвенно сложил руки: «Господи, как я счастлив! Благодарю тебя за то, что вновь соединил меня с Шарофат!» Моя Шарофат ждала меня...

Мы гуляли по городу. Пошли в ее бывшее общежитие, спросили о

тете Тамаре, выяснилось, что в прошлом году она ушла на пенсию, а Гульноза работает в консерватории.

Мы пересекли мост и спустились к каналу. Прогуливаясь под тенистыми деревьями, пришли к тому месту, где частенько бывали пять лет назад. Камень, на котором мы тогда сидели, был на прежнем месте.

– Вот он, наш камень, – сказала Шарофат.

Я сел на камень, Шарофат присела рядом, положила голову мне на плечо. Над нами звонко запела птичка, ее поддержала другая.

– Вот он, твой соловей, Шарофат!

Шарофат посмотрела на птиц и взволнованно сказала:

– Я узнала их, узнала! Это те самые птички! Они помирились. Как это хорошо! Они верные!

– Ты еще вернее их, моя Шарофат! – ласково сказал я.

От счастья я не мог говорить. Молчала и Шарофат. В этот момент не нужны были слова – говорили наши сердца.

С наступлением сумерек вдоль дороги зажглись фонари, стало светло, как днем. Из парка и открытых окон домов доносилась музыка...

Взявшись за руки, мы с Шарофат направились к освещенной огнями широкой дороге.

Перевод с узбекского Галины Рахматулаевой.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУЗ). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Бозор ИЛЁСОВ

Переводоведение представляет собой комплекс дисциплин, изучающих переводные тексты различных стилей, является неотъемлемой частью общей филологии. Переводоведение возникло на стыке лингвистики и литературоведения и развивается на этой почве. Это значит, что теория перевода относится к интегральным областям исследования и обучения.

Литературоведение и наука о художественном переводе аналогичны по структуре (теория перевода, история перевода, критика перевода), однако не дублируют друг друга. У каждого из этих направлений есть свои цели и задачи, хотя объект исследования общий – художественный текст, оригинальный и переводной.

В чем же разница между оригинальным произведением и его переводом? Писатели и поэты создают свои произведения, основываясь на вымысле, рожденном в их жизненном опыте или возникшем в результате прочитанных произведений других авторов, исторического материала и т. д. Автор оригинала передает свое понимание и оценку реального или ирреального мира, свое идейно-эстетическое отношение к современной ему эпохе через образное слово. Значит, он зависим от своего замысла, который в процессе написания книги может быть неоднократно изменен, пока не сформируется ее окончательный (авторизованный) вариант. Переводчик же воспроизводит произведение, т. е. «воссоздает воссозданное» и зависит от мира образов оригинала. Подтверждение находим у чешского филолога И. Левого: «Цель переводческого труда – постичь, сохранить, передать подлинник (информацию), а не создать новое произведение, не имеющее прототипов; целью перевода является *воспроизведение*» (Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974, с. 90).

Однако это не означает, что, «воспроизводя», переводчик делает копию, – он творчески воссоздает произведение. Отсюда возникают такие экстралингвистические проблемы художественного перевода, как *стиль оригинала* и *стиль перевода*, *авторская концепция произведения* и *концепция переводчика*, *переводческая интерполяция*, *переводческая трактовка образов оригинала* и т. п.

Бозор ИЛЁСОВ. Родился в 1948 г. в Сурхандарье. Доцент, кандидат филологических наук. В 1972 г. окончил Ставропольский государственный пединститут, историко-филологический факультет. Заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Термезского университета. Автор нескольких монографий, учебных пособий и научных статей.

Отсутствие творческого подхода к воспроизведению художественного текста снижает качество перевода. Но это не следует понимать как оправдание непомерно вольного отношения к переводимому произведению, что обычно для создания *вариации* оригинала. Вариация тоже одна из версий исходного текста. Однако по своему содержанию она ближе к самостоятельному творению переводчика, чем к оригиналу. «Вариацией (от лат. *variatio* – изменение, перемена) вообще называется разновидность чего-либо, небольшое изменение или отклонение. Музыкальное произведение, танец и т. п., представляющие собой повторение и разработку основной темы в различных видоизменениях» (<https://kartaslov.ru/значение-слова/вариация>).

В отличие от вариации, адаптированного и других видов перевода, полноценный перевод – это произведение высокого искусства, воссозданное на материале другого языка соответственно иерархии поэтики другой – родственной или неродственной – культуры без всякого отклонения.

Тем не менее переводчик – человек своей эпохи. Его волнуют социальные, нравственные и эстетические проблемы современной действительности. У него есть высокие духовные интересы. Поэтому через перевод он старается выразить свое отношение к тем или иным явлениям действительности, сказать «что-то» читателям от себя. Мастера перевода реализуют это, применяя разнообразнейшие поэтические приемы (актуализации, компенсации, интерполяции). При этом они не допускают искажения авторской концепции произведения¹.

«Анализ переводческого метода и переводческой концепции» Иржи Левый относит к одной из главных задач исследователя истории литературы². Переводческая концепция проявляется в трактовке, интерпретации переводчиком системы образов исходного текста, в том, как они будут преподнесены читателям. Здесь переводчик может выходить за пределы переводимого текста, как поступают обычно сторонники слишком вольного перевода. Корней Чуковский приводит подобные факты: в 20-е гг. прошлого века некоторые переводчики мировой литературы на русский язык, один раз прочитав оригинал, закрывали его и начинали свой «перевод». Естественно, об адекватности такого «труда» оригиналу не могло быть и речи. В нем художественная концепция исходного текста³ полностью заменяется переводческой концепцией отраженной действительности. Для таких «переводчиков» оригинал выполняет функцию сырья для создания другого произведения. За исключением отдельных случаев, в современном переводческом процессе Узбекистана подобное не наблюдается.

В начале нового века в связи с развитием средств коммуникации, массовой информации в Узбекистане создавались благоприятные условия для переводов и их публикации. Журналы «Жаҳон адабиёти», «Шарқюлдузи», «Звезда Востока», «Тафаккур», газета «Китоб дунёси» и другие печатные издания стали публиковать переводы произведений с разных языков. Ценно и то, что в них регулярно появлялись статьи о качестве художественных переводов. Однако, как водится, теория в этой области отстаёт от практики.

Обратимся к некоторым примерам. Стихотворение Б. Пастернака «Зимняя ночь» переведено на узбекский Х. Давраном, М. Мирзаевым и М. Кушмаковым. Это лирико-эпическое произведение о любви входит в цикл Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго», включенный в одноименный роман автора.

1 См. об этом: Илёсов Б.А. Авторская концепция оригинала и мастерство перевода. – Тошкент, 1995, с. 48.

2 Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974, с. 222.

3 См.: Илёсов Б. Художественная концепция произведения и перевод. // Филология масалалари. – Тошкент – 2007 / 3 (16)-сон. – с. 7-11.

Сравним оригинальный текст и его переводы Х. Давраном и М. Мирзаевым:

Б. Пастернак:

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.¹*

(Хлопьями-хлопьями падал снег // Падал снег. // Свеча горела на моем столе, // Свеча горела).

Перевод Х. Даврана:

*Паға-паға қор еғарди,
Қор еғар эди.
Столимда шам енарди,
Шам енар эди.²*

Перевод М. Мирзаева:

*Рўйи замин чўмиб музга
Гувранарди.
Шам енарди стол узра,
Шам енарди.³*

(Вся земля, покрытая льдом, // шумела/издавала непонятные звуки. // Свеча горела на столе, // Свеча горела).

Ритмическое своеобразие оригинала определяет чередование четырех-стопных восьмисложных и двустопных пятисложных ямбических строк. В переводе Х. Даврана использованы восьми-, пятисложные строки бармака, как в оригинале. Вторая и четвертая строки перевода М. Мирзаева на один слог короче, чем оригинал: пятисложный бармак чередуется с четырехсложными строками. Это говорит о том, что ритм, размер стиха компенсирован обоими переводчиками почти без потерь.

В этом замечательном стихотворении Б. Пастернака о любви изображается противостояние невзгодам, бурям как внешнего, так и внутреннего мира. В контексте присутствует и два пространства: внутреннее – комната со всеми деталями (предметы, движения, краски, звуки), вне которой находится лирический герой, и внешнее (снег, метель, «серая мгла», хлопья снега), наблюдаемое лирическим героем со стороны.

Без сопоставления с оригиналом невозможно заметить, что «действия» в комнате (во внутреннем пространстве) происходят вне присутствия лирического героя, значит, вне его пространства, он все это наблюдает:

*На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья...*

В первом переводе конкретизация строки «Свеча горела на столе» притяжательным аффиксом **-им-** («Столимда шам ёнарди») изменяет контекстуальное значение слова исходного текста (ИТ), и обратный перевод звучит как «Свеча горела на **моем** столе» (так же и «Деразамга» – на моем окне). Это «незаметное» изменение приводит к смешению разных пространств исходного текста: теперь лирический герой, «оказавшись в комнате», становится субъектом действий («скрещенья рук, скрещенья ног...»). А это, в свою очередь, изменяет смысл подтекста оригинала. Поэтому перевод этой строки М. Мирзаева («Шам

1 Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. – М., Худ. литература, 1988, с. 420. (Далее цитаты из стихотворения Пастернака будут даваться по этому же изданию).

2 <http://kh-davron.uz/kutubxona/j/>; Другой вариант первой строки перевода: «Паға-паға қор еғарди...»

3 Пастернак Б. Шерлар. Стихи. – Тошкент: Ўзбекистон миллий кутубхонаси нашриети, 2015, с.14.

ёнарди **стол** узра») в данном случае более соответствует смыслу и поэтике ИТ.

Кстати, вспомним эпизод из романа «Доктор Живаго», являющийся архетипом стихотворения «Зимняя ночь»: «Лара любила разговаривать в полумраке при зажженных свечах. Паша всегда держал для нее про запас их нераспечатанную пачку... Комната наполнилась мягким светом. Во льду оконного стекла на уровне свечи стал протаивать черный глазок»¹ ... «Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи... «Свеча горела на столе. Свеча горела...» – шептал Юра начало чего-то смутного...»²

Здесь вырисовывается схема любовного треугольника «**Паша + Лара + Юра**». Двое – в комнате, в которой горит свеча. Третий – на улице. Он наблюдает комнату через «протаявшую скважину» во льду оконного стекла.

Любовный треугольник стихотворения скрыт в эпическом плане. В результате введения в перевод **-им-** – притяжательного аффикса узбекского языка – в некоторой степени ослабляется контрастность смыслов, на которой построен оригинал: третье лицо треугольника тоже как бы оказывается в комнате, создавая впечатление, будто он сам принимает участие во всем, что происходит там:

*...Скрешенья рук, скрешенья ног,
Судьбы скрешенья.
...И падали два башмачка
Со стуком на пол...*

Народный поэт Узбекистана Х. Давран пишет о процессе своей работы над переводами стихотворений Б. Пастернака следующее: «В течение многих лет пытался перевести на узбекский язык отдельные стихотворения Бориса Пастернака. Каждый раз, чувствуя, что не осилю этого, ожидал минуты вдохновения. Поверьте, созданы мной сотни черновиков перевода, особенно стихотворения поэта “Зимняя ночь”»³.

Несмотря на отдельные лексико-семантические упущения, без которых невозможно обойтись в процессе поэтического перевода, подвижнический труд переводчика не был напрасным: ему удалось сохранить идентичный оригиналу ритм стиха. Изобразительно-выразительные средства исходного текста нашли в переводе свои адекватные параллели, эквиритмичность и эквилинеарность, как один из критериев поэтического перевода, достигнуты. Сравнения, параллелизмы, градации переданы, можно сказать, безупречно. Сравните: «Как летом роем мошкара // Летит на пламя, // Слетались хлопья со двора // К оконной раме». Ср. с переводом: «Езда чивин ёприлгандек // Шамчироқ сари // Деразамга ёғиларда // Қор зарралари»⁴ [7]. *Мошкара* по-узбекски «*чивин*». В переводе М. Мирзаева сравнение звучит так: «Талпингандек парвоналар // Нурга бисер» (Как бабочки летят на свет непрерывно). В нем использовано слово «*парвона*» (бабочка). Да, и мошкара, и бабочки в темноте летят на свет, на пламя. Однако выбор Х. Даврана более приемлем, функционально более точен. Дело в том, что слово «*парвоналар*» (мотыльки) в поэзии сопровождается положительной коннотацией, в связи с чем, на наш взгляд, не подходит в качестве эквивалента к слову «*мошкара*». Номинации «снег», «холод», «лед», «ветер», «метель», «снежная мгла» в контексте стихотворения Пастернака наполняются символическим

1 Пастернак Б. Собрание соч. в 5 томах. Т. 3. – М.: Худ. литература, 1990, с. 80.

2 Там же, с. 82.

3 <http://kh-davron.uz/kutubxona/j>; Другой вариант первой строки перевода: «Пага-пага қор еғарди...»

4 Там же.

смыслом, как, например, слово «ветер» в известной поэме А. Блока. Можно и дальше продолжать сравнительный анализ нескольких переводов и исходного текста одного и того же оригинала для выявления полноценного перевода. Но даже пара примеров может продемонстрировать уровень художественности, адекватности перевода, мастерства переводчиков.

Мы не собираемся умалять значение других переводов творчества Б. Пастернака. Каждый новый перевод выполняет свою идейно-эстетическую функцию. Узбекский поэт Мирпулат Мирзаев был неутомимым тружеником перевода русской поэзии на узбекский язык. Только за 2015 год он издал четыре книжки узбекских переводов русских поэтов XX века Бориса Пастернака, Евгения Евтушенко, Анны Ахматовой, Андрея Вознесенского.

В поэтических переводах М. Мирзаева много достоинств. Он выбирает стихи, которые актуальны для современников и отвечают их вкусам. Однако иногда в его переводах можно обнаружить, во-первых, подбор лексических эквивалентов, соответствующих исходному тексту в номинативно-словарном значении, что подводит Мирзаева в процессе перевода, например, стихотворений поэтов модернизма, во-вторых, порой наблюдается чрезмерное отдаление от смысла исходного текста: «На озаренный потолок/ Ложились тени...»: «Со-ялари ўйнар шифтда // Кўп сирларнинг» (обратный перевод: «Танцуют на потолке тени // Многих тайн». Что за «тени тайн», к тому же «многих»? – Звучит туманно. К перечисленному можно добавить допущение алогизмов, присущих литературному течению абсурдизма, к которому нельзя отнести, например, поэзию Е. Евтушенко. Ср., оригинал: «Все мне кажется, будто по лесу // без тропинки ведешь меня ты...»¹ – перевод: «Менга туюлади, худди ўрмонда/ /сўқмоқсиз йўллардан бошляпсан сен».² (Мне кажется, что ты ведешь меня в лесу *по дорогам без тропинки*) и т. д., в исходном тексте этого нет. В переводе стихотворения Е. Евтушенко «Ты большая в любви...», построенного на контрасте, наблюдаются некоторые неточности в передаче паронимов. Например, в строке «Мы в дремучих цветах до пояса»³ выделенный нами эпитет передан как «мудроқ» (дремотный, сонный). Слова «қалин», «қуюқ», «зич»⁴ со значениями «густой», «плотный», в данном контексте могли бы быть более уместными.

Усмон Азим и Хуршид Давран перевели также стихотворение «Гамлет» (из цикла Бориса Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго»). Лейтмотив оригинала выражен в последней строфе:

*Я один, все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить – не поле перейти (с. 401).*

Лирический герой ищет правду, справедливость, а вместо них встречает лицемерие, ханжество, ложь – «фарисейство». Все предопределено, известен «конец пути» (догматика фарисеев).

В переводе Х. Даврана:

*Елғизман, атрофим ўраган елғон,
Йўл ўтмоқ эмасдир ҳает дегани.⁵*

(Я одинокий, окружен ложью, // Жизнь – это не значит дорогу пройти).

1 Евтушенко Е. Шеърлар. Стихи. – Тошкент: Миллий кутубхона нашриети, 2015, с. 4.

2 Там же.

3 Там же, с. 5.

4 Русско-узбекский словарь. В 2-х т. Т.1. – Т., 1988, с. 275.

5 <http://kh-davron.uz/kutubxona/j>: Другой вариант первой строки перевода: «Паға-паға қор еғарди...»

В переводе У. Азима:

Бир ўзимман. Дуне – риеда.
Яшаш офир умрни ҳалол.¹

(Я один. Мир – во лжи. // Прожить жизнь честно тяжело).

Жить, оставаясь человеком в мире, которым управляют актеры-фарисеи, невозможно: «Все тонет» в море лжи – и душа тоже. «Жизнь прожить – не поле перейти». Другой вариант этой поговорки: «Жизнь прожить – что море переплыть».² Оба переводчика интерпретируют смысл поговорки при помощи разных словесных образов: Х. Давран – близко к словарному наполнению ИТ, У. Азим несколько отдаляется от лексики ИТ и употребляет слово, отсутствующее в нем, но более точно отображающее душевное состояние лирического героя (Гамлета – Юрия Живаго), соответствующее внутреннему смыслу оригинала, смыслу подтекста: «Халол» – «честно». «Жизнь – это не значит дорогу пройти» – в интерпретации Х. Даврана (замена «поле» словом «дорогу» не произвол, а компенсация) акцент делается на сложности жизни. Во втором переводе это дается конкретнее: в мире фарисеев³, в котором закодирована оценка Пастернаком современной для него идеологии, прожить жизнь честно тяжело. Отличие в одном: если в первом переводе намек на сложность жизни в социальном мире лирического героя, то во втором – грустное утверждение, что в этом мире попираются честь и достоинство человека, что в нем честно (чисто) жить невозможно. Следует отметить, что в понятии-образе «фарисейство» скрыто многое: намек на дефицит в жизни искренности, на отсутствие взаимопонимания, доверия между людьми, на лицемерие, предательство иуд. Для воссоздания глубины художественной концепции оригинала оба переводчика с большим мастерством использовали изобразительно-выразительные возможности языка перевода. Например, во фразе «Дунё – риеда» выделенное слово вполне передает лексико-поэтическую функцию ИТ. Значит, переводчики вживаются в образы Гамлета, Юрия Живаго, Бориса Пастернака, иначе бы мы не имели высокохудожественных узбекских переводов данного стихотворения и вообще лирики одного из талантливых поэтов русской и мировой литературы XX века.

В приведенных узбекских переводах трактовка произведения не противоречит авторской концепции, идейно-эстетической основе ИТ, смыслу его поэтики. Такие переводы одного того же оригинала функционируют и будут функционировать в литературном процессе параллельно, на равных правах.

«Практически каждый переводчик, а в особенности переводчик поэзии, в большей или меньшей мере навязывают оригиналу свой стиль и тем самым свою трактовку произведения. Во всяком случае, переводчик не должен реализовать свою концепцию, все равно – идейную или эстетическую, – путем вмешательства в текст, сокращая или дополняя оригинал, ибо это уже не перевод, а обработка».⁴ Мастерство переводчика проявляется в тех случаях, когда свою оценку, трактовку образов и идей подлинника он дает не демонстративно, т. е. эксплицитно, а в намеках, имплицитно, чтобы не исказить авторской концепции произведения. Тогда переводимое произведение становится явлением принимающей литературы, развивая и обогащая духовный мир читателя.

1 <http://kh-davron.uz/kutubxona/j>; Другой вариант первой строки перевода: «Para-para qor egardil...»

2 Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Правда, 1987, с. 250.

3 Фарисеи. 1. Представители религиозно-политической секты в Древней Иудее, отличавшиеся показным, лицемерным исполнением правил благочестия. См.: Новый толковый словарь русского языка. (Электронный вариант).

4 Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974, с. 77.

СПЕЦИФИКА «ОБРАЗА АВТОРА» И АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ NONFICTION

Шахноза БЕРДИЕВА

В настоящее время все более возрастает интерес к «литературе факта», nonfiction, новому типу современной прозы: эссе, документальным повествованиям, философско-эстетическим трактатам, мемуарам и т.п., т. е. к документальной прозе, представляющей особый литературный жанр, для которого характерны построение сюжетной линии на реальных событиях, с редкими элементами художественного вымысла, использование специфических приемов композиции, специфическая роль образа автора.

Образ автора как литературоведческая категория – это не просто субъект речи, это концентрированное воплощение сути художественного произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого, одним из способов реализации авторской позиции в эпическом или лироэпическом произведении.

Впервые теоретическое обоснование образа автора было дано академиком В. В. Виноградовым. Именно он провел разграничение монологически повествовательной сферы автора и диалогической сферы героя, которые взаимодействуют и взаимопроникают. Согласно В. В. Виноградову, «образ автора является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазирующей личностью писателя и ликами персонажей»¹. В современном литературоведении проблеме образа автора посвящено немало исследований. Г. О. Винокур рассматривает этот образ как особую модель освоения действительности; М. Б. Храпченко указывает на условность и знаковость образа; Ю. М. Лотман исследует образы-мотивы, символы; Д. С. Лихачев рассматривает пространственно-временную форму образов; М. М. Бахтин – образы автора и героя.

Всякое повествование теснейшим образом связано с понятием «образ автора», так как, понятное дело, у любого текста есть свой автор. Проблему

Шахноза БЕРДИЕВА преподаватель кафедры русской и мировой литературы Термезского государственного университета. Автор 10 статей по проблемам современной литературы, в частности, документальной прозы.

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. М., 1971. С. 203.

образа автора в произведении нередко считают центральной проблемой науки о художественной речи. «Теория автора», или «образа автора», подробно разработана в исследованиях Б. О. Кормана, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова. По их мнению, автор обозначает, во-первых, писателя, реально существующего человека; во-вторых, некую концепцию, некий взгляд на действительность, выражением которого является само произведение. В-третьих, образ автора во многом обуславливает некоторые явления, характерные для определенных жанров и родов.

Разделяя их точку зрения, мы считаем, что за словом «автор» следует закрепить понятие термина, связанное с рассмотрением внутренней структуры произведения. Автор как эстетическая категория есть совокупность взглядов, концепций, поэтических средств, он крепко срастается со всеми образами произведения, является организатором смыслового единства его составляющих частей. По справедливому мнению М. М. Бахтина, размышления автора являются одной из важных составляющих произведения. «Автор произведения присутствует только в целом произведении, и его нет ни в одном определенном моменте этого целого содержания. Автор находится в том невыделенном моменте его, где содержание и форма сливаются»¹. Автор, по М. М. Бахтину, – это иерархически организованное явление, на базе которого можно выделить своеобразную триаду: биографический автор – первичный автор – вторичный автор. Под биографическим автором он предлагает понимать исторически реального человека, наделенного своей биографией. Этот автор находится за пределами науки о литературе. Под ним понимается субъект эстетической активности, это создающая, творящая сила. Вторичный автор, выявляющий себя в структуре и смысле художественного текста – понятие иерархическое. Внутри него сплетаются ряды, образованные авторским словом и авторской идеей. Вторичный автор близок к повествователю. Б. О. Корман предлагает различать «субъект речи», которым, как правило, является повествователь, и «субъект сознания», выражением которого является все произведение². Следовательно повествователь – это лицо, обозначающее первичный субъект речи, который выступает как представитель автора в рамках данного текста и имеет тот образ, который реальный автор пожелал ему придать.

Каждое художественное произведение, в частности произведения документальной литературы, конечно же, имеют своего автора, однако его зримое присутствие вовсе не обязательно, особенно в тех случаях, когда вместо автора выступает рассказчик, однако в этом смысле его эстетическая данность неотделима от писателя или поэта. Как утверждает Н. К. Бонещкая, «творческое наполнение мира произведения смыслами есть действие авторской активности». К такому заключению она приходит вслед за толкованием понятия «автор» как «системы приемов, стиливых средств, обеспечивающих цельноустроенность произведения: с одной стороны, это, безусловно, стиливые особенности, имеющие отношение к конкретному произведению, с другой – образ автора следует искать и в смысловой сфере»³. Образ автора она

1 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 36.

2 Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б. О. Корман // Пробл. ист. критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981. – с. 40-41.

3 Бонещкая Н. К. Образ автора как эстетическая категория / Н. К. Бонещкая // Контекст. 1985. М.: Наука, 1986. С. 15-24.

расценивает как «внутреннюю личность» создателя произведения. В литературоведении иногда наблюдается подмена таких понятий, как «автор», «образ автора», «авторская позиция», и это приводит исследователей к убеждению, что присутствие образа автора в художественном произведении не зависит от субъективных намерений писателя. «Позиция автора» – понятие гораздо более идеологизированное, чем понятие «образ автора», оно на содержательном уровне приближено к мировоззрению писателя, реализующего свое понимание мира и человека.

Согласно мнению Г. И. Федорова, «вся поэтика автора, все разнообразные формы авторского присутствия в произведении зависят от того, какие взаимоотношения складываются между художником (с определенным типом мышления) и героем (определенного психологического типа)»¹. Он считает, что автор отдает свои функции, свою роль повествователю, рассказчику. Образ автора хронотопирует художественное целое во временную, пространственную, структурно-уровневую организации текста и, по мнению ученого, является смысловым центром и единством всех частей конкретного сочинения; активная же воля, которая идет извне, принадлежит художнику. Образ автора является организатором, «координатором идеологической сути целого, призванным обеспечивать стилистико-смысловое единство всех составляющих текста»². Действительно, автор как творец произведения очень близок образу автора, потому что он выражает собственное отношение к изображаемому, осмысливает и оценивает происходящее. Особенно характерно это для литературы nonfiction, где статус «образа автора» предопределяется затекстовым лицом, автором произведения полностью.

Важна проблема «читатель-автор», которая решается литературоведами по-разному. Некоторые абсолютизируют читательскую инициативу, некоторые, напротив, пренебрегают мнением читателя. Так А. А. Потебня считает, что содержание словесно-художественного произведения «развивается уже не в художнике, а в понимающих». Он утверждал, что «заслуга художника не в том *minimum*'е содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа», способного «возбуждать самое разнообразное содержание»³. Из сказанного следует, что возводится в абсолют творческая (созидательная) инициатива читателя.

Литературовед А. П. Скафтымов подчеркивал зависимость читателя от автора: «Сколько бы мы ни говорили о творчестве читателя в восприятии художественного произведения, мы все же знаем, что читательское творчество вторично, оно в своем направлении и гранях обусловлено объектом восприятия. Читателя все же ведет автор, и он требует послушания в следовании его творческим путем. И хорошим читателем является тот, кто умеет найти в себе широту понимания и отдать себя автору»⁴.

Безусловно, читателю важно помнить об исходных, однозначно ясных художественных значениях и смыслах, идущих от автора, от его творческой воли. Некоторая категоричность мнений преодолевается герменевтически

¹ Федоров Г. И. Художественный мир чувашской прозы / Г. И. Федоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1996. С. 44.

² Там же.

³ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976 – с.181-182.

⁴ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. – Саратов, 1994. – с.142.

ориентированным литературоведением, которое понимает отношение читателя к автору как диалог, собеседование. Литературное произведение для читателя – это одновременно и «вместилище» определенного круга чувств и мыслей, принадлежащих автору и им выражаемых, и стимулятор его собственной духовной инициативы и энергии. По словам Я. Мукаржовского, единство произведения задано творческими намерениями художника, но вокруг этого «стержня» группируются «ассоциативные представления и чувства», возникающие у читателя независимо от воли автора¹.

Мнение весьма убедительное, подчеркивающее значимость «образа автора» в документальных произведениях. Согласно мнению В. В. Виноградова, образ автора складывается из языковых особенностей текста, которые составляют его индивидуальную принадлежность, являются авторскими, и основным определителем образа автора служит отношение его к теме². Именно языковыми средствами выражается авторское отношение к изображаемому. На содержательном уровне это выражается через семантические доминанты и особенности мотивной структуры. Выявление характеристики авторской модальности возможно при анализе заглавия, ключевых слов, имен собственных, ремарок художественного произведения. А. Б. Есин использует термины *авторская позиция*, *авторская оценка* и даже *авторский идеал*. Последнее определяется как «представление писателя о высшей норме человеческих отношений, о человеке, воплошающем мечты автора о том, какой должна быть личность»³. Понятие авторского идеала как бы перерастает границы текста и приближается к понятию авторская картина мира. В рамках данного понятия художественное произведение определяется как метафора авторского видения мира и человека в его эмоциональной оценке⁴. Творчество автора, направленное на читателя, предполагает определенную прагматическую установку – воздействие автора текста на характер интерпретации текста читателем. Прагматика автора может сталкиваться с прагматикой текста (требования стиля и жанра), что обуславливает необходимость рассмотрения своеобразия «образа автора» в произведениях различных жанров, т.к. предполагается специфика, обусловленная законами жанра⁵.

Образ автора вбирает все компоненты смысла, формирующие у читателя представление об авторской картине мира и его позиции, идее по отношению к проблематике произведения, прагматической установке, что выражается в идиостиле писателя. В литературе nonfiction важное значение при этом имеет выбор документального материала, не только его подача.

Образ автора в художественном произведении может быть выявлен на поверхностном и глубинном (смысловом) уровне. Поверхностный уровень предполагает те компоненты текста, где читатель может понять авторскую позицию без привлечения дополнительных фоновых знаний, где автор «напрямую» говорит со своим читателем, выбрав нужный ему тип повествования: повествование от первого или от третьего лица.

Автор-рассказчик строит повествование как беседу с читателем,

1 Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. – М., 1998. – С.219 – 240.

2 Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М., 1971. – С. 203.

3 Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие. – М., 2000. – С. 38.

4 Латкина Т. В. Языковая картина мира автора // Современные проблемы науки и образования. – Филологические науки, 2010. – №5, с.39-44.

5 Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. – М., 2003. – С. 14-15.

вступает в диалог с героями, выражает свое отношение к происходящему. Герой-рассказчик принимает участие в событиях. Рассказчик, не являющийся героем, сам служит предметом изображения, он отдельная фигура, персонаж. Его рассказ характеризует не только других персонажей и события, но и его самого.

На поверхностном уровне присутствие автора эксплицитное, легко интерпретируется, не требует от читателя привлечения дополнительных знаний, позиция автора легко «считывается» на основании обращения к анализу заглавия, эпиграфа, авторских примечаний, комментариев, предисловия, послесловия.

На глубинном уровне эксплицитные средства выражения авторской позиции обретают свой смысл только в определенном контексте (в контексте художественного дискурса или определенной культурной модели).

Основными формами повествования от первого лица выступают следующие:

- герой-рассказчик – активно участвует во всех событиях, которые происходят в произведении;
- автор-рассказчик – моделирует коммуникацию с читателем в форме диалога, в самом произведении автор вступает в диалоги с героями, открыто выражает свое отношение к происходящему;
- нарратор, который героем не является. Для данного вида повествования свойственна открытая характеристика персонажей и событий.

Повествование от третьего лица может быть представлено следующими типами:

- авторское повествование – автор растворен в тексте, его главной целью является придание повествованию максимальной объективности, объемности;
- несобственно-авторское повествование, при котором повествователь как бы вбирает в себя речь персонажа, автор стремится передать эмоции и чувства героя;
- несобственно-прямая речь, при которой, наоборот, речь героя полностью поглощает голос автора.

Следует отметить, что при анализе текста разграничить несобственно-авторское повествование и несобственно-прямую речь достаточно трудно.

Таким образом, можно сделать вывод, что любой художественный текст всегда создается автором – реальным человеком, писателем, который в той или иной форме всегда присутствует в тексте. Основными формами присутствия автора являются авторская позиция, прагматические установки, особенности идиостиля. Кроме того, репрезентация автора может быть поверхностной или глубинной, выраженной посредством повествования от первого и третьего лица. Присутствие автора в тексте, личность автора неизменны. Следует обозначить несколько его аспектов:

- биографический автор имеет к художественному тексту отношение как создатель, реальное лицо с определенной судьбой, биографией;
- автор как субъект художественной деятельности, творческого процесса, присутствующий в творении. Он подает и освещает реальность, осмысливает и оценивает её, как носитель речи внутри художественного текста;

– повествователь – может быть приближен к автору или дистанцирован от него. Это косвенная форма присутствия автора, который осуществляет как бы посредническую функцию между миром своего текста и читателем.

В документальной литературе целостность повествовательной структуры обусловлена, как и в других художественных текстах, присутствием автора, который в соответствии со своими творческими задачами организует художественную реальность. Как ни велика бывает власть документа, он не может и не должен обезличить писателя. Хотя писательская индивидуальность в документальном произведении порой выступает своеобразно: то на первом плане, то будто растворившись, уступая место героям и фактам. Однако документ не убивает творческое «я», не сковывает творческих возможностей, не обедняет художественных средств, хотя в документальной прозе роль автора сведена к минимуму. Он лишь организует материал, выбирает самые характерные факты, выступает как звено между двумя мирами: миром факта и рассказчика и миром слушателей. Выбрать факт, записать рассказ, пропустить их сквозь себя, дать импульс читателю к нужному пониманию – такова роль автора.

Именно авторскому замыслу, его философии и мировоззрению подчинены и выбор документального материала, и его подача, и весь художественный текст в целом.

Таким образом, в документальной прозе функции автора не сводятся к протоколированию и дословному воспроизведению факта. Факты, включенные в повествование, проходят эстетический отбор и приобретают способность выражать определенную авторскую идею.

В литературе nonfiction наблюдается максимальное сближение автора и его героя, они вместе входят в описываемое действие, воспринимая его не со стороны, а изнутри.

Составленное из отдельных судеб реальных людей, из достоверных деталей и подробностей, фактов, произведение nonfiction имеет особую композицию: внешняя фрагментарность изображения предполагает внутренние смысловые связи, благодаря которым в сознании читателя формируется целостная картина. Внутренней связью, обеспечивающей единство произведения, является авторская концепция, соединяющая индивидуальные судьбы героев. В связи с этим особое значение приобретает анализ важнейших принципов отбора материала, которыми руководствуется писатель. Вполне уверенно можно сказать, что произведения nonfiction отличает особая авторская активность, ярко выраженная индивидуальность, приоритет авторской субъективности.

Татьяна СЕДУХ

ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ ДЖАЗА

К 80-летию со дня рождения Игоря Сасса

*О Музыка, награда, плод таланта!
Затих оркестр и...зачарован зал,
Вконец плененный даром музыканта.
Игорь Сасс*

Игорь Михайлович Сасс (Межлумов – 04.06.1940 – 20.03.2015) – личность многогранная, в жизни и творчестве которой органично соединились музыка, поэзия и ремесло. Талантливый музыкант, лингвист, опытный педагог, мастер лозоплетения, обладающий тонким художественным вкусом, большой знаток и ценитель джаза, он прививал своим воспитанникам любовь к музыке и созидательному труду.

Родился И. Сасс в Андижане, трудное детство определило первоначальный выбор рабочей специальности. В 15 лет он поступил учиться в Андижанское ремесленное училище, приобрел специальность слесаря и проработал шесть лет по ремонту промышленного оборудования, самостоятельно занимался радиоремонтом. Позже более 20 лет он преподавал уроки технического труда (столярное дело, лозоплетение) в одной из общеобразовательных школ Ташкента, даже написал учебное пособие («Ручное плетение») по искусству плетения мебели и предметов домашнего обихода.

Но главным его увлечением была музыка, с детских лет она звучала в его душе. Особенно привлекала скрипка с её чарующей магией нежного, возвышенного звучания. В 1958 году он поступил учиться в Наманганское музыкальное училище по классу скрипки, там освоил скрипку-альт и аккордеон, в 1960-1964 годах продолжил учебу по специальности «скрипка» в Ташкентском государственном музыкальном училище имени Хамзы Хаким-заде Ниязи в классе опытного педагога Изы Ширина, а после окончания работал педагогом в детской музыкальной школе, вдохновенно приобщая учеников

Татьяна СЕДУХ. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию им. Мухтара Ашрафи по классу фортепиано, доцент кафедры музыкально-теоретических дисциплин Государственного института искусств и культуры Узбекистана. Автор ряда научных и методических статей в республиканских и зарубежных изданиях.

к искусству импровизации, произведениям любимых джазовых дорогих его сердцу композиторов Джорджа Гершвина и Гленна Миллера.

Активная музыкальная жизнь Ташкента 1960-х годов привлекала молодого музыканта. В 1968 году в Узбекистане прошел первый джазовый фестиваль (Фергана) с участием Сергея Гилёва и других музыкантов, с которыми у И. Сасса началась многолетняя дружба. Регулярно слушая и «впитывая» игру выдающихся джазовых музыкантов Узбекистана (Виктор Коптевский – труба, Лев Сухов – ударные, Шавкат Исамбаев – кларнет, саксофон, Игорь Дорфман – скрипка и др.), он сам участвовал в концертной деятельности разных кружков, клубов, играл на скрипке и аккордеоне. Диапазон исполняемого репертуара широк – от народных песен, частушек до классических произведений и джаза.

Окончив заочно Ташкентский государственный институт иностранных языков, в 2000-х годах на протяжении полутора лет он путешествовал по разным штатам и городам США. Слушал и играл джаз с американскими музыкантами. Это помогло ему познать орнаментику и философию джаза.

Компетентный лингвист и музыкант, Сасс на протяжении многих лет писал стихи, выражающие философию его души, жизни, поэзию джаза. Музыка проникала в стихи, отражая темперамент, ритм, пульс, дыхание джаза. Слово «Музыка» всегда у него с заглавной буквы, подчеркивает особое эмоциональное состояние.

В 2006 году вышел его сборник стихотворений под названием «Модуляции». Глубокий смысл заложен уже в названии сборника, изданного издательско-полиграфическим творческим домом имени Чулпана. Термин «модуляция» в музыке означает переход из одной тональности в другую, перемены. Интересно, что Сасс подходит к понятию «модуляция» с философской точки зрения: джазовая импровизация – это переход из одного эмоционального состояния в другое. Сасс раскрывает модуляцию так же, как переход из одного времени года в другое: «Навруз», «Осень», «Зима», «Весна» – природы фестивали. Изменения высоты и тембра голоса придают речи и пению выразительность, раскрывая философию поэзии джаза.

Не случайно сборник начинается стихотворением «Навруз» (пробуждение природы). Стихотворение воспринимается как своеобразное отражение романтической мечты И. Сасса, его взглядов на мир, принципов и художественной позиции.

Обращаясь к личности и творчеству, к многогранной человеческой судьбе Игоря Сасса, следует отметить, что все разнообразные грани этой творческой личности неизбежно вели к философии джаза, осмыслению его мировоззренческой сущности. Из всех форм многогранной деятельности И. Сасса скрепляющей и соединяющей является джаз. К созданию стихотворений его подтолкнул и вдохновил джаз эпохи свинга 1920–1930 годов, мелодическая красота блюза, произведения Гленна Миллера, Джорджа Гершвина.

Любовь Игоря Сасса к джазу нашла отражение в его художественном ремесле, где можно обнаружить элементы джазовой семантики. Жизнь каждого человека направлена на творческое созидание. В этом отношении благодаря креативности мышления Сассу удалась джазовая импровизация.

Обширный, открытый по характеру, Игорь Сасс углубленно изучал

и постигал особенности вокального джаза, это обусловило написание стихотворений, посвященных джазу. В частности, в одном из них («Ташкентский джаз») выразилось восторженное отношение к этому виду искусства.

Размышляя о творческом пути Игоря Сасса, постигаешь его концепцию мира, глубину духовной жизни джазового музыканта, мыслителя, гражданина, беззаветно любящего свой Узбекистан.

Ташкентский джаз

Скорбит и празднует под музыку народ,
 Но джаз – Король звучащего блаженства,
 И музыкантом здесь просчитан каждый ход,
 Нет мастерству его предела совершенства.
 Родился в Новом Орлеане, далеко.
 И в наших жизнях без прописки поселился.
 Был запрещен, и все же глубоко
 Нам в плоть вошел и с нашей кровью слился.
 Ташкентский джаз звучит уж много лет,
 Какая преданность призванию, таланту!
 Не злата ради – он рождает духа свет,
 Импровизаций блеск, что ярче бриллиантов.
 Великий джаз людей преобразил:
 Вглядитесь в лица – добротой сияют,
 Ритм вдохновенный трепет пробудил,
 Глаза искрятся, и душа орлом взмывает.
 Страдает в голос нежным блюзом саксофон,
 И контрабас за ним сочувственно вздыхает.
 Труба, кларнет, рояль и с ним тромбон
 Слились, в потоке сладком, словно тают.
 Приди, послушай, отдохни часок душой,
 Как можно жить без джазовых прелюдий?!
 Взгрустни о юности, что снова пред тобой.
 Джаз не приходят слушать злые люди.
 Здесь молодой и старый возрастом равны,
 Самозабвенно музыкант своё играет,
 А слушатель под пение трубы
 С солистом в грёзах ярких уплывает.
 Кролл Анатолий джаз Ташкента украшал,
 Узбекистан Малахов Алик славил,
 Сергей Гилёв тогда лишь только начинал,
 Ну а потом глубокий в джазе след оставил.
 И слава тем, кто воскрешает снова джаз,
 Традиций пламя раздувая с новой силой!
 Ласкают слух наш, будят ритмы в нас,
 И мы хотим, чтоб это вечно было!

УЗБЕКСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ А. АХМАТОВОЙ

Мустафа БАЙЭШАНОВ

Лауреат нобелевской премии Иосиф Бродский в своей торжественной речи в Стокгольме в 1987 году, обращаясь к присутствующим, сказал: «Я смущаюсь перед людьми, которые, будучи достойными этой премии, ее не получили». В ряду более достойных писателей он назвал А. Ахматову [Горенко (1889–1966)]. Как известно, родилась она в пригороде Одессы в интеллигентной семье. Получила блестящее образование. С пятилетнего возраста уже говорила по-французски, а в одиннадцать написала свои первые стихи. Впоследствии в качестве литературного псевдонима выбрала фамилию своей бабушки по линии матери. Бабушка была из рода Ахмада – одного из правителей Золотой Орды. В дальнейшем все свои произведения одаренная поэтесса издавала под этим псевдонимом. Начало войны 1941–1945 годов она встретила в Петербурге, впоследствии была эвакуирована в Узбекистан. Здесь создала замечательный цикл. В годы пребывания в Узбекистане она побывала в таких старинных и вечно молодых городах, как Самарканд, Бухара, Чарджуй и др. Эти города, известные архитектурными памятниками, талантливыми людьми, градостроителями, великими полководцами, писателями и поэтами, произвели на нее огромное впечатление. В Ташкенте она жила по соседству с Абдуллой Каххаром, познакомилась с Халимой Насыровой, о которых Анна Ахматова многократно отзывалась как о самых талантливых людях.

Творчество Анны Ахматовой объемно и многогранно. Творчество ташкентского периода условно можно разделить на четыре тематических цикла. Это стихи о войне, размышления о сущности творчества, стихи о прошлом и настоящем Востока. Большинство ее произведений этого периода посвящены теме войны. В них проступает закономерное, общечеловеческое начало – Мы...

А. Ахматова трепетно относилась к родной русской речи, понимая, что, сохраняя звучание родного слова, можно сохранить государственность и обеспечить преемственность его, ценность для других поколений.

В Ташкентский период своей жизни она часто выступала перед любителями поэзии. Читала свои стихи в военных госпиталях, на заседаниях литературных кружков, клубов. Стихи из ее уст звучали великолепно, читала она, соблюдая все литературные каноны, производя на слушателей неизгладимое

Мустафа БАЙЭШАНОВ. Родился в 1952 г. Окончил Ивановский государственный университет. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры «Русского языка и литературы» Гулистанского государственного университета.

впечатление. Прослушав ее стихи, многие, проникшись чувством патриотизма, добровольцами отправлялись на фронт, таких примеров было много. Читатели с энтузиазмом восприняли ее стихотворения «Мужество», которым начинается поэтический сборник «Избранное», выпущенный в 1943 году.

В творчестве А. Ахматовой этого периода особое место занимает тема преемственности памяти, размышления о сущности творчества:

В творчестве ташкентского периода А. Ахматова воспроизводила жизнь в ее подробностях: здесь и высота азиатского неба, и светлая земля, подарившая человечеству великих людей, и ощущение вечности.

Яркое, неизгладимое впечатление произвели на поэтессу восточный колорит, города, базары с их экзотикой, бойкой торговлей. С восхищением она наблюдает за редкой красоты импровизацией дутариста. Здесь всё было ново: и гадальщики, придававшие своим лицам важность, и перепелиные бои, собирающие огромное количество зрителей.

Она гуляла по узким улочкам, знакомясь с узбекскими дворниками из старой махаллы, воочию видела цветущие и плодоносящие сады, духмяную джиду и огромные тополя, виноградные лозы и благоухающую сирень, маки на глинобитных крышах домов, журчащие арыки. С благодарностью вспоминает она, как в одном из таких домов ее встретили дружелюбные люди узбекским дастарханом с подносами, наполненными урюком и изюмом...

Все увиденное напомнило ей арабские народные сказки «Тысяча и одна ночь».

Узбекская певица Халима Насырова стала для нее олицетворением Востока. Своеобразный тембр голоса актрисы помог ей создать самые разнообразные сценические образы, отразить разнообразие характеров героев. Своеобразие восприятия жизни, романтический настрой позволяли ей создавать запоминающиеся художественные образы. Созданные ею сценические образы Лайли, Гулсары, Зухры, Майсары, Кармен – образы высокого мастерства, подлинного артистизма и вдохновения произвели на А. Ахматову огромное впечатление.

В ее лирике явственно проступает восточная тема, воссозданы образы талантливых людей:

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленьё
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье...

После освобождения Петербурга А. Ахматова уезжает в свой родной город, но в ее лирике Узбекистан, Ташкент, Самарканд, Восток и его люди занимают особое место. Поэтесса называет своими, оставшимися в душе, звездное небо Узбекистана, открытых и приветливых людей:

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках...

Узбекский народ, его земля А. Ахматовой эмоционально восприняты как нечто близкое и родное.

ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Наргиза ИСМАТУЛЛАЕВА

Фразеологизмы возникают в языке в результате наблюдения природных и социальных явлений, процессов, действий, происходящих в жизни народа. Помимо универсальной фразеологии, отражающей общность народов мира, у каждого народа имеется своя уникальная национальная система фразеологизмов, основанная на собственном мировоззрении и национальной культуре. В отличие от универсальных фразеологизмов, переводить национальные, специфические фразеологизмы намного сложнее. Именно эта особенность порождает фразеологическую лакунарность. Способы элиминирования фразеологических лакун в переводе существенно отличаются от лексических лакун.

Вопросы элиминирования фразеологической лакунарности изучены недостаточно. Немного исследований по переводу фразеологических эквивалентов. Выявив фразеологические лакуны при сравнении двух языков, необходимо определить, какому типу лакунарности фразеологизмов они соответствуют.

Фразеологические словари (даже двуязычные) помогают переводчику подобрать более удачные функциональные альтернативы фактически используемым идиоматическим выражениям, пословицам или поговоркам¹.

Толкование фразеологии в словарях разное. Это либо опосредованные описания отдельных слов, либо толкование фиксированных фраз и фразеологизмов как отдельных словарных единиц. Размещение таких единиц в словарях и просмотр их в отдельных словарных материалах вместе со словом совершенно уместно и очень удобно для пользователя словаря.

Однако двуязычные словари не всегда предоставляют четкий эквивалент фраз, а иногда и не объясняют фразеологизмов в достаточной степени.

Польский ученый Я. Шершунович, первым применивший в своей работе словосочетание «фразеологическая лакуна (пробел)», предлагает следующие способы перевода фразеологизмов для устранения фразеологических лакун:

Наргиза ИСМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1985 г. в Ташкенте. Докторант магистратуры Ташкентского государственного института востоковедения. Автор более 40 научных статей и тезисов, монографии, словаря. В соавторстве изданы переводы и одно учебное пособие.

¹ Флорин С. Необходимое пособие// Мастерство перевода, № 8. – Москва, 1971, с. 344.

1) дословный перевод; 2) внесение новизны; 3) замена; 4) опускание¹.

В исследованиях по теории перевода отмечается, что существует четыре способа перевода фразеологизмов (Л. Бархударов, В. Комиссаров, А. Фитерман, Т. Левицкая, О. Петрова и другие):

- 1) сохранение образа без изменений;
- 2) частичное изменение образа;
- 3) замена образа совершенно другим образом;
- 4) несохранение образа полностью в переводе или опускание его².

В отличие от приведенной выше классификации, предлагается другой способ перевода фразеологизмов с одного языка на другой в работах К. Мусаева³. По его словам, состав компонентов единицы на языке оригинала, грамматическая структура и эквиваленты, соответствующие семантической и методологической функции, переводятся методом кальки и образно, с альтернативами со схожей смысловой и методологической функцией, но отличающимися другими свойствами.

В работах Ш. Сирожиждинова рекомендуется изучать фразеологизмы в оригинале в трех аспектах, прежде чем переводить их на язык перевода: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) несоответствие (или несовместимость)⁴.

Объект нашего исследования – несоответствие, то есть лакунарность, полное отсутствие эквивалентов исходного фразеологизма в языке перевода и наличие в реалии безэквивалентных лексических единиц, присущих исходному языку.

Исследовав проблему на примере переводов с китайского и узбекского языков, мы предлагаем следующие методы элиминирования фразеологических лакун в китайских и узбекских переводах:

- 1) передача одним словом или словосочетанием;
- 2) калькирование;
- 3) описательный перевод (экспликация);
- 4) добавление информации;
- 5) опускание.

1. Передача одним словом или словосочетанием

Идиомы, относящиеся к фразеологизмам, по сути эквивалентны одному или двум словосочетаниям. Метод выражения именно одним или двумя словами применим для заполнения лакунарности, проявляющейся при сравнении фразеологизмов двух языков. Хотя применение такого метода в какой-то мере подрывает стилистику художественной картины, но функционально служит сохранению содержания.

Отсутствие эквивалентного или альтернативного выражения в узбекском языке создает лакунарность.

2. Калькирование

Если внутреннее содержание и образная основа фразеологизмов в языке оригинала имеют логическую основу, и эта основа четко видна и

1 Szerszunowicz J. Phraseological Gaps as a Translation Problem. Research on Phraseology accross Continents. University of Bialustok Publishing House, Bialystok, 2013, с. 339.

2 G'ofurov I., Mo'minov O., Qambarov N. Tarjima nazariyasi. – Toshkent: Tafakkur bo'stoni, 2012, с. 157.

3 Мусаев Қ. Таржима назарияси асослари. – Тошкент: “Фан” нашриёти, 2005, с. 102.

4 Сирожиждинов Ш., Одилова Г. Бадиий таржима асослари. – Тошкент: MUMTOZ SO'Z, 2011, с. 101.

создана на основе жизненного опыта людей, такой фразеологизм переводится несколькими способами, и в этом случае в языке перевода воссоздаются не только семантические и стилистические особенности соответствующего фразеологизма, но и национальная идентичность, социокультурные особенности.

Таким образом, соединение, образованное в языке перевода, приобретает образную форму и, если оно звучит естественно, то может отражать предполагаемое значение и стилистическую функцию. В этом случае обеспечивается не только адекватность, но и возможность пополнить словарный запас переводимого языка¹.

Не исключены фразеологические заблуждения, значение которых не выводится напрямую из значений составляющих его компонентов, а также другие выражения, отражающие национальный характер народа, которому они принадлежат. Он содержит названия этнографических понятий, лексических и семантических архаизмов, а также фразеологизмов, использующих слова, относящиеся к истории нации, жизни народа, его религии и верованиям².

3. Описательный перевод (экспликация)

Иногда невозможно перевести определенный фразеологизм с помощью эквивалентов, альтернатив или калек. В таких случаях переводчики неизбежно прибегают к описательному методу переводческой практики, в котором значения единиц объясняются с помощью свободных фраз.

4. Добавление информации

По данным анализа переведенных материалов на китайский и узбекский языки, использование метода добавления переводчиком информации при устранении фразеологических лакун также является довольно частым и эффективным. Информация к переводу может быть добавлена в виде слова, фразы или даже предложения. Отличие этого метода от описательного заключается в том, что объяснение фразеологизмов для эффективного перевода можно найти в двуязычных или аннотированных словарях. В методе добавления данных интерпретатор добавляет приемлемое сообщение в соответствии с контекстом текста. Это, в свою очередь, облегчает читателю усвоение информации, даже если это как-то влияет на стиль автора.

5. Опускание

Метод опускания – это исключение фразеологической лакунарной единицы из переведенного текста. При использовании этой техники неизбежны потери перевода. Однако в некоторых контекстах исключение данной лакунарной фразы обусловлено тем, что перевод выражения вызывает проблемы из-за его сложной природы.

В заключение следует отметить, что устранения фразеологических лакун в переводах возможно не только одним из перечисленных способов, но и сочетанием нескольких способов одновременно, которые дополняют друг друга. Например, описательный перевод + метод добавления информации и т.д.

1 G'ofurov I., Mo'minov O., Qambarov N. Tarjima nazariyasi. – Toshkent: Tafakkur bo'stoni, 2012, с.199.

2 Там же, с.200.

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Елена КАМИНСКАЯ

Рассказ Назара Эшанкула «Человек, ведущий обезьяну» (в переводе Камиловой С. Э. рассказ был опубликован в журнале «Звезда Востока» № 8, 2015 г.), продолжает традиции зарубежной и русской литературы, затрагивающие тему живописного искусства («Портрет» Н. В. Гоголя, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уальда, «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева, «Черные доски» Вл. Солоухина и др.), на что указывает Лепяхин В. в статье «Икона в русской художественной литературе» (М.: Отчий дом, 2002).

Рассказ четко делится на две части, что обусловлено концепцией писателя. Два мира – старость и молодость, а также сопутствующие им мотивы жизни (рождение и смерть). Человек входит в мир, исполненный надежд, несокрушимо верящий в себя и свои силы. Энергия молодости не имеет границ. Молодости не свойственно состояние сомнения и неуверенности, страха перед ошибками. Самое главное достоинство молодости в том, что в ней нет старости, нет опыта. Поэтому есть желание действовать, испытывать новые ощущения, бросаться из одной ситуации в другую без страха и размышлений. Человек входит в мир, обладая множеством талантов, и у него есть все, чтобы их реализовать, и главное в этом процессе – внутренняя энергия.

Две картины художника в структуре повествования – две системы координат. На первой картине изображен человек, который выходит из леса, держа на цепи обезьяну. Человек молод, его жизнь только начинается. Его взгляд устремлен вперед, в будущее. На другой картине человек идет в обратную сторону. Только теперь он не ведущий, а ведомый. Обезьяна ведет старика на поводке. Жалкое зрелище: старик сгорблен, удручен безнадежностью и беспросветностью ситуации. Молодость – старость, начало жизни и ее конец, восход солнца и его закат. Все, что в молодости казалось светлым, постепенно окрашивается в темные тона. Следуя этой нехитрой смысловой цепочке, мы в конце концов приходим к таким же нехитрым и довольно прямолинейным выводам.

Мечтам молодости не суждено было сбыться. Человек повержен в пучину старости и физически, и морально. Старость – закономерный итог молодости и ее полная противоположность. Старость – наказание за молодость.

Елена КАМИНСКАЯ. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Окончила НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей по проблемам русскоязычной литературы в Узбекистане.

Два главных движения совершает в своей жизни человек – он смотрит вперед и оглядывается назад. В первом случае он видит то, что подсказывают ему его чувства, его воображение: ему свойственно мечтать, строить воздушные замки. В старости, когда уже нет возможности что-либо изменить или доделать, человеку остается только созерцать. На смену мечтателю, деятелю (в молодости) приходит мыслитель, философ (в старости).

Образ старика в рассказе столь неприглядный, что кажется исключительно отрицательным. Злобный, уродливый, источающий зловоние, неприязненно относящийся к окружающим, не проявляющий ни благодарности, ни приветливости. Он скуп и озлоблен и в конце жизни остается одиноким и забытым всеми. Унылая и безрадостная картина человеческой жизни, где на первом плане – ее закат. Поскольку в рассказе большую роль играют культурные и литературные коды, то важен мотив смены поколений, безвозвратно уходящих в прошлое ценностей (в том числе и семейных). Старинный дом напоминает сразу о двух взаимосвязанных традициях – русской (А. П. Чехов) и японской (Рюноске Акутагава). И дом, и вещи, и сад – все предано гниению.

Показательна деталь – дом – старинная постройка, в нем не осталось и следа от былой роскоши и торжественности. Только запах гниения, медленной, но неотвратимой смерти. В финале рассказа молодой человек – невольный свидетель заката жизни старика – отказывается вселяться в опустевший и никому не нужный дом, ему отвратителен запах, который источают деревья, цветы и даже кирпичи дома. Запах старости противоречит одухотворенности и благоуханию молодости.

Но в рассказе далеко не все сводится к конфликту между поколениями. Молодость и старость остаются порознь. Говоря о художественной концепции писателя, его творческом замысле, следует обратиться к самой важной стороне рассказа, которая заключается в творческой деятельности старика. Старик был талантливым художником со своим особым творческим видением, знающий известных живописцев прошлого. В этом контексте образ обретает неоднозначность, требует особого взгляда и на характер, и на окружающую действительность.

Совершенно иначе может быть расшифрован и финал рассказа. Судьба талантливого художника полна сложных испытаний. Часто он остается непонятым, недооцененным. Художник всю свою жизнь писал картины, которые находятся в его доме. Он расположил их по годам. И эта деталь не случайна. Двадцатые годы, тридцатые, сороковые, пятидесятые отражают исторический процесс в том нелицеприятном виде, каким он и был на самом деле. Сила, мужество художника в том, что он пишет историческую правду в своих картинах, не делает их приятными, успокаивающими, не ставит своей целью угодить зрителю, доставить радость. Главное для него – правда искусства, какой бы она ни была. Живописание переходит в летописание.

Образ творца у Назара Эшанкула неоднозначный, многогранный. В творческой личности, как и в мире, который ее окружает, соединяются добро и зло. Демоническое начало в образе старика-художника лишь подчеркивает его творческое начало. Молодому человеку непонятны картины старика-художника. Они кажутся ему и мрачными, и, главное, бессмысленными. Его смущает абстрактность подачи материала (для него это признак потери таланта). Ранние картины, пейзажи, сменяются портретами с размытым

изображением. Картины поражают не только темными красками, зловещими образами, но и общим трагическим пафосом. Старик-художник остается непонятым. Молодость не слышит старость из-за самоуверенности и юношеского максимализма.

Философский смысл рассказа уже в названии – «Человек, ведущий обезьяну». Обезьяна полна противоречий – «животное с весьма противоречивым символическим смыслом»¹. Часто этот образ связывают с пороком, страстями, дьявольскими ересями. «Ее способность к подражанию и многообразие форм поведения делают ее символику в целом противоречивой и позволяют ей олицетворять как положительные, так и отрицательные стороны человеческого поведения»². В восточной традиции обезьяна часто наделяется положительными чертами (храбрость, стойкость, самопожертвование).

Смысл первой, самой ранней, картины художника – молодости многое под силу. Главное слово в заглавии – Человек. В человеке должно превалировать духовное начало. Сильный духом человек способен на многое. Единственное, чего преодолеть нельзя, – это биологическое время, ведущее человека к физическому финалу. Человеческий век короток. Но это не значит, что невозможно исполнить свое главное предназначение. Две картины – самая ранняя и поздняя – обращены друг к другу. На первой – человек только вступает в жизнь. На последней – делает последние шаги по земле. Особый смысл имеет место, из которого человек выходит. В густом лесу много деревьев. Скорее всего – это место блуждающих душ и сознаний. Лес – один из вариантов лабиринта, по которому человек блуждает до рождения и после смерти.

Жизнь – это выход из лабиринта, пусть и на очень короткий срок. И за это время человек должен успеть сказать и сделать что-то действительно важное. Жизнь старика-художника – это его картины. В биологическое время включено время историческое. Каждая картина – это определенный период жизни не одного человека, а целого народа или даже человечества. Молодого человека неприятно удивляют страшные бедствия, изображенные на картинах старика-художника. Он благосклонно оценивает ранние пейзажи и не хочет принимать живописную информацию с тех картин, где изображена гибель людей, невзгоды и тяготы жизни. Картины расставлены в доме старика-художника таким образом, что молодой человек, ведущий на цепи обезьяну, последовательно рассматривает картины, расположенные после первой.

Картина, где обезьяна и старик возвращаются, расположена таким образом, что персонажу видны картины из прошлого. Историческое время оказывается внутри времени биологического. Две картины организуют замкнутое пространство. Это свидетельствует о том, что история влияет на человека изнутри, на протяжении всей жизни этот фактор является важным и его следует учитывать и ориентироваться на него, так как это опыт прошлых поколений. Первая и последняя картины – это настоящее и будущее. Принято считать, что прошлое находится за нашей спиной, и мы на него оглядываемся.

В рассказе прошлое в виде картинной галереи оказывается прямо перед вступающим в жизнь человеком. Увидит ли он перед собой этот горький опыт человечества? Захочет ли почувствовать былые трагедии, проникнуться страданиями других людей, чтобы никогда не совершать подобного? В свете

1 Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – С. 242.

2 Там же. – С. 242-243.

этих вопросов финальная фраза молодого человека свидетельствует о том, что он, к сожалению, не готов взять на себя непосильный груз, который всю свою жизнь нес художник. Он оценил картины старика с обычной, бытовой точки зрения, т. е. с той, на которую был способен.

Старик-художник – творческая личность. Всю жизнь подчиняясь системе (государственной, политической, военной) и будучи ее частью, он жил по установленным правилам и не оставлял своего творчества. Он продолжал свою творческую миссию, проявляя стойкость в убеждениях и творческую смелость. Молодой человек вступает в спор со стариком, рассуждая об убеждениях, которые должны быть у человека. Ему кажется, что старик разочарован в жизни, ничего не достиг, его убеждения развеялись вместе с эпохой, в которую он жил. Интересно, что молодой зритель хорошо помнит только одну, первую, картину, где человек ведет обезьяну, т. е. только вступает в жизнь. Трагические картины из жизни человечества не остаются в его памяти. Молодое поколение, у которого нет памяти о прошлом, обрекает себя на незавидное существование. Старик – не рядовой неудачник, как кажется на первый взгляд. Он – творец. Молодой человек ошибается, думая, что талантливые пейзажи были лишь в двадцатые годы, когда старик был молод. Настоящее творчество – это все последующие шедевры, отражающие самые нелицеприятные стороны жизни. Сохранить память для последующих поколений – это главное убеждение художника. Творческий труд сложен. Возможно, время для понимания картин старика-художника еще не пришло. До последнего вдоха он продолжает творить: с трудом держа ложку, он уверенно держит кисть, которая для него не только необходима для работы, но является орудием борьбы с бездуховностью, бескультурьем и беспамятством людей. Как настоящий солдат, он остается верным своим творческим идеалам.

Молодой человек приходит в дом старика после его смерти и видит последнюю картину. По тому, как краски положены на холст, видно, что художник хотел успеть поставить точку в своей живописной летописи. Молодой человек испытывает противоречивые чувства, глядя на последний шедевр художника, где обезьяна ведет в лес почти мертвого старика. Он смотрит и не понимает главного: эта картина не о жизни старика-художника. Эта картина – предостережение, предупреждение ему, молодому зрителю. Талантливый художник способен предвидеть будущее, сделать предсказание, но предотвратить события он не в силах.

В рассказе упоминается картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи», на которой изображено одно трагическое мгновение жизни. Но это не умаляет ценности живописного шедевра, которому под силу оказалось остановить время. Остановить, чтобы люди смогли увидеть, осознать, ужаснуться сотням и сотням мгновений, происходящих вокруг. Мы их не замечаем, не чувствуем. Мы равнодушны не к человечеству, а к себе самим. В рассказе поднимается вопрос об ответственности творческой личности за происходящее. Молодой герой занимается художественным переводом, т. е. опосредованно связан со сферой искусства. Он может быть своеобразным преемником старика, может взять на себя особую культурную миссию – стать следующим летописцем, проводником духовности для нового, грядущего, поколения. Он может проявить гражданственность и патриотизм, которые также свойственны творческой личности. Но хочет ли молодой человек такой участи?

Под сводами дома старика-художника – история. В его руках и мыслях – судьба человечества. С этой особой миссией Творца, наделенного особой ответственностью за Человечество, он прошел через всю жизнь, познал истинный смысл жизни и смерти, пытался раскрыть главную тайну жизни – способ преодоления ее быстротечности, что возможно в творческой самореализации. Дом художника – образ особого символического толка. Вспомним чеховский сад и знаменитое восклицание «Вся Россия – наш сад!» Сад старика находится во внутреннем дворе восточного дома и гниет вместе с домом. Это рассказ не столько о доме конкретного человека и его потерянной связи с семьей (конфликт старика-художника с сыном), сколько о разрушении связи между прошлым и настоящим, об отсутствии интереса к тому, как жили в прошлом – это один из аспектов темы отцов и детей.

Семейные связи и их отсутствие взаимодополняются связями творческими, восстанавливаются за счет них. Поэтому отеческий порыв направлен не только на родного сына, который в конце концов бросает отца и исчезает из дома, но и на молодого человека, который живет по соседству и может быть своеобразным преемником старого художника. Разрушение семьи и семейных ценностей, природные и политические катаклизмы – все это словно собрано в одном доме – доме художника. Зловоние невыносимо, так как исходит не от дома, а самим миром. Вспомним удивительное по своей проникновенности высказывание Д. С. Лихачева: «Земля – наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве... Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев... Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве!»¹

Если культурологическую по своей сути метафору Д. С. Лихачева перенести в область литературоведения, то речь должна идти прежде всего о продуктивности такой категории, как экфрасис². Тот факт, что в тексте Назара Эшанкула произведение искусства из детали предметного, вешного мира переходит на уровень индивидуально-авторской концепции, заслуживает особого внимания исследователей. Теория экфрасиса, активно разрабатываемая в современном литературоведении, – область, которая пополняется, получает новые нюансы, теоретические дополнения благодаря новым авторским исканиям: каждый художественный текст, содержащий в себе произведение искусства («произведение искусства в произведении искусства»), является примером многофункциональности категории экфрасиса³. Работа с экфрасисом раскрывает новые грани произведения, заставляет по-новому оценить самого автора как писателя и теоретика, сделать теоретические выводы о целесообразности и возможностях использования данной категории в литературе. Проведенный анализ позволил выявить ряд возможностей живописного экфрасиса в художественном тексте, которые настолько широки, что влияют на внешнюю и внутреннюю организацию текста, а также являются концептуальной составляющей индивидуально-авторского стиля. Экфрасис открывает возможность многомерного взгляда на творческий процесс, который благодаря своей художественно-теоретической специфике превращается в творческую лабораторию.

1 Лихачев Д.С. Письмо сорок пятое. Космический эрмитаж /Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1988. – С. 234-235.

2 Экфрасис – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.

3 См. Экфрасис в русской литературе. Сборник трудов Лозанского симпозиума / Под редакцией Л. Геллера. – М.: Издательский дом «Мир», 2002.